

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Миханломъ Катеновскимъ.

Ч А С Т Ъ LXVII.

М О С К В А.

Въ Университетской Типографіи,

1 8 1 3.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіюшки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Москва Марта 18 дня 1813 года. *Ординарній Профессоръ Алексій Мерзляковъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 1 и 2.

Я Н В А Р Ъ 1813.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А:  
~~~~~

Р Ъ Ч Ъ

*В необходимости въ настоящихъ
вбстоятельствахъ усилить домо-
водство (*):*

Et quoi! s'ecrie Thénistocle; on oserait, en présence des Grecs; nous faire un crime d'avoir abandonné un vain amas de pierres, pour éviter l'esclavage? Malheureux Adimante! Athènes est détruite; mais les athéniens existent; ils ont une patrie mille fois plus florissante que la vôtre.

Barthélemy: Introduction au voyage de la Grèce.

Потѣннѣйшее Собраніе!

Въ первое открытое засѣданіе наше (**)
мы имѣли честь занять своихъ по-

(*) Произнесенная въ Харьковѣ 13го Января, 1813 года въ торжественномъ собраніи Физ.

(**) 13го Августа 1811 года.

еѣшпшелей разсужденіемъ о пользѣ просвѣщенія въ доводовствѣ, соспавляющемъ цѣль нашего Общества. Сколь поспѣдовавшія за пѣмъ событія ни различны ошъ настоявшихъ погда, мы въ упованіи на подобную же благосклонность не спанемъ изобрѣшашъ инаго предмета. Не будемъ пакже во зло употреблшшъ позволенія вѣщашъ преднародно на восклицанія, младенчески измѣняемыя по движенію спрашпей, по обстоятельспвамъ и времени. Даръ слова, сей кѣ сожалѣнію и спыду челоѣчества споль часпо унижаемый даръ, долженъ бы бышъ орудіемъ вѣчной истины, неподвижной въ своихъ началахъ, всегда одинаковой, поспоянной въ своихъ направленіяхъ. О, да проспрѣшъ она одинъ ошъ лучей своихъ въ вѣщающему! да повелшшъ шпхой, благоуспроенной любви кѣ Ошечеству, не порывамъ заслужшшъ мгновенное одобреніе, его руководспвовашъ!

И кому принадлежшшъ говоршшъ во всявомъ случаѣ устшми истины, какѣ не

лошехническаго Общества, его Членомъ и Правшшелемъ дѣлѣ *Василіемъ Назарьевичемъ Каразиннымъ*. 200 Экземплярѣ сей рѣчи напечатано въ пользу претерпѣвшихъ ошъ неприяшеля. Продающя въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ въ лавкахъ М. П. Глазунова. *Изд.*

Россіянамъ, гражданамъ *самостоятельнаго, исполнскаго* Государства? Имѣюшъ ли они нужду льспипшь самимъ себѣ, скрывать свои недоспашки, перевѣщиваемые очевидными преимуществами; ушавать потери, доказывающія только, что они подлежатъ общему жребію человѣчества? Не должноль имъ признаваться въ ошибкахъ, съ намѣреніемъ бытъ совершеннѣе? Можешъ ли ихъ, владѣющихъ неисчерпаемыми, безчисленными средствами, привести въ уныніе, справедливое изложеніе ушравъ ихъ? Прилично ли на послѣдокъ имъ, соспавляющимъ народъ великій, позорить себя предъ небольщаемымъ, безприспраснымъ потомствомъ? . . . Пускай ничшожныя державы, шрепещущія о судьбѣ своей, пускай Царства произведенныя чудовищнымъ спеченіемъ случаевъ ослабляюшъ сами себя, или покушаюшся ослабить другихъ; пускай орапоры ихъ безспыдно соспавляютъ лжи, копорыя не умедлишъ обличить Исторія: намъ Россіянамъ воистину принадлежитъ дашь величественнѣйшее позорище вселенной, являясь ей безъ всякой завѣсы!

Я осмѣлюсь предложить тебѣ, Почтеннѣйшее Собраніе! о необходимости въ настоящемъ положеніи нашемъ усилить доводство всеми средствами, за-

и мстозаванными отъ обстоятельствъ съ одной и отъ просвѣщенія съ другою стороны.

Благодаря пекущемуся о Россіи Провидѣнію, мы теперь успокоены. Оно вложило вройскую швердоспъ въ сердце возлюбленнаго имъ ПОМАЗАННИКА; вложило въ мысль ЕГО призвать на защиту Опечесства всѣ соспоянтія вѣрноподданныхъ. Оно гласомъ общеспвеннаго мнѣнія предугошвило избраніе Полководцемъ Мужа глубокой опытности, непреборимаго духа, чистѣйшей къ Опечесству любви, — Мужа, очевидно Имъ самимъ произведеннаго на сокрушеніе могущества, предъ которымъ двадцать лѣтъ вся Европа препепала. Оно, проведя сквозь тысячу опасностей многотрудную жизнь его (1), сохранило его въ маспипной спароспи на сіе неожиданное смершными предзначеніе; оно воздвигло намъ и другаго Военачальника великихъ дарованій, котораго градъ Пепровъ достойно называетъ своимъ спасителемъ. Оно возвратило бодрость Россійскимъ войскамъ, въ началѣ изумленнымъ необычнымъ для нихъ опспушеніемъ въ упробу своего Государства, и что казалось погрѣшностями, обратило въ средства къ побѣдѣ. Оно вліяло невѣроятное мужество въ воиновъ-дворянъ, изъ которыхъ многіе, едва

изшедшіе изъ младенческаго возраста, спокрашно презирали смерть; съ расперзанными членами успремлялись въ средину непріяшелей, ведя и воспламеняя порученныя имъ спрои. Оно вброю сполчило мужеспвенный народъ Россійскій, успроило воиновъ изъ купечества, содблало для него сладостію безчисленныя пожерпвованія; и соединивъ земледльцевъ кровавымъ союзомъ, рбщило ихъ испребишь своихъ враговъ, или умереть. Оно подвигнуло самое еспество предбловъ нашихъ въ помощь намъ, вооружило его бурями и мразомъ, на довершеніе гибели дерзновенныхъ. Благодаря сему милующему насъ Провидбнію, мы спасены! Сердца милліоновъ, вспревоженныя спрахомъ, начинающъ бишься покойно. Разгнанныя изъ пепелищъ своихъ семейства возвращающъ. Торговля, сей несомнишельный признакъ благосостоянія народнаго, оживаетъ. Мы здбсь, въ семъ городб, и въ настоящіе дни (*) видимъ ея движеніе, хотя слабое еще по спрудности обспояпельствъ, но уже упбщающее душу гражданина.

Не будемъ однако скрывать отъ себя лищеній, предспсвовавшихъ сему покою,

(*) Относится къ Харьковской *Крещенской* ярмаркб, одной изъ лучшихъ въ полуденномъ краю Россіи. **В. К.**

и тѣхъ, кои должны спвуютъ содѣлашь его прочнымъ. Я не говорю о тысячахъ нашихъ собратій, во всѣхъ соспоаніяхъ и возрастахъ умершихъ, дабы намъ его доставишь. Жизнь не имѣетъ никакой цѣны для перешедшаго въ вѣчность. Она нами только, по сую спрану гроба еще споящими, называется благомъ. Сіи, въ роды родовъ имениныя жерлвы, исполнили свое назначеніе!.. Но проводивъ ихъ слезлицами, благодарными очами до предѣловъ онаго лучшаго міра, возвращимся къ ближайшему намъ, сущесвамъ еще шѣлеснымъ, изъ копорыхъ нынѣ состоитъ шѣло Отечества. Всего прежде древняя его Сполица представляется нашему взору. Скажите вы, созерцавшіе сію машь градовъ Россійскихъ въ наспоащемъ ея видѣ, подобна ли она самой себѣ?.. Звѣрское оспервеннїе преврало чешыре пашыхъ долей ея въ пенель и въ груду камней!.. Какъ хрїстіанинъ, содрогаясь о безбожномъ поруганіи златоглавыхъ храмовъ; какъ гражданинъ, оплакивая разрушеніе великолѣпныхъ черпоговъ, привлекавшихъ вмѣстѣ съ обипащелами ихъ множесиво народное со всѣхъ концевъ Россіи; я какъ сынъ Отечества обозрѣваю Московскія развалины и съ другой спороны. Сіе средпочіе богатствъ нашихъ попрясено до основанія. Многіе капиталы поѣбли не-

возвратно. Въ ничто обращены мануфактуры, восхищавшія насъ своею цвѣтущею юностью, давашія намъ сладкія надежды свергнуть иго чуждой промышленности. Драгоценныя станки и орудія спали жертвою пламени. Не легко возобновить ихъ, подобно какъ и счастливые случаи къ собранію искусныхъ мастеровъ. Въ преклонныхъ лѣтахъ и съ сердцемъ расперзаннымъ поперьями не легко *вновь* предпринимать заведенія, пол-вѣка и пол-имѣнія сповишія. Будущъ со временемъ новые заводы пели, возникнувшъ новые капиталы. Опеческое наше Правительство и предпріимчивый духъ Россійскаго народа извѣсны свѣту. Онъ опять преждолбюшъ препяшшвія! Но между тѣмъ пройдетъ рядъ лѣтъ, въ продолженіи котораго чужеземцы, кто бы они ни были, восхищенные нынѣ поперьями нашими, соберушъ дань съ поржешшвующей побѣдами Россіи. Хищро разочшнными оборошми, дѣйшвіями коварной полишики своей они будутъ искапъ ослапшиъ насъ; и самое *страдательное* состояніе нашей поргшвли, оцѣпенѣніе руководлїи нашихъ, представяшъ намъ, можешъ быть, въ видѣ выгодъ. Они будутъ шщеславшсья доставленїемъ намъ *первыхъ потребностей*; и день ошо дня нечувшшшштельно запрудняя опечесшвенныя наши предпріяшїя, продляшъ господ-

ство своей промышленности. Никакое возвышеніе пошлинъ не оспановитъ ихъ. Они имѣютъ уже опыты, сколь слабо возвышеніе цѣны обуздываетъ прихоть, и совершенно разумѣютъ искусство возвращать отъ насъ свои наклады. Они знаютъ также, что довольно десяти лѣтъ, и нѣкошораго пожертвованія съ ихъ стороны, для того чтобы умершвивъ досужство наше, подчинитъ насъ себѣ невозвратно.

Сія картина, какъ ни бѣгло она начертана, поражаетъ мое воображеніе болѣе нежели другія, необходимыя для спасенія цѣлаго, наши пошери. Но она не должна приводить насъ въ уныніе. Напрощивъ! да удвоится . . . что говорю я? да удесятерится наша дѣятельность. Да будетъ она сразмѣрна тому усердію, которое, по шоржественному свидѣтельству Великаго нашего САМОДЕРЖЦА (*), показали на защиту Опечесства чада его. Перенеся великодушно ушрапы наши, перенесемъ кратковременное спѣшеніе нашихъ привычекъ; и *между тѣмъ воспользуемся нашими положеніемъ*. Пошерианъ случай, и навсегда можешъ быть, если воспановляя развалины, мы слѣпо сохранимъ первобытное

(*) Въ Манифестѣ 3 Ноября прош. г. В. К.

начертаніе основанія. Дворянство! предъ побою опшкрываешься новое подвиговъ поприще, не сполько славное, какъ шо, на которомъ сыны швои и брашїя пали въ рядахъ просшихъ воиновъ, но при настоящихъ обспояпельствахъ конечно не менбе полезное. Осушая слезы о Сполицѣ швоей, почши ея всесоженіемъ (*), принесеннымъ предъ лицомъ Вышняго за спасеніе цѣмой Европы, и обрати ея опустѣніе въ пользу прочихъ краевъ швоего Опечесства. Помѣши сполпленные прежде въ ней и въ ояружности ея заведенія въ скромныхъ, управляемыхъ побою селахъ. Разсѣйся въ пространной Имперїи. Не существующъ болбе причины, заспавлявшїя древле Монарховъ швоихъ имѣшь шебя безпрестанно предъ очами (2). ЕКАТЕРИНА и АЛЕКСАНДРЪ, возвыщенностїю ИХЪ началъ, мудростїю учреждений, скромностїю Двора, указали шебѣ другую обязанность: обязанность подражать ИМЪ во вѣренномъ шебѣ кругѣ. Не опъ каждаго ли изъ насъ помѣщиковъ (**), зависитъ, вмѣсто безразсуднаго распочипеля въ споллицахъ, сегодня извѣспнаго, завшра забываемаго, бышь виновникомъ благоуспройспва, образованія, избилїя многихъ чедовѣвъ намъ подвласщ-

(*) Holocauste. В. К.

(**) Разумѣется: незанятыхъ службою. В. К.

ныхъ? Сіе почтенное Опечеству служеніе, могущее стояти на ряду со всякимъ другимъ, не приличнѣ ли взаимнаго раболѣпства, или праздности? (3) О, да представлятъ Вельможи наши, хотя въ нынѣшнемъ печальномъ состояніи обычнаго ихъ убѣжища, шаковой намъ примѣръ! Тогда мы утѣшены будемъ о разрушеніи рукою злодѣевъ древнихъ стѣнъ Кремлевскихъ! Промышленность и мелаллы, сосредоточенные не одинъ вѣкъ на шѣсномъ пространствѣ, получа множество направленій, проліются по лицу всея Россіи. По естественному печенію, неминуемо возвращаясь въ сердце ея, онѣ будутъ *надежныѣ* содѣйствовать и къ его оживленію. Успановишся болѣе равновѣсія между избыткомъ и нуждою, между потребностями и средствами ихъ удовлетворяти. Не увидимъ тогда земледѣльцевъ, на цѣлыя тысячи верствъ и на многіе мѣсяцы опвлеченныхъ отъ домовъ ихъ и семействъ, приносящихъ симъ послѣднимъ разврашъ и болѣзни съ дальнаго своего пути. Бѣдные, выросшія въ землю жижины, иногда изъ просинива шолько или хворосту и глины составленные, представляющія жестокое, ужасное прошивуположеніе чудовищнымъ домамъ столицъ, вскорѣ измѣняшя отъ присутствія истинныхъ опцовъ своихъ поселянъ. Человѣчество приобрѣшя и по всѣмъ другимъ

отношеніямъ. Своеволію *хищныхъ* наемниковъ положены будущія границы. Художества, во многихъ мѣстахъ Россіи до нынѣ пребывающія въ первомъ младенчествѣ, получаютъ скороспѣшное усовершеніе, и послужатъ къ усовершенію земледѣлія самаго. Просвѣщеніе и изящный вкусъ распространялся быспрѣе и надежнѣе, нежели всѣми другими средствами. О, тогда только пророчество Великаго нашего ПЕТРА, о преселеніи къ намъ со всей Европы наукъ и художествъ, сбудется! (4) Тогда, и *благоустроенное общественное мнѣніе*, вѣрнѣйшій залогъ правосудія и многихъ другихъ общественныхъ добродѣтелей, швердая подпора законовъ, надежнѣйшая опора власти, и огражденіе отъ ея злоупотребленія. . . . общественное мнѣніе, пушеуказатель добрыхъ Царей, обузданіе и наспавленіе Министровъ; общественное мнѣніе, всегда направленное къ защитѣ дражайшаго Отечества, непреклонное служивъ гордынѣ завоевателей; общественное мнѣніе, которое роскошь подавляетъ въ столицахъ, и которому недоспашокъ просвѣщенія не позволяеть возникнуть въ областяхъ (провинціяхъ) . . . сложився и образуется въ счастливой Россіи!

Дворянство, благородные, почтенные мои собратья! милліонъ воиновъ въ пре-

дѣлахъ и внѣ предѣловъ Россіи, кипящихъ рвеніемъ содѣлашь безсмертною славу нашего ГОСУДАРЯ, и даровашь намъ незыблемый миръ; *милліонъ* сихъ воиновъ ожидаетъ отъ васъ своего продовольствія: дабы поддержать пожертвованія; каковыхъ конечно потребуешь отъ васъ еще Отечество, вамъ *необходимо* изобрѣсти новыя источники доходовъ. Вы не только удовлетворите потребностямъ личнымъ вашимъ и вашихъ поселянъ, но представите и поселянамъ государственнымъ новыя обильныя средства на сей же конецъ: Упопробите сихъ людей въ собственнѣ жилищъ ихъ: да благословятъ они васъ. Имъ нужно руководство на прибръщеніе:

Мы не должны думать въ прочемъ; яко бы нынѣшняя потребность въ войнахъ дѣлаесть невозможными предпріяшя. Поддержатъ земледѣліе, оскудѣвающее руками; есть конечно первая наша обязанность. Но замѣнимъ людей введеніемъ машинъ, усовершеніемъ орудій. Англія даже, которая иногда затрудняесться; *чѣмъ* занявъ свое многолюдство; тѣмъ не менѣ находитъ еще *выгоды* въ сокращеніи работъ такими пособіями. Пожелаемъ только переселенія къ намъ искусныхъ художниковъ; что *весьма возможно* въ нынѣшнихъ обшояшельствахъ: (5) Сверхъ того Природа

надбѣлила насѣ долгошою зимѣ, бесполезною для земледѣлія. Куда упошрѣблшь сѣ время досуга, кошорое собираешѣ насѣ изѣ проспранспва полей подѣ приятный общезипія кровѣ? Труды другаго рода при пылающихѣ огняхѣ, семейною бесѣдою услажденные; должны его наполнлшь. Жены и сеспры воиновѣ нашихѣ, имѣющихѣ довершішь свои подвиги, извлечушся изѣ опасной праздносп, кошорой слѣдспвіемѣ вѣ соспоянїи ихѣ еспѣ нищета, или развращенїе. Найдущѣ и сиропы пожершвовавшихѣ собою Ошечеспву полезныя для него прлспанища. Ибо время уже спрого опредѣллшь поняпїе наше о благопворлптельности, по мѣрѣ умноженїя собспвенныхѣ нашихѣ нуждѣ, и рукѣ проспираемыхѣ кѣ намѣ о помолці. Не согласнѣ ли сѣ исплннными началами человѣколюбїя, пещлсь о бѣдныхѣ *прежде*, нежели они возноспшѣ кѣ намѣ жалобный свой вопль? Не болѣ ли заслуги вѣ очахѣ самаго Ошечеспва; занимашѣ прудолубїе, нежели ободряшѣ нѣкопорымѣ образомѣ праздносп? Множеспво заведенїй всѣхѣ родовѣ, по мѣрѣ мѣспной удобности, заведенїй малыхѣ, иногда вѣ самыхѣ жллщахѣ поселянѣ помѣщааемыхѣ, и попому неважнаго иждлвенїя прѣбующлхѣ, да возникнешѣ у насѣ повсюду! Благословенное прудолубїе Силезїи, Саксонїи, Богемїи да введешся подѣ

нашимъ надзоромъ и руководствомъ (6). Счастливымъ почтетъ себя Филопехническое Общество, ежели оправдывая свое уснановленіе, оно и въ семъ родѣ возможеші представить примѣры!

Почтенное Купечество! упѣшься. Въспо *единого* приспанища внутренней торговли, которое, по непомѣрному спеченію богатствъ, было купно и приспанищемъ необузданной роскоши, не рѣдко собственныя свои капиталы подрывавшей, представляешся тебѣ *сто* приспанищъ на внутреннихъ ярмаркахъ. Умѣй ихъ усилишь. Познай посредствомъ прилѣжныхъ разысканій прямыя источники произведеній Россіи, и мѣста потребностей. Учреди ближайшія съ тѣми и съ другими сношенія. Обмысли и опредѣли *систематически* время разсчетовъ и размѣновъ. И ты не будешь имѣшь необходимости въ поржищъ, *обширномъ* и *всеобъемлющемъ*, конечно, но въспѣ и опдаленномъ, гдѣ однѣ и тѣ же *издѣлія* не рѣдко входящъ и исходящъ по одному и тому же пути (7). Раздѣли свои капиталы, имѣвшіе пришокъ въ одну сторону. Дай имъ направленія, могущія оживишь руководля на самыхъ мѣстахъ происхожденія первыхъ къ нимъ веществъ (*). Употреби ихъ,

(*) Матеріаловъ. В. К.,

не сполько на драгоценныя издѣлія, къ копорымъ вещество приобрѣшаешь извнѣ, и копорыхъ приличнымъ мѣстомъ какъ *произведенія*, такъ и *издерживенія* (*) остануся Споллицы, сколько на обработываніе *отечественныхъ* предметовъ Домоводства. Сїи послѣдніе *теперь уже* въ изобилїи приносяся шебъ: чпожъ будешъ въ шо время, когда производители увидяшъ, что пы обогащаешь ихъ, не упопреляя посредства промышленниковъ и монополистовъ! Дай въ малыхъ нашихъ городахъ, за *малую* цѣну, занятіе рукамъ, опвыкшимъ опъ земледѣлія, или къ оному неспособнымъ; и возьми въ праведную себѣ награду шѣ великіе прибышки, кои доспаюся чужеземцамъ, намъ вовсе неизвѣстнымъ (8). Между шѣмъ и *царственное наше торжище*, которое по мѣстному своему положенію, никогда не можешъ преспашь носишь сїе имя, любезное средопочіе опеческихъ нравовъ и обычаевъ, бблокаменная Москва, возникнешъ изъ пѣпла своего. Она ослабишя радостію, возрѣвшъ на чудное преобразованіе Россїи со времени ея несчастія.

Таковы желанія наши, Почтеннѣйшее Собраніе! Присоединимъ къ сему общіе

(*) Consommation. В. К.

нынѣшняго времени обѣщаны сыновѣ Россіи,
 Да сохранишь и утвердишь благоденствіе
 ЦАРСТВУЮЩАГО нашего Дома Всевышній!
 Среди необыкновенныхъ суровостей погодъ,
 которыми Онъ нынѣ ознаменовалъ забвен-
 ное злыми свое вседержительство (9), сре-
 ди военныхъ и политическихъ движеній,
 да охранишь онъ Ангелами своими дра-
 жайшее здравіе добраго нашего ГОСУДАРЯ!
 Благодѣтельница несчастныхъ нашего вре-
 мени, АВГУСТѢЙШАЯ ЕГО СУПРУГА,
 Которой рожденія день мы нынѣ праздну-
 емъ, да будетъ многіе годы ЕГО досто-
 яною наградою на земли! Вѣрноподанные
 всѣхъ областей, всѣхъ сословіій, да успо-
 коятся; да почіюшь въ преданности своей
 къ Самодержавному Виновнику цѣлости ихъ
 семействъ, и свободнаго ихъ существова-
 нія въ предѣлахъ и правахъ отечественныхъ!
 Да понесутъ они охотно бремена, *по не-
 обходимости* и соспраждующею возлагае-
 мыя рукою, бремена всегда несравненно лег-
 чайшія ужаснаго пягопѣнія руни вражіей!
 Да утѣшатся мыслію, что Провидѣніе и
 челолюбивое сердце ихъ МОНАРХА не
 оставяшь ихъ безъ награды! Западные на-
 ши собратія наипаче, послѣ жестокаго сво-
 его испытанія, да утвердятся въ вѣхъ же
 чувствованіяхъ! Да познаюшь, что они
 наши любезные единоплеменники; что кровь
тѣхъ же Славянъ течетъ въ жилахъ ихъ,

и что перемѣна прежняго имени ихъ опечесва на другое, другому помя колѣну шѣхъ же прародителей принадлежащее, не есть разрушеніе, или опчужденіе опечесва; что подчиненіе однимъ законамъ, одному правленію съ нами, не есть подчиненіе *намъ*; что брацкой узелъ нашъ съ ними подъ опеческою рукою общаго Правительсва не есть *рабство*, которое бы могло ихъ уничтожать! Вельможи ихъ и наши, послѣ вреднаго, сполннѣе продолжавшагося колебанія между системами чуждыхъ Державъ, да не пожелають бытъ ни къмъ болѣе какъ помя *Россіянами*! Да презрять, какъ безславное подражаніе чужимъ обычаямъ (іо), такъ и рабство чуждой полишкѣ! Заимствуя начала просвѣщенія и благоденствія своего Опечесва оповсюду, безъ различія и предпочтенія, питая *человколюбіе* вообще, да не прилбпляются они душой ни къ какому инодержавному народу! Да не выпускають изъ памяти, что праопцы наши, въ самой глубокой древности, съ другими извѣстными племенами рода человческаго *мало* общаго имѣли; а шѣмъ менѣе въ послѣдствіи, съ потомками населяющихъ нынѣ Европу родовъ *Целтическаго* или *Голтснаго* произхожденія; что они, по свидѣтельству писателей всѣхъ временъ, *всегда* составляли народъ *особенный*, доблестей

исполненный, независимый, непричастный чуждаго вліянія, имѣющій собственные обычаи (11! Россія „проспранная, богатая, „миролюбивая Россія, не ищущая завоеваній, не алчущая чужихъ сокровищъ, не „присвояющая себѣ Богу единому приличной власти располагать престолами Царей (*))“ да удержишь постоянно нынѣшнее величество своего характера! да не позволишь во вѣки другимъ державамъ ею руководствоваться! да не позволишь имъ, подъ предлогомъ *справедливаго мщенія, вознагражденія потерей, или славы вновь устраять престолы*, пользоваться ея силами, кровію ея сыновъ на служеніе себѣ! Бывъ великимъ, неиспощимымъ въ средствахъ Государствомъ, да отвергнешь пособія, ненадежныя и на условіяхъ предлагаемыхъ, которыя не умедлятъ бытъ представлены въ видѣ *благодѣній, возмездія* пребывающихъ! Да не превознесетъ она успѣхами до того, чптобы забытъ предположенную ею умѣренность, и сродное сильнѣйшей Державѣ великодушіе (12)! Да останетъ для современниковъ и потомства, для самыхъ враговъ своихъ, предметомъ почтенія, спольво же необыкновеннымъ въ Исторіи, какъ ея побѣды! Даро-

(*) Слова **ВЫСОЧАЙШАГО** Манифеста отъ 30
 Ноября прош. г. **В. К.**

завѣ собственными силами мирѣ попи-
 ко лѣшѣ спрадавшеи Европѣ, обуздавѣ алч-
 ность кѣ господству и завоеваніямѣ, пред-
 ставивѣ удивленному свѣту примѣрѣ,
 какѣ наказующея Владыки, во зло употре-
 бляющіе способы, данныи имѣ Провидѣні-
 емѣ, да обратится она кѣ самой себѣ; да
 поспѣшивѣ исцѣлишь свои раны, и из-
 внушри болѣе, нежели из - внѣ, да пред-
 пріимешѣ огражденіе своего величія и своей
 независимости! Совершенная и безпредѣль-
 ная свобода промысловѣ и руководѣній, рас-
 просраненіе истиннаго, на религіи осно-
 ваннаго просвѣщенія, усовершеніе отече-
 ственныхѣ законовѣ, соединеніе между со-
 бою *всѣхѣ* сосполнѣій союзомѣ взаимной
 пользы и взаимныхѣ обязанностей — не
 политическія связи, вредившія ей искони
 — да составяшѣ швердое основаніе ея благо-
 денствію!

*Прилѣсанія господина Согинителя кѣ мѣ-
 стамѣ, означеннымѣ въ Рѣси цифрами.*

(1) Не всѣмѣ изѣ читателей, можетѣ быть,
 извѣстно, что *Князь Михаилъ Ларионовичъ*
 въ числѣ прочихѣ ранѣ въ продолженіе
 почтенной своей службы получилѣ одну,
 которая можетѣ почестея доказательствомѣ
 явнаго покровительства Божія. Еша
 удивительная рана, заставила въ чужихѣ
 краяхѣ Медиковѣ писать диссертациі; именно
 ружейная пуля прошла у него на вылетѣ изѣ

виска вѣ високѣ позади обѣихъ глазъ. Сей опасной *сквозной* прорывѣ нѣжнѣйшихъ частей и самыхъ важныхъ, по положенію височныхъ костей, глазныхъ мышцъ, зрительныхъ нервовъ (мимо которыхъ, *на волосъ чаятельно разстояніемъ*, прошла пуля) и самаго мозга, послѣ излѣченія не оставилъ другихъ послѣдствій, *какъ только* что одинъ глазъ нѣсколько покосило! . . . Еслибы такой случай предавала намъ Исторія, то мы навѣрное сочли бы его баснею. Къ счастью, это случилось вѣ наши времена,

- 2) Чишавшимъ наши Ошечесшвенныя дѣшописи не безвизвѣстны причины, которыхъ Іоаннъ Василіевичъ III имѣлъ, по уничтоженіи имъ удѣльныхъ княжествъ, собрать все знашное Дворянство вѣ Москву, не позволяя ему жить индѣ. Тѣ же самыя причины зашавили и внука его, Царя Іоанна Василіевича IV, учредить гвардію *опричныхъ*, вѣ числѣ коихъ ни одного изъ дворянъ не было.

Давнымъ - давно обстояшельства перемѣнились. Государшвенные переворошы послѣ Годунова, ужасы междуцаршвія, особливо же сшасшливое избраніе Михаила Ѳеодоровича, не оставили и малѣйшихъ слѣдовъ, ниже мѣсша недовѣрчивости. Но жить вѣ Москвѣ сдѣлалось уже обыкновеніемъ для Боярѣ. И Петрѣ Великій не могъ его перемѣнить, перенеся мѣстопребываніе Государей: не взирая даже на приняшыя Имъ крушыя мѣры. Онъ сшѣшилъ зашстроить любимый имъ Петербургъ, и дѣйствовалъ по сему побужденію. А Великая Екатерина

имѣла *другія* причины дѣйствовать сходно съ тѣмиже видами, хотя несравненно крошчае, и соображаясь вѣку, вѣ которомъ Она жила, и *которой Она для России сотворила*. Премудрая сія Монархиня желала на провинціи распространить благодѣнія своего правительствва. Она весьма чувствовала, что такимъ только образомъ народъ Россійскій достигнетъ своего назначенія. Она знала изъ Исторіи, что не рѣдко слишкомъ обширныя и великолѣпныя столицы погубляли свои Государства, изелекая лучшіе соки и обращая ихъ вѣ гнилость. На сей-то конецъ умножала Она города во всей Имперіи, заставляла дворянство жить вѣ деревняхъ, учрежденіемъ мѣстныхъ *выборовъ*, особливимъ уваженіемъ Губернскихъ Предводителей и Депутацій. На сей конецъ учреждала Банки для помощи сельскому Домоводству, Губернскія училища, и пр. При Ней уже предположены были при Университетахъ: вѣ Новгородѣ, Кіевѣ, или Черниговѣ, и Казани. Августѣйшій ВНУКЪ Ея дополнилъ шаковыя учрежденія высокой и *истинной* полицики изданными ИМЪ законами, имѣющими цѣлю распространеніе *народнаго* просвѣщенія, обузданіе праздности, роскоши, и проч. Особливо достоинѣ примѣчанія Высочайшій Указъ Апрѣля 3 1809 года. Смыслъ онаго пребудетъ бессмертнымъ памяникомъ просвѣщеннѣйшаго Правленія!

(3) „*Помѣщикъ* разумѣю я наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому (или предкамъ его) верховная власть давъ землю для населенія, чрезъ шо ввѣрила попеченіе о людяхъ

(*поселянахъ*), на оной жишь имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣспствен-ность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судія, посредникъ между ими и высшимъ Правительствомъ, ходатай за нихъ, наставникъ во всемъ, что принадлежишь къ добру ихъ, наблюдашель за благочиніемъ и нравами. Однимъ словомъ, въ отношеніи къ Государству онъ есть *ихъ Генераль-Губернаторъ въ маломъ видѣ*.“ Взято изъ сочиненія автора Рѣчи: *Практическое за-щипеніе (противу иностранцовъ) установленной въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ Помѣщикамъ*, изъ котораго было уже приведено одно мѣсто въ примѣчаніяхъ на первую Рѣчь, говоренную въ публичномъ Собраніи Филотехническаго Общества 18 Августа 1811 года. Сіе сочиненіе, написанное за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, и содержащее систему, весьма несходную съ извѣстною Графа С. . . . (въ книгѣ его *о условіяхъ*), систему основанную на коренныхъ законахъ и обычаяхъ Царства нашего, будетъ напечатано въ нынѣшнемъ году, если позволятъ обстоятельсва.

- (4) Въроятно читатели, *Россіяне*, члущіе память своего Петра, пожелають припомнить все происшествіе, при которомъ сей Государь, изрекъ упомянутое пророчество. Здѣсь помѣщается оно изъ *Дѣяній Петра Великаго* (Части IV стр. 372, изданія 1788 г.) въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ почтенный *Голицковъ* изобразилъ его, списавъ у современника *Крексина*. Въ прочемъ и другіе писатели, какъ-то *Левкъ*,

почти совершенно согласно обѣ ономъ повѣшвуютъ. Сей послѣдній ссылается на *Житіе Петра Великаго*, книгу напечатанную въ Венеціи (См. *Histoire de Russie. Edit. de Paris, de l'année VIII. T. IV. p. 444.*)

Сентября 28 дня (1714 г.) опспроенный военный корабль Шлиссельбургъ, которой онъ своими закладывалъ руками, благоволилъ Самъ же, при великой пушечной пальбѣ, и въ присущствіи всѣхъ своихъ Генераловъ и Министровъ, спустить на воду; и когда оный сошелъ весьма успѣшно: по, бывъ въ крайнемъ удовольствіи, говорилъ окружавшимъ его морскимъ начальникамъ и офицерамъ слѣдующую рѣчь:

„Товарищи! естъ ли кто изъ васъ пакой, кому бы за двадцашъ лѣтъ предъ симъ пришло въ мысль, что онъ будетъ со мною на Балтійскомъ морѣ побѣждать непріятелей на корабляхъ, оспроенныхъ нашими руками, и что мы переселимся жить въ сіи мѣста, приобрѣщенные нашими шрудами и храбростію? Думали-ль вы въ шакое время увидѣшь пакихъ побѣдоносныхъ солдатъ и мапросовъ, рожденныхъ опъ Россійской крови; и градъ сей, населенный Россіянами и многимъ числомъ чужеспранныхъ мастеровыхъ, шорговыхъ и ученыхъ людей, прибѣжавшихъ добровольно для сожипія съ нами? Чаяли-ль

„вы, что мы увидимъ себя въ поликомѣ
„ошѣ всѣхъ Владѣтелей почитаніи ?

„Писатели пославляющѣ древнее оби-
„палитце наукъ въ Греціи; но кои, судѣ-
„биною времянѣ бывши изъ оныя изгнаны,
„скрылись въ Испаліи, и попомѣ разсѣя-
„лись по Европѣ до самаго Польши; но въ
„Опечесство наше проникнушѣ воспрепяш-
„ствованы нерадѣніемѣ нашихъ предковѣ;
„и мы оспались въ прежней пѣмѣ, въ ка-
„ковой были до нихъ и всѣ Нѣмецкіе и
„Польскіе народы. Но великимѣ прилѣжа-
„ніемѣ искусныхъ Правителей ихъ опвер-
„злись имѣ очи, и со временемѣ содѣла-
„лись они сами учителими тѣхъ самыхъ
„наукъ и художествѣ, какими въ древно-
„сти хвалилась одна только Греція. Те-
„перь пришла и наша череда, ежели только
„вы захопите искренно и безпрекословно
„вспомоществовать намѣреніемѣ моимѣ,
„соединя сѣ послушаніемѣ трудѣ, памятуя
„присно Лашинское оное присловіе: *моли-*
„*тесь и трудитесь.*

„Науки коловращающія въ свѣтѣ на
„подобіе крови въ человѣческомѣ тѣлѣ. И
„я надѣюсь, что онѣ скоро преселятся и
„къ намѣ; и ушвердя у насѣ владычество
„свое, возвращаясь наконецѣ и на преж-
„нее свое жилище, въ Грецію. Я предчув-

„спвую , что Россіане когда нибудь при-
 „спыдящъ самые просвѣщенные народы
 „успѣхами своими въ наукахъ , неутоми-
 „мостью въ трудахъ , и величественномъ швер-
 „дой и громкой славы,“

Всѣ предстояшіе, слушавъ сію Монар-
 шую рѣчь съ глубокимъ молчаніемъ , по
 окончаніи воскликнули : *самая то исти-*
на! и мы готовы во всемъ Тебѣ послѣ-
довать.

(5) Не говоря уже о чрезвычайной удобности
 получить хорошихъ мастеровъ изъ Москвы,
 которые теперь довольное время останутся
 шамъ безъ дѣла и пропитанія, желалъ бы я
 обратить вниманіе нашихъ Помѣщиковъ на
 Прусскія и другія Германскія области, въ
 которыя проникающъ войска наши. Кто
 изъ мастеровыхъ шамошнихъ не промѣ-
 няетъ теперь ужасовъ войны на покойную
 и выгодную жизнь, которая ожидаетъ его
 внутри Россіи! . . . Нужно только употре-
 бить надежныхъ комиссіонеровъ, и нѣко-
 торое содѣйствіе Правительства, въ како-
 вомъ вѣрноподданымъ никогда не было от-
 казывается.

(6) Извѣстно, что шамъ (ш. е. въ Силезіи,
 Саксоніи и Богеміи) не только всѣ почти
 произведенія, вывозимыя въ большомъ коли-
 чествѣ въ разныя стороны, обработывающ-
 ся *семейно*, но что и малое число суще-
 ствующихъ *нарядныхъ фабрикъ* получа-
 ющъ свои издѣлья: какъ-то пряжу, нитки,

и пр. изъ деревень. Нѣчто подобное было, и вѣроятно *еще будетъ*, въ Московской Губерніи. Для чего же не бысть сему въ Слободской-Украинской, Курской, Полтавской, и такъ далѣе? Но . . . и не можно довольно часто повпорять сію истину: *просто-му народу у насъ потребно руководство для приобрѣтенія.*

- (7) Представимъ себѣ просвѣщеннаго иностранца, которой бы имѣлъ предъ собою разложенную карту Россіи. Повѣритъ ли онъ, если мы ему скажемъ, на примѣръ: что сырыя кожи идутъ, и при томъ *зужомъ*, изъ *Полтавы, Екатеринославля, или Харькова*, въ *Москву*, или *Болховъ*, въ то самое время, какъ выдѣланныя возвращаются по тѣмъ же дорогамъ на мѣста своего происхожденія? . . . Что мы пшеницу продаемъ въ Орелъ, или Москву, и покупаемъ дорогою цѣною привозимую опшуда изъ сей пшеницы передѣланную муку? . . . Что на одну Харьковскую ярмарку привозятъ за 500 и 700 верствъ свѣчи, сдѣланныя изъ воску, которой былъ купленъ здѣсь на предвѣдущей ярмаркѣ? . . . Что потребныя для насъ мѣды въ доскахъ и рѣзное желѣзо получаемъ мы не изъ Перми чрезъ Сибирскъ и Саратовъ, но изъ Москвы и Тулы? . . . Что товары, которые бы удобно намъ получашъ на мѣстѣ, въ той или другой Губерніи, мы покупаемъ уже тогда, когда они совершатъ путешествіе въ Москву, какъ то бѣлой медъ, сыръ, Украинской табакъ и пр? Повѣритъ ли онъ сей *тратѣ* времени, трудовъ и извоза, *совершенно бесполезной для Государства*, и

только возвышающей цѣны вещей безъ всякой нужды? . . . Повѣритъ ли етошь иностранецъ, что *сосѣдственныя* даже Губерніи, весьма различныя по своей земной пошвѣ, слѣдовательно и по произведеніямъ, какъ на примѣръ *Слободская-Украинская* и *Черниговская*, почти совсѣмъ не имѣютъ между собою торговыхъ сношеній? И такъ далѣе.

Многія ярмарки наши не соглашены ни съ досугами народа, ни съ удобностію путей по годовому времени, ниже взаимно между собою по мѣстному положенію. Но етошь предметъ слишкомъ обширенъ, и не возможно помѣстить его въ *Примѣчаніи*.

(8) Чпо авторъ Рѣчи знаетъ границы, не воображая (въ изшупленіи какомъ-то) всѣ фабрики на свѣтѣ переводить въ Россію, и уничтожая естественныя причины къ сношенію народовъ между собою, по доказуется слѣдующимъ мѣстомъ, взятымъ изъ бумаги его, въ концѣ Марша мѣсяца 1801 года препровожденной къ одной великой Особѣ:

„ . . . Въ прочемъ Россія безъ мѣлѣйшей для себя невыгоды можетъ великодушно уступитъ многія вѣтви промышленности и руководѣлій народамъ, скуднымъ землею. Ей ли, изобилующей естественными богатствами, присвоить ненасытимо *всѣ* источники существованія? . . желать самой все обрабатывать, когда она несравненно дешевле можетъ имѣть *наемныхъ* себѣ въ предѣлахъ своихъ?“

Но, какъ по всѣхъ вещахъ есть *средина*; но по истинѣ жалко, что на примѣръ :

Въ кускѣ сукна (мѣрою въ 25 аршинѣ) всего матеріалу и краски находится не болѣе какъ на 20 рублей серебра, или ассѣ на 80 рублей —

А мы за пошлѣ кусокъ сукна будемъ платить иностраннымъ продавцамъ семь сотъ пятьдесятъ рублей ;

Въ аршинѣ ситцу хлопчатой бумаги и краски не болѣе какъ на 20 коп. —

А мы за пошлѣ аршинѣ заплатимъ по крайней мѣрѣ 3 рубли ;

Въ аршинѣ *ниже* матеріалу не болѣе какъ на 50 коп. —

А мы за пошлѣ аршинѣ заплатимъ 10 рублей.

Умалчивая уже о блондахъ, которыхъ аршинѣ иной стоить 600 рублей, и о шаляхъ, изъ коихъ есть цѣною въ 12,000, *въ двѣнадцать тысячъ рублей* !! Между тѣмъ какъ люди, имѣющіе у насъ здоровыя руки, зимой въ рубищахъ кричатъ: *по клюкву* ! и тому подобное ; или между тѣмъ какъ толпы женщинъ по хуторамъ полуденныхъ губерній всю зиму лежатъ безъ дѣла, не въ состояніи бывши мужьямъ своимъ и сыновьямъ придумать помощи къ заплатѣ подашей. Всѣ сіи *великіе прибитки*, составляющіе *по послѣдней мѣрѣ* 800 процентовъ сверхъ истинной цѣны матеріала, моглибъ быть раздѣлены между нами нашими соотечественниками и заводчиками, которые захотятъ ихъ употребить. Но оныя, въ предположеніи (до кошо-

раго конечно не допуститъ насъ Правитель-
 ству) должны будущъ уходить за границу,
 для того чтобы пойти чаемъ Манчестер-
 скихъ рабочихъ и ихъ семейства, или чтобы
 составлять часть *таксы для бѣдныхъ* (*).
 (Смол. первой рѣчи Филошежническаго Обще-
 ства страницу 17.) Ешаго мало! Прекрас-
 ные наши овечьи заводы, *выдержавшіе уже*
соперничество ввозной шерсти, нечувствитель-
 нельно уничтожатся. И изъ многихъ де-
 сятковъ тысячъ испанскихъ овецъ, покрывающихъ поля
 Екашеринославской, Полпавской, Херсонской и Сараповской
 Губерній, въ десятъ лѣтъ останется развѣ нѣсколь-
 ко неважныхъ стадъ, которыя жилищные охотники
 сберегутъ для домашней за-
 бавы.

(Авторъ Рѣчи съ удовольствіемъ признается въ семъ случаѣ, что онъ большую часть познанія о мѣстныхъ обстоятель-
 ствахъ Россійской торговли и промышленности почерпнулъ изъ прилѣжныхъ бесѣдъ съ умными доброжелателями своему Отечеству. Особливо *долженъ* поставляеть упомянуть нынѣ съ благодарностію имя *Калужскаго Гражданина Дмитрія Ивановича Подкованцова*.)

б) Къ числу достопамятностей нынѣшнихъ суровостей воздуха принадлежитъ между прочимъ и то, что въ сію зиму здѣсь, подъ 50° широты, въ Украинѣ, гдѣ стужа въ 20° Реомюровыхъ казалась прежде необыкновенною, по *вѣрнѣйшимъ* наблюденіямъ,

(*) The poor rates. В. К.

учиненнымъ на открытомъ мѣстѣ, ртуть застывала (*) въ пермометрахъ при раза: именно же 20, 22 и 23 Января до восхожденія солнца.

- 10) „Въ Царствованіе Михаила Ѳеодоровича, „Россіяне никакого иностраннаго одѣянія „шерсть не могли, и даже самые Нѣмцы, „Французы, Англичане и другіе иностранцы, „находившіеся тогда въ Россіи для „торговли и разныхъ другихъ промысловъ, „равно какъ и вступившіе въ службу, если „не хотѣли быть предметомъ всеобщаго „посмѣянія, должныствовали носить Руское „плащье“ (*Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ Г. Успенскаго. Части I. стр. 55.*) Не ужели *и теперь еще* не пора намъ имѣть что нибудь свое, свое собственное и въ одѣянїи, и въ прочемъ?.. Не возвратиться въ прошедшіе вѣки разумѣю я; кто благоразумный сего желать можетъ? Но только общему просвѣщенію *человѣческаго рода*, непрестанно подвигающемуся впередъ, на *Россійской землѣ*, дать всю наружность *Россійскую*, сохранивъ изъ древности все то, что съ онымъ совмѣстно быть можетъ. На примѣръ: какъ восхищительно было намъ, въ провинціяхъ читать Высочайшій приказъ къ войнамъ, отданный въ Вильнѣ 25 Декабря, и оканчивающійся сими словами. „Сего „*требуютъ и ожидаютъ отъ васъ ваша „православная вѣра, ваше Отечество, и „Царь Вашъ!*“ — Царь Вашъ: Сладкое

(*) Замерзала не должно, кажется, говорить о мешаллѣ. В. К.

слово для Россіянина! О, да будетъ Россій-
скій ЦАРЬ выше всѣхъ въ свѣтѣ Императс-
ровъ!

(II) Весьма справедливо согражданинъ нашъ Г.
Рейшъ въ своемъ *Specimen Historiae Rossor-
gum* сказалъ, что поколѣніе Сарматовъ
(Сауроматовъ) различествуетъ отъ поколѣ-
нія Гетовъ шѣломъ, языкомъ, нравами и
учрежденіями.

Что *Сарматы*, бывшіе въ Иродотовы
еще времена (за 2300 лѣтъ) народомъ осо-
беннымъ, суть шѣ самые, кои въ пятомъ
вѣкѣ по Р. Х. назывались *Славянами* и
Антами; болѣе! что они пришельцы изъ
Миди, и едва ли не составляютъ старѣй-
шее изъ опшоргнувшихся поколѣній древ-
нихъ Индѣйцовъ, и по, которое *наиболѣе*
удержало на себѣ признаковъ своего *почтен-*
наго происхожденія: ешу мысль, шеперь уже
не новую, сочинитель Рѣчи осмѣлился из-
сѣдвовашъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же
довольно будетъ привести слова двухъ чу-
жеродныхъ, безпристрастныхъ писателей о
Славянахъ, одного изъ шестаго, другаго же
изъ восемнадцатаго столѣтія. Вошъ что
говоритъ первый (Проконій):

„И въ самомъ дѣлѣ сіи народы, Славены
„говору, и Анты . . . въ народныхъ собра-
„ніяхъ совѣтуются и разсуждаютъ объ обще-
„ственныхъ пользѣ и вредѣ. Равномѣрно и
„все прочее изъ сказаннаго шѣмъ и другимъ
„варварамъ (*) есть свойственнено по об цимъ
„ихъ *законамъ*.“

(*) Греки называли варварами всѣ чужіе имъ
народы. В. К.

„Единаго признають Бога, молнію пворящаго, и почитая Его *единствєннымъ* всея ленная Господомъ, Ему воловъ и всякаго рода жершвы приносяшъ.“ НВ. Епо въ то самое время, когда всѣ Гетскія или Готскія племена, бывъ многобожники, между прочимъ поклонялись вопкнутому на холмѣ мечу, и закалали въ жершву чловѣковъ. Далѣе:

„Въ нравѣ ихъ нѣмѣ ни злости, ни лукавства“ и пр. (Memoriae . . . e Scriptoribus Historiae Byzantinae a Strittero Tom. II, p. 28 и 29).

Совсѣмъ инымъ образомъ описываютъ тогдашніе Историки Готскія племена! . . . Въ Литургію того времени было внесено: *Господи! избави насъ отъ лютоши Норманновъ* (*)! Правда, что въ числѣ сихъ послѣднихъ разумѣются и Руссы. Но сколь малую часть Руссы составляли въ Славенскомъ народѣ (съ которымъ они *только не сѣверѣ* соединились), епо видно изъ того, что языкъ ихъ упонулъ въ Славенскомъ, не оставивъ почши никакого по себѣ слѣда.

Вотъ что говоритъ другой писатель (Краузе):

„Венды (Венды, Венеты, тѣ же *Славяне* какъ извѣстно) не имѣли съ Германскими ихъ сосѣдами ничего общаго, кромѣ пакихъ вещей развѣ, которыя суть общи всѣмъ народамъ. Тѣлесный видъ, языкъ,

(*) A Normannorum furore libera nos, Domine.

водѣніе; оружіе; образъ жизни и учрежденія всегда опличали ихъ отъ Нѣмцовъ до такой степени, что различіе бросается въ глаза и послѣ тысячелѣтняго ихъ взаимнаго знакомства, даже и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ они давно другъ подлѣ друга живутъ, подлѣ одними владѣтелями и одними законнами.“ (Krause, Geschichte der wichtigsten Begebenheiten des heutigen Europa. Th. III, S. 244.)

Любопытно будетъ прочесть въ слѣдъ за симъ слова Германскаго же писателя, *Ариэ*, на котораго ссылается покойный Профессоръ Харьковскаго Университета Г. И. *Герлайтъ* въ общей его Исторіи, богатой умными изслѣдованіями (и еще не напечатанной). „Наблюденіе Славянами упрямо своихъ обычаевъ, говоритъ *Ариэ*, было, я думаю, *болѣе всего* причиною тому, что сосѣди ненавидѣли ихъ, и старались покорить оружіемъ.“ (Petri Frid. Aepi, Themis sibirica. . . . Hamburgi 1737.)

(12) Авторъ Рѣчи счастливимъ себя почитаетъ, что онъ въ семъ мѣстѣ и во многихъ другихъ совершенно встрѣтился съ мыслями, выраженными въ Высочайшихъ Манифестахъ 12 го и 25 го Декабря. Оныя сдѣлались извѣстны въ Харьковѣ Января 21 го.

Ліодоръ и Софья.

(Повѣсть.)

Въ концѣ Августа прошлаго года, въ достопамятную эпоху нашей Исторіи, когда Московскіе жили послѣ долговременнаго благоденствія внезапно увидѣли надъ собою грозную пучу, когда уже многіе опцы и супруги удаляли изъ Сполицы дѣшей и женъ своихъ, — въ сіе время Усердинъ, сшарой служивой, украшенный военнымъ Орденомъ, пребывалъ спокоенъ среди общаго смяшенія. За по рѣзвая Лиза, его племянница, безпреспанно его превожима: не проходило дня, чшобы она не вбѣгала въ кабинетъ его и не швердила ему по нѣскольку разъ *кто уѣхалъ, кто ѣдетъ, или кто сбирается ѣхать.* „Сумасшедшая!“ говорилъ ей дядя: „чего ты боишься? Если въ самомъ дѣлѣ нужно будешъ выѣхашъ, уже ли я здѣсь оставлю васъ? Но *ни свѣтъ, ни заря* бѣжашъ изъ своего дома — ѣхашъ неизвѣстно куда и за чѣмъ? Ешо просшишельно вздумашъ полько вѣпреной шестнадцатилѣшней дѣвочкѣ, какова ты.“ — Я любя васъ, дядюшна, и зная чшо всѣ ѣдушъ. . . — „Благодарю за любовь швою; но будь же, по крайней мѣрѣ увѣрена, что и я не меньше лсблю тебя. . . Впрочемъ, ешо не ешь еще доказательство любви, когда

шы не такъ понимаешь вещи, какъ должно понимаешь ихъ. Посмотри на Софью; она при нынѣшнихъ обшпоятельстввахъ гораздо тебя благоразумнѣе: не подумай, чшобы я льспилъ дочери — я говорю безприспрасшно. . . .“

Въ самомъ дѣлѣ Софья не забошплась обв опѣздѣ; но Софья и во многомъ не походила на Лизу. Одна имѣла болѣе склонности къ уединенію, любила чпеніе, музыку, работу: другая шолько чшо забошплась *о свѣлѣ*, и всякой балѣ, спектакль, концершѣ былъ для нее праздникъ; одна была скромна, шпха и болѣе молчалива: другая рѣзва, говорлива и вѣспрена. Шполь же различны были и внѣшнія ихъ достоинствва: одна имѣла какія-шо скрышпныя прелеспш, кошорыя не вдругъ дѣлали впечашлѣшіе; другая нравилась при первомъ взглядѣ и обворожала веселою улыбкою. — Лиза еще въ младенчеспвѣ лишилась своихъ родителей, и св шого времени воспитывалась подв непосредственнымъ попеченіемъ дяди, кошорый былъ и опекуномъ ея. Усердинъ и дочь брата его не были осыпаны дарами форшуны, однакожъ не были ею и обижены.

Впрочемъ, можешъ быть Софья и по особливымъ причинамъ не забошплась обв

отвѣздѣ: сердце ея принадлежало Лѳодору — а Лѳодоръ былъ въ арміи; каждое извѣстіе о военныхъ дѣйствіяхъ поражало ее ужасомъ — каждой день она проливала слезы о своемъ другѣ; и гдѣ ей лучше было освѣдомляться о немъ, какъ не въ Москвѣ — въ близкомъ разстояніи отъ страха и кровопролитія? Лиза, будучи почти неразлучна съ нею, часто смѣялась надъ ея задумчивостію; а Софья, зная вѣтренность Лизы, не открывала ей причины своей грусти, и старалась — сколь ни мало была въ тому способна — припворяться равнодушною.

Ктоже это Лѳодоръ? Сынъ истиннаго друга Усердина, молодой человекъ, офицеръ гвардіи, прекрасной и умной. Хотя Софья читала съ дозволенія отца нѣкоторыя романы, но неимѣла яснаго понятія о любви, и Лѳодоръ сдѣлалъ впечатлѣніе въ душѣ ея не *изступленіемъ страсти*, а . . . своимъ сердцемъ и нравомъ. Онъ былъ такъ добръ, любезенъ, привлекателенъ, такъ скромно извѣснялся въ своей нѣжности, что Софья невольнымъ образомъ чувствовала пущину въ душѣ своей, когда онъ разставался съ нею. Много молодыхъ людей окружало ее, много было изъ нихъ прелестныхъ и умомъ и наружношью; но никто не былъ для нее

Людоромъ. . . . Ахъ! есть, конечно есть любовь истая, непорочная; ибо шакова почю была любовь Софьи! При послѣднемъ свиданіи Людоръ повѣрилъ ей шайну своего сердца, извѣсилъ надежды свои, и одно слово, вылепѣвшее изъ успѣ преврасной, воспламенило воинскій духъ его: онъ полетѣлъ на поля славы съ геройскимъ сподойшвѣемъ,

Между обожателями Софьи, Флоръ менѣе всѣхъ походилъ на Людора. Служа при дворѣ, имѣя несчешныя богатштва, онъ мечшалъ обворожить своими преимуществами всѣхъ Граціи Сполицы. Воспитаніе Флора было самое опасное; родители его, слѣдуя *общему повѣрью*, полагали оное въ обученіи сына *Французскимъ* наукамъ и непременно подъ руководствомъ учителя-Француза. За при шысячи рублей годоваго жалованья и за роскошнѣйшее *по условію* продовольствіе Флоръ доспался въ паспырскія руки одного спранспвующаго аббаша, и смиренный ошець неушомимо преподавалъ ему *лекціи невѣжества и развращенія*. Напитанный духомъ Вольцера и Дидерсша, аббашъ скоро посвяшилъ Флора въ *аделты* нечестія; но угождая неопытному пишомцу, догадливый наставникъ неупускалъ въ то же время изъ виду и собственной безопасности: онъ часпо совѣщо-

валъ Флору бышь оспорожнымъ въ обхожденіи съ простаками, и лучезарный блескъ мудрости скрываетъ отъ слабыхъ взоровъ ихъ подъ завѣсою пришворства.

Холодность Софьи, вмѣсто того чшобы погасишь спросъ его, воспламенила ее до *изступленія*. Будучи хитръ и пронырливъ, онъ скоро замѣнилъ, что Лѣодоръ любимъ Софьею; однакожъ скрывалъ свою досаду, надѣясь, что опсущствіе Лѣодора перемѣнитъ вѣтеръ на его сторону. Съ самаго дня его опрѣзда Флоръ какъ шѣнь преслѣдовалъ Софью: не проходило гулянья, бала, спектакля, чшобы онъ не докучалъ ей; но ни блестящіе экипажи, ни шишы мундиры, ни оспроумныя эпиграммы не прогали Софью, которая всегда шаралась избѣгать его присушствія.

Дядя сидѣлъ у окна, курилъ трубку и по обыкновенію журилъ племянницу, между шѣмъ какъ Софья визала снурокъ и думала о Лѣодорѣ — вдругъ являешся опецъ его, и говоритъ Усердину: „Другъ мой! не медли ни минушы — чемоданы въ повозку — и въ дорогу!“ — Какъ! чшо ешо значить? — „Въ дорогу, въ дорогу!“ повшоряетъ старикъ: „я самъ сей часъ ѣду . . . неприятель завтра вступитъ въ Столицу . . . Онъ не вступаетъ въ нее

какъ побѣдитель, нѣшь! онъ вторгается какъ безумный смѣльчакъ, желающій приобрести себѣ мнимую славу, хотя бы то было съ опасностію самому погибнуть. Какъ ни горестно Русскимъ впустишь его въ древній градъ сей — но спасеніе всего Опечесва необходимо того пребудетъ. Къпожъ за такую цѣну не пожертвуетъ своимъ домомъ и шѣмъ имущесвомъ; котораго не можно спасти отъ хищныхъ рукъ неприятеля? Жаль, что мы съ побой поусшарбли! Теперь-то для храбрыхъ воиновъ нашихъ наступило время славы! Я вѣду!“ Въ самомъ дѣлѣ отецъ Лѣодоровъ въ пужь минушу просшилъ съ семействомъ Усердина, и поспѣшно уѣхалъ.

Сіе извѣстіе поразило Усердина. Онъ любилъ славу Опечесва, любилъ шѣмъ болѣе, что самъ проливалъ за него кровь свою и на берегахъ Дуная и на горахъ Альпійскихъ съ безсмертнымъ Суворовымъ: но вообразивъ, что потеря Споліцы необходима для спасенія цѣлой Россіи, онъ принудилъ себя успокоиться и велѣлъ все гошовить къ отѣзду. Лиза посмашривала на него съ такимъ видомъ, которой давалъ знать, что ея опасенія были справедливы . . . А Софья . . . нужно ли описывать, что она чувствовала, видя необходимость удаляться отъ Лѣодора? Но надле-

жало уснувши могуществу судьбы и по-
 нужденіямъ родителя, коюрой начиналъ
 уже сердиться за медлѣнность. Въ шесть
 часовъ вечера они были за Троицкою
 заставою. Усердинъ рѣшился ѣхать въ
 Коспремену, имѣя значительную деревню
 близъ сего города.

Путешественники наши обращали сле-
 дящѣ взоры свои къ Сполицѣ. Вечернее
 солнце освѣщало для нихъ въ послѣдній
 разъ огромныя зданія, представляющіяся
 въ неизмѣримомъ пространствѣ; въ послѣд-
 ній разъ блестящѣ лучи его играли на
 златыхъ крестахъ и куполахъ. „Москва!
 милая Москва! сказалъ Усердинъ! дай Богъ,
 чтобы гроза, висящая надъ тобою, была
 непродолжительна.“ — Дай Богъ скорбе къ
 себѣ намъ возвратишься, примолвила Со-
 фья! — и скоро первопрестольный градъ
 сокрылся изъ виду. Тутъ они были пора-
 жены другою горесивною карпиною, увидя
 безчисленныя толпы Московскихъ жите-
 лей, бѣгущихъ по дорогѣ! Общее несча-
 стіе дѣлало всѣ состоянія равными. Тамъ
 старецъ, лишенный зрѣнія, опспалъ опъ
 своихъ спутниковъ, и проспиралъ дрожа-
 щія руки свои къ небу, прося у него по-
 мощи; здѣсь молодая женщина, съ груд-
 нымъ младенцемъ на рукахъ, не имѣя чѣмъ
 прикрыть нагопу его, проливала слезы;

а супругъ ея, изнуренный болѣзнію и усталостью, лежалъ на перекрестіи! . . . Волны и споны смятенныхъ наполняли воздухъ. Чувствительныя сердца путешественниковъ страдали отъ сего зрѣлища — они желали бы помочь каждому; но это было выше возможности. Со вѣтраго ночлега они увидѣли на Московской споронѣ алое зарево, распространившееся по всему небу. . . .

Во всю дорогу погода была прекрасная — тихая осень уподоблялась красному мѣсу — и если бы путешественники были спокойнѣе, то мѣста, чрезъ которыя они проѣзжали, доставили бы приятнѣйшее занятіе ихъ воображенію. Троицкая Лавра знаменита своею древностію и происшествіями; — Переславль, достопамятный монастырями столь же древними, напоминая и счастье и злополучіе нашихъ предковъ; — Ростовъ привлекателенъ мѣстоположеніемъ города и обителю на берегу обширнаго озера; — наконецъ Ярославль, орошаемый величественною Волгою, очарователенъ прекраснымъ строеніемъ и многолюдствомъ: все сіе служило бы сладостною пищею для ума и сердца, если бы путешественники наши могли при тогдашнихъ обстоятельствахъ думать объ удовольствіи.

Прибывавши въ Косптому, Усердинъ расположился провести въ епомѣ городѣ приближающуюся зиму. Онъ нашелъ много родныхъ и знакомыхъ, съ которыми могъ раздѣлять время напаси. Между шѣмъ Софья и Лиза часто прогуливались по берегамъ широкой Волги, любовались картиной города, на нихъ расположеннаго; но частыя прогулки скоро наскучили рѣзвой Лизѣ: однообразіе такого занятія не согласовалось съ живостью ея характера. „Что это за скучной городъ! говорила она; нѣтъ никакой разсѣянности, никакого удовольствія!“ — Ахъ! теперь и вездѣ будетъ скучно, отвѣчала Софья двусмысленно. — „А по чему?“ — А потому, что когда неистовый врагъ не пресмаетъ гнать человечество; когда древняя Столица, объявая пламенемъ, горитъ какъ невинная жертва, принесенная Ошечеству; когда можешь быть въ сію минушу тысячи сыновъ его жизнью своею искупающъ славу и благоденствіе Россіи: то можно ли думать о разсѣянности и удовольствіяхъ? — „Ты говоришь убѣдительно, и я не знаю что отвѣчать тебѣ; но ежели я попрошу дядюшку, чтобъ онъ удѣлилъ хотя одинъ день въ недѣлю для общества; то я думаю что Ошечество позволишь это“ . . . — Для какого общества? Развѣ не бздаятъ жѣ намъ родные и нѣкоторые изъ сшарыхъ

нашихъ знакомыхъ? . . . развѣ ихъ общес-
ство шебѣ неприятно? — „Да все одно и
по же наскучишѣ.“ . . . — Какъ шебѣ не слы-
дно! шы говоришь прошивъ своего серд-
ца. . . — „Но для чего не войши въ но-
выя знакомства?“ — Ахъ! какъ должно
бышъ осторожными въ новыхъ знаком-
ствахъ! — „Не понимаю отъ чего!“ —
Отъ того, что онѣ въ послѣдствіи ча-
сто бывающѣ вредны. — „Я не боюсь по-
слѣдствій!“ — Тѣмъ хуже! —

Такіе споры не рѣдко происходили ме-
жду Софьею и Лизою: мнѣнія ихъ также
не сходствовали какъ и нравы — и споры
сіи сколько ни дѣлали досады Лизѣ, но
сильныя и основательныя разсужденія Софьи
всегда брали верхъ надъ ея вѣтреннымъ
болтаньемъ, и она неоднократно давала
обѣщаніе слѣдовать совѣщамъ дружбы. Ли-
за единственно по легкомыслію не сдѣлала
выбора для своего сердца: кто *вчера* нра-
вился ей веселостью, тотъ *сего дня* ка-
зался ей скучнымъ, и даже иногда тотъ
полутру былъ для нее любезенъ, кто *вече-
ру* заслуживалъ прилагательное неснос-
наго. —

Длинный вечеръ осени собиралъ и се-
мейство и ближнихъ за круглый столъ.
Усердинъ читалъ иногда *Съверную Поч-*

лу; и приводилъ въ содроганіе своихъ слушателей: неслыханныя злодѣйства, учиненныя въ Москвѣ нарушилелемъ всѣхъ законовъ, наполняли ужасомъ ихъ души... Но надежда на верховнаго Покровителя невинности, на храбрыхъ и усердныхъ сыновъ Россіи, не преспавала оживлять сердца ихъ. Между тѣмъ *услужливые вѣстовщики* распространяли слухи о близкой опасности и сихъ мѣстѣ, въ которыхъ они находились; Усердинъ ничему не вѣрилъ; велѣлъ по обыкновенію молчать болшавой Лицѣ, и наблюдалъ только мѣры, принимаемыя Правительствомъ.

Уже благошворные лучи солнца не согрѣвали воздуха — погода спановилась день ото дня ненастью — но Софья все продолжала свои прогулки по берегамъ широкой Волги. Смоляря на мрачныя тучи, которыя мелькали надъ ея головою, попомъ удалялись, исчезали за горизонтомъ; она предешавляла въ умѣ своемъ быстроту времени, погружающаго въ вѣчность всѣ наши радости и наслажденія; внимая глухому свисту бури, она воображала, что вся природа съшеетъ съ нею о Лидорѣ; лодки смѣлыхъ рыбаковъ, борющіяся съ непоудою и спремяціяся во слѣдъ за величественными судами, приводили ее въ шредецѣ; пущечный выстрѣлъ съ какого

Нѣбудь проходящаго капера казался ей знакомъ близкой опасности; она остановливалась и взорами провожала спранниковъ, до ихъ поръ пока они не скрывались изъ виду. Унылый шумъ пѣнисныхъ волнъ иногда погружалъ ее въ задумчивость; и она сидя на дикомъ камнѣ, помными но выразительными звуками облегчала поску сердечную. Старой слуга, копорой хаживалъ за Софьей; примѣчалъ горестъ ея, и проливалъ слезы. Алексѣй — такъ называли добраго служителя — видя ее задумчивость и не смѣя обнаружить свои мысли, старался по крайней мѣрѣ сокращать ея прогулки. „Пора мапушка воротиться“ говорилъ онъ — и ставилъ въ предлогъ наступающій дождь, или холодъ, или что-нибудь другое:

Въ одинъ день, когда погода была совершенно ненастная, и когда Софья не смотря на замѣчанія Алексѣя, прошла довольно далеко, вдругъ слышавъ знакомый голосъ, который зовелъ ее по имени . . . Ктожь это? Опець Лѣодоровъ! . . . Сердце ея сильно забилося; но успокоившись вѣсельнымъ его видомъ, Софья вскричала: „ахъ! какими судьбами: . . . давно ли вы привахали?“ — Въ сѣю минушу, опвѣчалъ другъ Усердина; но какъ это я васъ встрѣшилъ въ такую погоду и съ однимъ Алексѣ-

емъ? — . . . Софья на силу могла скрыть все замѣшательство. — А я . . . продолжалъ спарикъ, все жилъ въ Ярославль, и получивъ письмо отъ сына, въ которомъ увѣдомляеиъ онъ, что былъ въ знаменипомъ сраженіи при Бородинѣ и награжденъ Георгіевскимъ орденомъ, спѣшу теперь къ своему другу раздѣлить съ нимъ радость мою. . . . Я увѣренъ, что вы всѣ возьмете въ ней участіе. — Софья отвѣчала слезами, которыхъ не въ силахъ была удерживать. Прямодушный спарикъ, единственно приписывая слезы ея участію въ своей радости, благодарилъ Софью; а добрый Алексѣй, сдѣлавшись проницательнѣе послѣ жалобной пѣсни и послѣдней прогулки, *сменялъ*, что барышня груститъ *не даромъ*.

Свиданіе Усердина съ его другомъ было самое прогашельное, и радость сдѣлалась бы общемою, если бы новое облако скоро не помрачило для Софьи живошворнаго луча ея. Ввечеру между Московскими жишелями, посѣщающими Усердина, является Флоръ со всѣми своими *тонкими привѣтствіями* большаго свѣта. Усердинъ, держаь всегда наружной благоприсшойности, принялъ нежданаго гостя съ должною учшivenessю. Лиза безпрестанно подбѣгала къ зеркалу; * Софья пошупила взоры свои и

хранила молчаніе. Флоръ шушцалъ надъ сею, какъ называлъ онъ, *романическою* задумчивостію, достойною *пера* и *кисли* — спарался бышь любезнымъ и сколько можно болѣе занятымъ Софьею; но все безъ успѣха: необыкновенная *сухость* ея привела его въ замѣшательство, и онъ уѣхалъ съ новою досадою; самолюбіе его было шронушо.

Когда всѣ развѣхались, Лиза не преминула замѣшцшь Софьи, какъ она сухо обошлась съ прибѣжимъ гостемъ, и Усердинъ, вслушавшись, взялъ сторону Лизы. „Ешо негодится, другъ мой,“ сказалъ онъ дочери: „хотя бы Флоръ шебѣ и не нравился; но онъ все имѣетъ право на свою учшивость. . . .“ Софья, выслушавъ сей выговоръ въ молчаніи, уже раскаеалась въ своихъ поступкахъ: споль сердце ея не привыкло удаляться отъ родительскихъ наспавленій. — При первомъ послѣ шого свиданіи Флоръ былъ уже довольнѣе.

Увидѣвъ перемѣну въ обхожденіи Софьи и будучи опчасу болѣе воспламеняемъ ея прелестями, онъ рѣшился пребовать руки ея; къ шому же, шержество надъ Лѣодоромъ было первымъ его желаніемъ. Выбравъ удобное время, онъ обьяснился съ Усердинымъ. „Предложеніе ваше, опѣв-

NO 1 и 2. Г

чалъ Усердинъ, я не иначе могу принять какъ съ договоромъ. . . .“ — Ахъ, сдѣлайте меня счастливейшимъ человекомъ въ свѣтѣ! вскричалъ Флоръ: успокойте сердце, страдающее нѣсколько лѣтъ жестокою спраспюю. . . . — „Договоръ сей, продолжалъ старикъ нахмурия брови, состоитъ въ томъ, чтобы вы сами и при мнѣ испросили согласіе моей дочери.“ — Но это согласіе болѣе отъ васъ зависитъ: дочь ваша сколько почитаетъ своего родителя, что . . . — „А родитель сколько почитаетъ свободу дочери и сколько имѣетъ довѣренности къ ея правиламъ, что ни за какія сокровища въ свѣтѣ не будетъ пропиваться ея склонности. Софья! Софья! . . . войди сюда.“

Она была въ ближней комнатѣ и слышала весь разговоръ сей. Предложеніе Флора какъ громомъ поразило ее, и она едва переводила духъ свой; но отвѣтивъ родителя, исполнивъ душу ея всею къ нему нѣжностію, освободилъ ее отъ мучительной стыжести. Она съ важнымъ видомъ предстала передъ судимлице — рѣшивъ учась Флора. Никогда еще Софья не казалась ему прекраснѣе. „Дочь моя! сказалъ Усердинъ: господинъ Флоръ дѣлаетъ мнѣ честь пребываніемъ руки швоей, и я вмѣстѣ съ нимъ желаю знать, будетъ ли швое сердце на то согласно?“ — Тутъ господинъ Флоръ

уступилъ сильному порыву страсти, и по старой привычкѣ своей къ театральнѣй декламаціи, со щегольскими ухватками приближился къ Софьѣ, прижалъ правую руку къ своему сердцу, съ тихимъ наклоненіемъ головы спалъ на колѣни, и воскликнулъ голосомъ обожателя: „рѣшите, рѣшите участь вашего невольника!“ — Софья, напомнивъ ему о неприличности такого униженнаго положенія, продолжала: „извините, если сей неожиданной случай приводитъ меня въ такое замѣшательство, что я не въ состоянїи . . . признаюсь вамъ что . . .“ — „Что я могу надѣяться? . . .“ — „Что я не могу быть вашею супругою.“ — „Что я слышу! Господи! Усерди! шеперь отъ васъ зависитъ. . .“ — „Отъ меня, сударь, ничего не зависитъ; вы слышали отвѣтъ ея. . .“ О, если такъ, если ваша слабость . . . Извините, до свиданія! — Они разошлись. Лиза, узнавъ объ епомъ происшествїи, не могла надивиться упрямству Софьи. „Чего въ немъ недостаетъ? говорила она сеспрѣ своей: и богатъ, и пригожъ, и знаменъ. Странно! я ни минуны бы не подумала, еслибъ Флоръ ко мнѣ явился съ такимъ предложеніемъ.“ — И поступила бы весьма неоспорочно, отвѣчала Софья: ты не знаешь его и впредь не можешь узнать совершенно: душа его при-

крыша обманчивою личиною моднаго свѣша. . . — „Я не понимаю швоей личины моднаго свѣша. Вышедши за Флора, я пользовалась бы всѣми дарами форшуны.“ — Но развѣ одно богатство доставляетъ намъ благополучіе? . . . Дай Богъ, чшобы горесный опытъ не научилъ тебя прошивному. — „Свѣшакимъ своенравіемъ ты никогда не найдешь счастья.“ — Не знаю! —

Флоръ, возвратившись домой, излилъ все бѣшенство на людей своихъ — обыкновеніе слабыхъ душъ, не уважающихъ правъ человѣчества! Сильныя движенія овладѣли его душою; гнѣвъ, досада, обманушая надежда, оскорбленное самолюбіе волновали ее, и онъ запершись въ кабинетъ, придумывалъ возможныя средства къ достиженію своей цѣли. Наконецъ, оспанавливаясь на одномъ, зовешъ камердинера, достойнаго повѣреннаго въ дѣлахъ своихъ, и даетъ ему злодѣйскія наставленія. — „Надобно увезши Софью, дочь Усердина. Она часто гуляетъ по городу свѣ однимъ только спарымъ слугою — онъ тебя не знаетъ: переодѣвшись въ дорожное платье, ты увѣрь его, чшо присланъ отъ Лідора, которой будто бы раненъ и находится въ деревнѣ, недалеко отсюда. Скажи, чшо боюсь испугать отца своего, онъ проситъ Софью послѣдидь его подъ видомъ прогулки. Кареша

будешь ожидать на площади; завладевъ добычею, скажи въ Ярославскую мою деревню.“ —

Усердіе легковерно. Добрый Алексѣй услышавъ отъ камердинера, что Лѣодоръ раненъ, залился горькими слезами, и поспѣшилъ сказать Софѣ, что имѣешь препорученіе извѣстить ее о важномъ дѣлѣ. Онъ вышелъ съ нею подъ видомъ прогулки, а камердинеръ Флора издали слѣдовалъ за ними. О Софья! истинный образъ красоты и невинности! какая ужасная опасность тебя ожидаетъ! . . . Алексѣй со слезами рассказалъ ей положеніе Лѣодора! . . . Сердце его облилось кровію, когда онъ увидѣлъ Софью, покрытую смертельною блѣдностію и гошовую упасъ безъ чувствъ на землю. „Успокойсь, сударыня, сказалъ камердинеръ, которой въ самую эту минуточку очутился подлѣ Софьи: рана баринова не опасна; онъ только желаетъ васъ видѣть.“ — Да гдѣ же онъ? вскричала Софья. — „Въ двухъ вершахъ отъ города; вошь и кареша, которую прислалъ онъ . . .“ — Но какъ въ эту пору . . . бѣхашъ одной . . . за городъ: я не могу на то рѣшиться! — „Ахъ, сударыня! еслибъ вы знали, какъ онъ, заливаясь слезами, просилъ меня исполнить ещо порученіе; какъ онъ былъ увѣренъ, что мы не отка-

жешесь приѣхашь въ шу же минушу! Снажи ей, говорилъ баринъ, что одинъ взоръ ея исцѣлитъ мою рану.“ — И Софья не могла болѣе прошивишься! Бывають несчастныя минушы, когда правила спрогой нравспвенности теряють власпъ свою надъ душою. Лишь только она сѣла въ карешу, кучеръ ударилъ по лошадымъ, Иванъ (имя камердинера) спалъ назади, а старикъ, кошорый за нимъ было бросился, получилъ шаковой полчокъ въ спину, что безъ памяти упалъ на мостовую. Опомнившись, онъ уже не видалъ карешы, и не могъ надивнисься наглому посшупку слуги Лѳодора! Ужасное предчувспвіе овладѣло имъ; онъ рѣшился ждать на площади возвращенія Софьи,

Уже свѣшлая луна взошла на высоту синяго неба и серебряными лучами играла въ криспалѣ Волги — но Софья не возвращалась; каждый шопощъ, шорохъ, или приближеніе карешы оживляли его надежду — но все было шщешно! Уже и ушренняя заря красишь восточное небо, уже и лучезарное солнце освѣщаетъ землю... — нѣшь Софьи! опчаяніе овладѣло душою Алексѣя. Продавши цѣлыя супки, онъ возвратился домой; нашелъ шамъ все въ слезахъ и смяшеніи, и рассказалъ господану сшдему случившееся. Усердинъ сна-

чала воспламенился ужаснымъ гнѣвомъ; но видя искреннія слезы, непришворную горесть спараго служителя, оставилъ его въ покоѣ; самъ же поспѣшалъ къ опцу Лѣодора. Несчастливая вѣсть поразила друга Усердина какъ громовымъ ударомъ. Испуганнѣе Леара только могло сравниться съ его положеніемъ! И Лѣодоръ, думалъ онъ, предѣлѣ своихъ поварищей, могъ обольститьъ невинность! и Лѣодоръ, копорого качествъ были утѣшеніемъ дней моихъ, опорой моеи старости, могъ рѣшишь на такой гнусный поступокъ!

Упреки Усердина умножали его мученія, и сіи упреки служатъ доказательствомъ, что есть горести, которыя ожесточаютъ самое нѣжное сердце. „Вотъ храбрые подвиги вашего сына, говорилъ Усердинъ; вотъ чѣмъ заслуживаютъ знаки опличія! Обезчестилъ на вѣки дочь благороднаго чловѣка, поразилъ родительское сердце жестокою скорбію — вотъ что можно называть геройствомъ! . . .“ — Счастливы, кто въ подобныхъ случаяхъ умѣетъ обуздывать свои спраши; но Усердинъ былъ изъ числа обыкновенныхъ смертныхъ: поперявъ единственное утѣшеніе при шихомъ вечерѣ дней своихъ, онъ забылъ на шу минушу и самую дружбу. Попомъ, когда раскаяніе заступило мѣсто запальчивости, онъ смягчилъ голосъ свой и ска-

залъ: „Для чего Лѳодоръ не открылъ тебѣ любви своей къ Софѳи? для чего и она не повѣрила мнѣ своей тайны? Мы благословили бы ихъ; а теперь. . .“ и слезы горести мирили несчастныхъ. Лиза, сама рѣзвая Лиза, потеряла живость свою, и болѣе не думала о разсѣянности, объ удовольствїяхъ; имѣя доброе сердце и будучи съ младенчества привязана къ Софѳи, она чувствовала всю цѣну потерн своего друга.

Въ чемъ же состояло намѣренїе Флора? А вошъ въ чемъ: получивъ желаемый успѣхъ въ главномъ своемъ предпрїятїи, онъ рѣшился пробить въ Коспромѣ нѣсколько времени какъ для удаленїя всѣхъ подозрѣній, такъ и для того чтобы наблюдать мѣры, копорыя примешъ Усердинъ къ опысканїю своей дочери. Онъ явился къ огорченному шарикку съ видомъ искренняго учасїя, и высыпалъ передъ нимъ множество извиненїй въ колкостяхъ, копорыя наговорилъ ему при послѣднемъ свиданїи. „Причина опказа вашей дочери теперь совершенно обьяснилась: ее очаровалъ гвардейской мундиръ, копорой въ самомъ дѣлѣ приспалъ къ Лѳодору, особливо когда на гулянїи бывалъ онъ въ бѣломъ колешѣ, и въ каскѣ! Настоящїй Марсѣ! . . . Къ шому же, онъ такъ танцуетъ мазурку, что и въ самой Польшѣ осыпали бы его

рукоплесканіями. . . . Но я все не извиняю Мідорога поступка: брать молодую дѣвушку присупомѣ! . . . ешо уже слишкомъ по военному! ешо ужасно! . . . ешо противу всѣхъ правъ общежитія и благопристойности! Впрочемъ, господинъ Усердинъ, починая васъ, еще разъ повторю, что слѣдствія родительской слабости всегда бывають пагубны. . .“ Спарикъ, занятый своею горестію, не слыхалъ и половины остроумныхъ насмѣшекъ, и не замѣчалъ веселости, копорая, вопреки притворству, ясно оказывалась на лицѣ Флора. Но послѣднія слова проникли до глубины родительскаго сердца, и онъ сказалъ ему: „Государь мой! пощадите отца, копорый — будыше въ томъ увѣрены — и безъ нравоучительныхъ уроковъ знаетъ всю мѣру своего несчастія.“ Флоръ, дружески взявъ его за руку, отвѣчалъ: „Господинъ Усердинъ! мнѣ больно, что я расправилъ раны вашего сердца; но войдите и въ мое положеніе: каково потерять на вѣки по существу, копорое было предметомъ всѣхъ моихъ желаній? . . . Одно опчаяніе испоргло изъ меня жеспокой упрекъ сей; но — успокойтесь. . . забудыше вину мою. . . я могу васъ еще и обрадовать.“ — Какъ! что ешо значить? — „Могу еще оживить ваши надежды. . .“ — Бога ради, не мучыте меня. — „Слушайте!“ Флоръ

вынулъ золотую табакерку, попопчивалъ Усердина и продолжалъ: „Въ самый день ва него несчастія ъздилъ я за городомъ съ охотой. Вдругъ показалась кареша, свачущая опроремъ изъ города. Удивляясь шакой поспѣшности, я подбѣжалъ къ большой дорогѣ; кареша какъ молнія мельнула передо мною; но я очень замѣнилъ, что всѣ споры были опущены. Слуга, спощій назади, былъ въ военномъ дорожномъ плащѣ. . .“ — Епо она, почно она! закричалъ спаривъ: бѣдная Софья! Но для чего вы скорбе меня о томъ нѣ увѣдомили? — „Я самъ не болѣе часу узналъ о вашемъ несчастіи, и теперь только сообразилъ сходство обстоятельствъ. . . . Надобно кликнушь Алексѣя, который былъ съ Софьей; я сдѣлаю ему нѣкоторые вопросы.“ Разумѣется, что опѣвты служителя сходствовали съ признаками Флора, выключая только споры, которые, говорилъ Алексѣй, почно были всѣ подняты. „Ну, примолвилъ Флоръ съ замѣшательствомъ, шакъ видно ихъ опущили, выѣхавъ изъ города!“

„Другъ мой! вскричалъ Усердинъ, обнимая злодѣя: какъ много буду я шебѣ обязанъ! . . . но минушы дороги — скорбе лошадей, коляску!“ Бѣдный Усердинъ! шы прижимаетъ змѣю къ своему сердцу; вмѣ-

что пошло чтобы преслѣдовать невинную дочь свою, ты будешь опѣ нее удаляться. Въ самомъ дѣлѣ Усердинъ въ прошъ же день отправился, но по коварнымъ наставленіямъ Флора совсѣмъ не въ ту сторону, а похитишель радовался, обезпечивъ совершенно дорогу, по которой увезли Софью.

Пора и намъ слѣдовать за нею. Софья, пробхавъ большое пространство, не мало пому удивилась; но она полагала, что слуга Лѣодора, сказавши ей, будто деревни очень близко, хотѣлъ болѣе шѣмъ услужить своему господину; поспѣшность ѣзды была ей такъ же непонятна. Деревни безпрестанно мелькали передъ ея глазами, и карета не останавливалась; невольный страхъ овладѣлъ ея душею. „Куда вы меня везете?“ нѣсколько разъ кричала она въ окошко. — Вотъ ужь близко, сударыня! Не извольте бояться — повпорялъ ей Иванъ, пока на конецъ карета остановилась на дворѣ прекраснаго сельскаго дома. Софью вынесли на рукахъ изъ кареты.

Опамятовавшись, она увидѣла себя въ большой и богато убранной комнатѣ. „Гдѣ я? спросила Софья въ опчаянїи; говорите; понимаю весь ужасъ своего несчастїя; чей домъ это?“ — Вы находитесь въ своемъ собственномъ домѣ, сударыня; ибо все имѣніе господина Флора вамъ принадлежитъ. —

„Господина Флора?“ — и смертный хладъ разлился по всѣмъ ея жиламъ. Иванъ и приспавленная къ ней женщина всячески старались ее успокоешь. Тщешное стараніе! Софья неговерила ни слова, не принимала никакой пищи, и въ семъ положеніи двое супокъ ей показались двумя вѣками! Все ея упѣшеніе — если только она могла чѣмъ-нибудь упѣшашься — состояло въ томъ, что ей не препяшпсвовали выходить въ садъ и въ бесѣдку, изъ которой можно было далеко обозрѣвать сельскіе виды. Но природа спановилась опчасу печальнѣе: хладная рука осени обирала послѣдніе лиспочки съ кудрявыхъ рощицъ; злапыя нивы поблѣднѣли; цвѣтшы увяли; на лугахъ не песпрѣли сшадя; пшички умолкли; лишь дикіе журавли, лепящіе спаницей къ югу, наполняли воздухъ криками, и уединенный филинъ опвѣшпсвовалъ имъ среди мрачнаго бора. Софья мечшала о Лѣодорѣ, проклинала гнуснаго хищника, воображала горестъ родишеля, и сердце ея обливалось кровію! Но какую еще ужаснѣйшую картинну она предспавляла себѣ въ будущемъ! чего должно было ожидать опв Флора, нарушительнаго всѣ законы чести и добродѣтели! . . . Воображеніе ея перялось въ напастяхъ, ей угрожающихъ. . . .

На шрешій день послѣ обѣда, которой былъ конечно непродолжителенъ, Софья

въ сопровожденїи неоплучныхъ своихъ спра-
жей пошла въ бесѣдку. Погода была ясная
и шихая, и Софья, обративъ взоры на
большую дорогу, предавалась глубокому раз-
мышленїю; но различныя явленїя пробуж-
дали ее отъ задумчивости. Епо были по
скажуцїе экипажи съ выглядывающими изъ
нихъ лицами; по поселянинъ съ прекра-
сною подругою, копторой шелъ безъ заботы
и потѣвалъ народныя пѣсни; по нищїй, въ
раздранномъ рубищѣ, съ болѣзненнымъ ви-
домъ, остановившїйся у бесѣдки и просящїй
милосшыни. Но Софья чѣмъ шеперь могла
дарить несчастнаго? . . . Только слезою,
подобно юношѣ, описанному Греемъ. —
Всѣ сїи предметы, возбуждая въ ней раз-
личныя чувствованїя, заспаляли ее —
хотя на нѣсколько минушъ — забывають
раны своего сердца . . . Вдругъ звонъ коло-
кольчика снова обратилъ ее вниманїе: гу-
стое облако пыли, оплешѣвшее въ споро-
ну по направленїю вѣтра, открыло взо-
рамъ ея почтовую шрейку, и сидящаго въ
легкой повозкѣ офицера. Софья невѣрила
глазамъ своимъ, не вѣрила своему сердцу,
когда въ приближающемся путешествен-
никѣ начинала узнавать . . . кого? Лїо-
дора, копторой былъ и шеперь въ ея
мысляхъ. . . Она крикнула — махнула
плашкомъ; и въ ту же минушъ Лїодоръ
очутился въ саду, въ бесѣдкѣ — и . . .

въ объятіяхъ Софьи, между тѣмъ какъ Иванъ, прислонившись къ колоннѣ, стоялъ какъ окаменѣлый.

Радость, удивленіе, восторгъ, нечаянность, не давали имъ выговорить ни одного слова; но взоры ихъ объясняли все, что они чувствовали. Въ первый еще разъ Лѣодоръ, прижавъ руку Софьи къ своему сердцу, получилъ нѣсколько награды съ прелестныхъ устъ ея. Наконецъ успокоившись, Софья рассказала ему о безчестномъ поступкѣ Флора. Съ какимъ ужасомъ Лѣодоръ выслушалъ ея повѣствованіе! съ какою признавательностію обращался къ Провидѣнію, приславшему его для ея избавленія! „Софья! сказалъ онъ: твои несчастія превратились — ты опять свободна; но какъ повезу тебя въ епой пѣсной и безпокойной повозкѣ?“ — Другъ мой! отвѣчала Софья: съ побою никакое безпокойство не будетъ мнѣ чувствительнымъ. — Когда они выходили, взявшись за руки, Иванъ хотѣлъ было что-то вымолвить; но грозный взглядъ Лѣодорова оspanовилъ его. „Бездѣльникъ! скажи своему господину, что вы нигдѣ не скроешь отъ строгости законовъ.“ Черезъ нѣсколько минутъ они очутились на дорогѣ.

Между тѣмъ Лѣодоръ рассказалъ въ свою очередь, какой счастливой случай

завелъ его въ мѣста сіи. Онъ былъ посланъ въ Петербургъ изъ арміи курьеромъ, и уволенъ сверхъ того на 28 дней для свиданія съ своими родными; онъ рѣшился взять отпускъ, потому болѣе что военные громы упихали въ сердце Россіи — столица была освобождена отъ злодѣевъ, которые въ лютыи дни бѣгству искали уже себѣ спасенія. Лѣодоръ вѣхалъ изъ Петербурга въ Кострому, и совершенно сверхъ чаянія сдѣлался избавителемъ своего друга. Софья, побуждаемая холодомъ и предоспорожностію отъ любопытства, согласилась надѣть на себя шинель и фуражку Лѣодора. Какая для него радость! Софья находилась подлѣ него, вѣхала съ нимъ вмѣстѣ, одѣша была въ его плащъ! Онъ едва могъ вѣришь своему счастью! При первомъ удобномъ случаѣ онъ пересадилъ Софью на покойную повозку, а самъ слѣдовалъ за нею въ почтовой шележкѣ.

Усердинъ, послѣ продолжительныхъ и безполезныхъ исканій, возвратился въ Кострому съ расперзанной душою; послѣдній лучъ надежды угасалъ въ его сердце. Опець Лѣодора былъ съ нимъ неразлученъ; горсть служила нѣкоторымъ утѣшеніемъ для обоихъ. Лиза также находилась неоплучно при дядѣ, и своими разговорами, сколько могла, спаралась разсѣять задумчивость огорченныхъ родителей.

Въ одинъ вечеръ, когда оба друга разсуждали о своемъ несчастіи, Алексѣй, снимая со свѣчекъ, далъ знать Лизѣ, чтобъ она вышла. „Что тебѣ надобно?“ спросила она. — Ахъ, сударыня! какая радость! — „Что такое? . . . говори.“ — Вѣдь господа прибѣжали! — „Какіе господа? кто?“ — Лѣодоръ съ барышней! — И Лиза въ при секунды очутилась у повозокъ и уже цѣловала Софью. Лѣодоръ попросилъ Лизу предупредить родителей, и она успѣла въ шомъ съ довольною оспорожностію; но негодованіе скоро изобразилось на ихъ лицахъ. „Какъ! вскричалъ Усердинъ: дочь моя смѣла ко мнѣ прибѣжать съ своимъ обольстителемъ!“ — И сынъ мой, подхватилъ опець Лѣодоровъ, смѣетъ надѣяться! — Тутъ Лѣодоръ и Софья, бывшіе уже въ ближней комнатѣ, не могли болѣе прошивипься шайному влеченію. . . Сынъ и дочь явились передъ родителями. „Батюшка! вскричалъ Лѣодоръ: господинъ Усердинъ! успокойтесь; вы оба въ заблужденіи; мы невинны!“ и Софья со всѣмъ краснорѣчіемъ любви и невинности рассказала происшествіе. Родители, разцѣловавъ дѣтей своихъ, объяснили съ своей стороны все вѣроломство Флора, которое и на умъ никому изъ нихъ не приходило. „Еще сего дня по утру, говорилъ Усердинъ, ошъ со мной прощался какъ искренній другъ

мой ; сего дня еще я сожалѣлъ объ опѣздѣ его! ... Но вы невинны, — я ушѣщенъ!“ — И дѣти, и родители, и Лиза, и добрый Алексѣй проливали слезы радости, благодарили Промыслъ за чудесное спасеніе невинности, и въ сіи сладостныя минушы упоенія сердечнаго они даже забыли о гнусныхъ пошуткахъ Флора : споль добродѣтельныя сердца ихъ чужды ненависти.

Когда сильныя движенія утихли, Усердинъ закурилъ трубку, отецъ Лѣодора сѣлъ слушашъ подвиги своего сына, а Софья и Лиза предались сѣ восхищеніемъ сладости родства и дружбы. Надобно было повпоряшъ нѣсколько разъ одно и шо же, и пробѣгать происшествія до послѣдней подробности. Родственная любовь! сладостная дружба! кто знаетъ васъ на опытѣ, одинъ пошъ можетъ вообразить себѣ такія сцены. Живописецъ, пѣишъ! оставьте шрудъ свой : искусство должно уступитъ природѣ. —

Въ самомъ дѣлѣ Флоръ по ушпру шого же дня опправился въ деревню. Наши путешественники не попались ему не вспрѣчу. Неперпѣніе его возраспало сѣ каждой минушой. Уже онъ гоповилъ въ умѣ своемъ планъ атаки, и рѣшался на все для удовлетворенія чувственной своей спрасши . . .

Наконецъ онъ прискакалъ въ свою деревню, обѣщавшую ему сколько наслажденій! . . . Но какъ описать его бѣшенство, когда приставница робко донесла ему о побѣгѣ Софьи съ Лѣодоромъ! „Негодная! для чего вы ее выпустили?“ — Башюшка баринъ! что мнѣ уже было дѣлать, когда и самъ Иванъ Кузмичъ не могъ удержатъ ихъ! — „Да гдѣ же онъ?“ — Убѣждалъ, государь милосливой, и меня звалъ съ собою; но я не пошла и хотѣла сама все рассказать вамъ. — „Давно ли они уѣхали?“ — Часа съ два, не болѣе. — Флоръ, пораженный симъ извѣстіемъ, сдѣлался подобенъ сумасшедшему, и въ шу же минушу отправился въ Петербургъ. Дорогой припадки его увеличились: Усердинъ, Софья, Лѣодоръ, мечпались попеременно въ его воображеніи, и каждый упрекалъ его въ свою очередь. Ненадѣясь избавишься отъ доукъ совѣспи, онъ вознамѣрился по крайней мѣрѣ избѣжать наказанія законовъ и пробраться въ чужіе края.

Лѣодоръ и Софья получили благословеніе и значительной достатокъ отъ обоихъ родителей. Они соединились священными узами на вѣки. Всѣ знакомые, родные и многіе посторонніе, которые брали въ нихъ участіе, были свидѣтелями ихъ пламенныхъ обѣщаній. Несправедливые слухи разсѣялись — и невинность воспоржеспиовала.

Къ умноженію радости, Усердинъ получилъ извѣстіе, что Московскій домъ его осмался цѣль среди всеобщаго разрушенія. Все семейство возвратилось зимнимъ путемъ въ Сполицу, и отецъ Лѣодора остановился съ молодыми у Усердина, потому что его собственнѣйшій домъ содѣлался жертвою пламени. Опустошеніе, ужасныя слѣды непріятеля, хотя сначала поразило ихъ чувствительность — но семейственное счастье мало по малу возвращаетъ имъ безцѣнное спокойствіе. Къ тому же извѣстія, полученные изъ арміи о конечномъ почти истребленіи злодѣевъ, сугубо вознаграждаютъ ихъ за прошедшія бѣдствія.

Д. Г. . . въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С в ѣ т л а н а.

(Ал. Ан. Пр. . . . вой)

Разъ въ Крещенской вечеркѣ,
Дѣвушки гадали,
За ворота башмачкѣ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили

Счешнымъ курицу зерномъ ;
Ярый воскъ попили ;
Въ чашу съ чистою водой
Клали першень золошой ,
Серги изумрудны ;
Разспилали бѣлой плашъ ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны .

Тускло свѣшится луна
Въ сумракъ шумана ;
Молчалива и грусна
Милая Свѣшлана .

„Что , подруженька , съ шобой ?
„Вымолви словечко !
„Слушай пѣсни круговой ,
„Вынь себѣ колечко !
„Пой , красавица : кузнецъ ,
„Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ ,
„Скуй кольцо златое !
„Мнѣ вѣнчашься пѣмъ вѣнцомъ !
„Обручашься пѣмъ кольцомъ
„При свяшомъ налоѣ !“

— Какъ могу , подружки , пѣшь !
Милый другъ далеко !
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой !
Годъ промчался — вѣсти нѣшь !
Онъ ко мнѣ не пишеть !
Ахъ ! а имъ лишь красенъ свѣшъ !
Имъ лишь сердце дышеть !
Иль не вспомнишь обо мнѣ ?
Гдѣ , въ какой шы споронѣ ?
Гдѣ швоя обишель ?
Я молюсь и слезы лью !
Ушопи печаль мою ,
Ангель ушѣшитель ! —

Вошъ въ свѣшлицѣ сполѣ накрышъ
Бѣлой пеленою ,
И на шомѣ сполѣ стоишъ
Зеркало съ свѣчкою ;
Два прибора на столѣ.
„Загадай , Свѣшлана !
„Въ чистомѣ зеркала стеклѣ
„Въ полночь безѣ обмана
„Ты узнаешь жребій свой !
„Спукнешъ въ двери милый швоѣ
„Легкою рукою ;
„Упадешъ съ дверей запорѣ ;
„Сядешъ онѣ за свой приборѣ
„Ужинашъ съ побою !“

Вошъ красавица одна
Кѣ зеркалу садишя ;
Сѣ шайнымѣ препешомѣ она
Вѣ зеркало глядишя ;
Темно вѣ зеркалѣ ; кругомѣ
Мершвое молчанье ;
Свѣчка препешнымѣ огнемѣ
Чуть лиешъ сиянье ,
Робосишъ вѣ ней волнуешъ грудь ;
Спрашно, ей назадѣ взглянушъ ;
Страхѣ шуманишъ очи ; — —
Сѣ прескомѣ вспыхнулѣ огонекѣ ;
Крикнулѣ жалобно сверчокѣ ,
Вѣспникѣ полуночи !

Подпершился локопкомѣ ,
Чуть Свѣшлана дышешъ —
Вошъ — легохонько замкомѣ
Кпо-шо спукнулѣ, слыщишъ ;
Рѣбко вѣ зеркало глядишъ :
За ея плечами ;

Кто то, чудилось, блеститъ
Яркими очами.

Занялся онъ спрѣха духъ;
Вдругъ въ ея влепаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ;

„Я съ тобой, моя краса!

„Укропились небеса!

„Твой услышанъ ропотъ!“

Оглянулась — милый къ ней

Простираетъ руки.

„Радость, свѣтъ моихъ очей,

„Нѣтъ для насъ разлуки!

„Бѣдемъ! попъ ужь въ церкви ждетъ

„Съ дьякономъ, дьячками;

„Ликъ вѣнчальну пѣснь поетъ;

„Храмъ блеститъ свѣчами!“ —

Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;

Идутъ на широкой дворъ,

Въ ворота песовы;

У воротъ ихъ санки ждутъ,

Съ неперѣбнѣя кони рвутъ

Повода шелковы.

Сбли — кони съ мѣста въ разъ!

Пышутъ дымъ ноздрями!

Отъ копытъ ихъ поднялась,

Вьюга надъ санями.

Скажутъ — пусто все вокругъ!

Степь въ очахъ Свѣпланы!

На лунѣ шуманный кругъ;

Чуть блестятъ поляны.

Сердце вѣщее дрожитъ;

Робко дѣва говоритъ:

„Что ты смолкнулъ, милый? —“

Ни полъ-слова ей въ отвѣтъ;

Онъ глядитъ на лунный свѣтъ...

Блѣденъ и улымый!

Кони мчашся по буграмъ ,
Топчутъ снѣгъ глубокой ;
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокой ;
Двери вихорь отворилъ ;
Тьма людей во храмѣ ;
Яркой свѣтлѣ паникадилъ
Тускнелъ въ еиміамѣ ;
На средивѣ черный гробъ ;
И гласилъ просяжно попъ ;
„Буди взятъ могилой !“
Пуще дѣвица дрожитъ ;
Кони мимо ; другъ молчитъ
Блѣденъ и унылой !

Вдругъ мятелица кругомъ
Снѣгъ валитъ клоками ;
Черный вранъ , свистя крыломъ ,
Вьется надъ санями :
Вѣщій стонъ гласитъ печаль ;
Кони поропливы
Чушко смотрятъ въ темну даль ,
Воздымая гривы ;
Брежжешъ въ полѣ огонекъ ;
Видѣнъ мирный уголокъ —
Хижинка подъ снѣгомъ ;
Кони быстрые быспрѣй ,
Снѣгъ взрываютъ , прямо къ ней
Мчашся дружнымъ бѣгомъ .

Вотъ примчались — и въ мигъ
Изъ очей пропали ;
Кони , сани и женихъ
Будто не бывали !
Одинокая , въ пошмахъ ,
Брошена отъ друга

Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ ;
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратись? — слѣду нѣтъ!
Видѣнь ей въ избушкѣ свѣтъ!
Вотъ — перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучишь ;
Дверь шатнулася, скрипишь,
Тихо растворилась.

Чтожъ? Въ избушкѣ гробъ, накрытъ
Бѣлою запоной ;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоишь ;
Свѣчка предъ иконой.
Ахъ! Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью пришла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безошвѣтный житель!
Входишь съ препетомъ, въ слезахъ ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась ;
Со крестомъ своимъ въ рукъ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Рѣзко припала!

Все утихло! — вьюги нѣтъ!
Слабо свѣчка плится ;
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять зашмился ;
Все въ глубокомъ, мершвомъ снѣ ;
Страшное молчанье! . . .
Чу! Свѣтлана! въ пишинѣ
Легкое журчанье!
Вотъ глядишь: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ,
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ ;

Къ ней на перси шихо сблѣ ;
Обнялъ ихъ крилами.

Смогло все опятьъ кругомъ. —
Вошѣ свѣшланѣ мнѣтся,
Что подѣ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелился ;
Сорвался покровъ ; мертвецъ —
(Лихъ мрачѣе ночи)
Видѣвъ весь : на лбу вѣнецъ ,
Затворенны очи.
Вдругъ въ устахъ сомкнушихъ сонѣ ;
Силился раздвинуть онѣ
Руки охладѣлы.
Что же дѣвица ? дрожитѣ ,
Гибель близко . . . но не спитѣ
Голубчикѣ бѣлый.

Вспрепенулся — развернулъ
Легкія онѣ крилы ;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ
Всей лишенный силы ,
Возсенавъ , заскрежешалѣ
Спращно онѣ зубами ,
И на дѣву засверкалѣ
Грозными очами
Снова блѣдность на устахѣ ,
Въ закапавшихся глазахѣ
Смерть изобразилась ! —
Глядѣ свѣшлана — о Творецѣ !
Милый другѣ ея — мертвецѣ !
Ахѣ ! — и пробудилась !

Гдѣжѣ ? У зеркала , одна
Посреди свѣшлицы ,
Въ тонкій занавѣсѣ окна
Свѣшитѣ лучъ денницы ;

Шумнымъ бѣшетъ крыломъ пѣшухъ,
День встрѣчая пѣьемъ;
Все блеститъ . . . Свѣтланинъ духъ
Смушенъ сновидѣньемъ.

„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!

„Не добро вѣщаетъ онъ —

„Горькую судьбину!

„Тайный мракъ грядущихъ дней!

„Что сулишь душѣ моей,

„Радость, иль кручину?“

Сѣла — тяжко ноетъ грудь —

Подъ окномъ Свѣтлана;

Изъ окна широкой путь

Видѣнъ сквозь тумана,

Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,

Паръ алѣетъ тонкой. . . .

Чу! въ дали пуспой гремитъ

Колокольчикъ звонкой;

На дорогѣ снѣжный прахъ;

Мчатъ, какъ будио на крылахъ,

Санки кони рьяны;

Ближе; вошъ ужъ у воротъ;

Спашный гость на дворъ идетъ;

Кто? Женихъ Свѣтланы!

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,

Прорицатель муки?

Другъ съ побой! невреденъ онъ

Въ опытѣ разлуки;

Тажъ любовь въ его очахъ;

Тѣжъ приятны взоры;

Тѣжъ на сладостныхъ устахъ

Милы разговоры.

Ошворяйсяжъ Божій храмъ!

Вы лепите къ небесамъ,

Вѣрные обѣщанья!

Соберитесь старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣпы!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу;
Взоромъ счастливый швоимъ,
Не хочу и славы!
Слава — насъ учили — дымъ!
Свѣшь — судья лукавый!
Вотъ баллады полкъ моей:
Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье!
Благъ Зиждипеля законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ!
Счастье — пробужденье!

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣшлана! . . .
Будь Создатель ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минушной грусти тѣнь
Къ ней да не коснешся!
Въ ней душа какъ ясный день!
Ахъ! да пронесешся
Мимо бѣдствія рука!
Какъ приятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣшла!
Будь веселость, какъ была,
Дней ее подруга!

В. Ж.

Пѣсня въ веселой часѣ.

Вотъ вамъ совѣтъ, мои друзья!
Осушимъ, идя въ бой, стаканы!
Съ однимъ непьяный слажу я!
Съ десяткомъ уберуся пьяный.

Х о р ь.

Полнѣй стаканы! пейше въ ладѣ!
Такъ пили наши дѣды!
Тебѣ погибель, сопоспашъ!
А намъ вѣнецъ побѣды.

*

Такъ! чудеса вино шворитъ!
Кшо пьянъ, шому вселенной мало!
Въ умѣ онъ — самъ всего дрожитъ!
Сошелъ съ ума — все задрожало!

Х о р ь.

Полнѣй стаканы! и пр.

*

Не воинъ пошъ въ моихъ глазахъ,
Кому бушылка не по нраву!
Онъ видитъ лишь въ сраженъи спрахъ!
А пьяный въ немъ лишь видитъ славу!

Х о р ь.

Полнѣй стаканы! и пр.

*

Друзья! вселенная красна!
Но ежели разсудимъ строга,
Найдемъ, что мало въ ней вина,
И что воды ужъ слишкомъ много!

Х о р ь.

Полнѣй стаканы! и пр.

*

Такъ! если богъ не сотворилъ
Сникіей влагу драгеѣвну,

Онъ оспорожно поступилъ —
Мы осушили бы вселенну!

Х о р ь.

Полибй спаканы! пейте въ ладъ!

Такъ пили наши дбды!

Тебб погибель, сопосшатъ!

А намъ вбнецъ поббды!

В. Ж.

П ъ с н я.

Долго ль, сердце, намъ съ побой посковашъ?

Долго ль радости, неселія не знашь?

Долго ль биться для печалей одному?

Про злодбйку грусть повбдашь намъ кому?

И цвбтчки не одни въ лугахъ росшущъ,

И всб ппашечки самдругъ весной поющъ.

Тошно, тошно безъ другаго сердца жившь;

Но тошнябе безъ надежды полюбишь.

О цвбтокъ мой несравненной, дорогой!

Ктб сорветъ тебя холодною рукой?

Ты на чьей груди засохнешъ, опадешъ?

Гдб, краса моя, поблекнешъ, опцвбтнешъ?

Можешъ быть съ тоски и съ грусти во слезахъ

Ты увянешъ во младыхъ своихъ лбтахъ,

Не извбдавъ, что естъ сладость жизни сей,

Съ милымъ другомъ не дбливъ души своей?

О краса моя! когдабъ владбшь тобой

Счастье было мнб назначено судьбой;

Ктобъ счастливибе на свбтб былъ меня?

Ктобъ нбжибе могъ любить тебя, какъ я?

Я въ очахъ швоихъ блаженствобб почерпалъ;

Я одной побой и жилъ бы, и дышалъ;

Я, какъ жизнь свою, хранилъбы швой покой :
Но другому, а не мнѣ владѣшь шбой ! —
Сердце, сердце ! нѣтъ блаженства для шебя !
Ахъ ! мечшою обольщаешь ты себя !
Взора милаго, опаснаго бѣжимъ ; —
Ахъ ! шебѣ ль владѣшь сокровищемъ такимъ !

Гр.

Января 15 дня 1813.

Кострома.

Елиграмма.

Подражаніе.

Любилъ я Кодра съ юныхъ лѣтъ,
Оказывалъ ему услуги :
Тогда мы были прямо други.
Но дней тѣхъ прелести ужъ нѣтъ !
Кодръ видится со мною въ свѣтъ,
И самъ на балѣ иль банкетѣ
Меня ласкаетъ напередъ ;
Подъ часъ и хвалишь очень живо . . .
Какъ жаловаться на него ?
То было бы несправедливо !
Онъ, къ чести вѣка своего,
Не благодаренъ такъ учтиво ! . . . —

В. Из.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Фенелоново замѣчаніе о древнихъ историкахъ.

Конечно пріятно будетъ для чисташелей Вѣспника сравнить сужденіе Фенелона о древнихъ историкахъ со мнѣніями другихъ писашелей о семъ предметѣ. Не многіе изъ древнихъ и новыхъ прославились въ семъ родѣ сочиненій; но многіе, отъ Квиншилїана до Лагарпа, судили о единственныхъ и рѣдкихъ образцахъ въ искусствѣ писашь исторію. Не такъ легко, какъ мы воображаемъ, опредѣлять достоинства и пороки великихъ писашелей; и шѣмъ любопытнѣе знашь мнѣнія славныхъ кришиковъ о швореніяхъ, освященныхъ почтеніемъ вѣковъ. Намъ кажется, что сіи крашкія замѣчанія сочинителя Телемака не многимъ извѣсны; ибо самъ Фенелонъ не извѣстенъ, какъ кришикъ. Вотъ онъ:

„Геродотъ, отецъ исторіи, повѣ-
„сшуетъ совершенно, и разнообразитъ
„предметы самымъ пріятнымъ образомъ;

„но его сочиненіе естѣ собраніе извѣстїи
„о разныхъ земляхъ и народахъ, а не ис-
„порїя, кошорая бы имѣла единство и по-
„рядокъ испинный.

„Ксенофоншѣ сочинилъ шолько дневныхъ
„записки: у него все почно и правильно,
„но единообразно. Его Киропедїя можешѣ
„скорѣе назвашься философическимъ рома-
„номъ, какъ думалъ Цицеронъ, нежели ис-
„пинною испорїею.

„Полибїй искусенъ въ наукѣ военной и
„въ полишикѣ; но излишне умспвуетъ,
„хотя умспвуетъ хорошо. Онъ переспу-
„паешѣ за границы проспаго испорика, и
„каждое происшествїе обьясняетъ ошѣдѣй-
„спїя до причины: его испорїя естѣ поч-
„ная анапомїя. Онъ показываешѣ нѣкопо-
„раго рода механикой, какъ одинъ народъ
„непремѣнно побѣдїшѣ другой, и какъ за-
„ключенный миръ между Кареагеною и Ри-
„момъ не можешѣ бышѣ швердымъ и про-
„должїшельнымъ.

„Фукидидъ и Тїшѣ-Ливїй имѣютъ пре-
„красныя рѣчи; но по всѣмъ вѣрояшносшямъ
„сами ихъ сочиняютъ. Сомнїшельно чпо-
„бы онѣ сущесшвовали въ подлинникахъ
„шого времени. Тїшѣ-Ливїй не зналъ воен-
„наго искусствва шакъ хорошо какъ Полибїй.

„Саллюстій писалъ съ благороднымъ
 „краснорѣчїемъ и съ прїятноспїю удиви-
 „пельною, но далеко распроспранилъ изо-
 „браженїе нравовъ и начерпанїе лицъ въ
 „двухъ исторїяхъ весьма крапкихъ.

„Тацитъ показываетъ великое дарова-
 „нїе съ глубокимъ познанїемъ разврашно-
 „спи человѣческой; но излишне любилъ
 „спайнственную крапкость, излишне бо-
 „гатъ пїипическими оборотами въ описа-
 „нїяхъ; обнаруживаетъ лишнее оспроумїе
 „и лишнее упонченїе; относитъ къ шай-
 „нымъ пружинамъ полипики то, что слу-
 „чаешя обыкновенно отъ невѣрнаго раз-
 „счета личныхъ выгодъ, отъ особен-
 „ныхъ спрасшей правителей. Великія про-
 „исшесствїя бывающъ не рѣдко дѣйствїемъ
 „самыхъ презрительныхъ причинъ: сла-
 „бость, навикъ, ложный спыдъ, досада,
 „совѣщъ любимца недоспойнаго, опредѣля-
 „ющъ случаи, шогда какъ Тацитъ углуб-
 „ляется въ изслѣдованїе шайныхъ побуж-
 „денїй Императора. Люди по большей ча-
 „спи посредственны и слабы какъ во злѣ,
 „такъ и въ добрѣ. Тиверїй, рѣдкїй зло-
 „дѣй на шронѣ, всегда увлеченъ болѣе спра-
 „хомъ, нежели преклоненъ рѣшишельнымъ
 „намѣренїямъ.“

Сїи замѣчанїя Фенелоновы недоспапоч-
 ны, иногда спроги, иногда несправедливы,
 NO 1 и 2. Е

но во всѣхъ видѣнъ швердый, свободный и просвѣщенный умъ, копорый судишь самъ собою о великихъ дарованіяхъ, безъ всякаго предубѣжденія, не рѣдко раждаемаго славными именами.

Мнѣніе вразсужденіи Геродота согласно, кажешся, съ общимъ одобреніемъ Греческаго народа, копорый всего болѣе удивлялся приапности языка его, и съ крипивою другихъ просвѣщеннѣйшихъ вѣковъ, копорые желали въ немъ болѣе меподы, менѣ сказокъ, и нѣсколько испорической крипики.

Доспойно удивленія, что сочинишель Телемана сназалъ нѣсколько неучпивыхъ словъ о шворцѣ Киропедіи, когда духъ Греческаго писателя такъ близокъ къ духу Французскаго. Оба имѣли сладкій даръ говорить сердцу и украшашъ науку мудрости; оба написали безсмершныя произведенія въ родѣ героическихъ поемъ, предспавивъ въ нихъ совершенные образцы для науки правленія; и ни кто въ проспранствѣ вѣковъ ихъ раздѣляющихъ не имѣлъ, по замѣчанію одного филолога нашего времени, шакое высочайшаго искусствва плѣншатъ насъ добродѣшелью.

О Оукидидѣ копораго такъ хвалилъ Цицеронъ (*), и о Типѣ - Ливіѣ копораго

(*) См. шперый разговоръ Орапора.

Квинтилианъ сравнивалъ съ Цицерономъ, сказано слишкомъ мало; но слишкомъ много о Полибѣ, котораго не почитаютъ краснорѣчивымъ писателемъ, и которому не надлежало, кажется, спояшь на ряду съ первокласными историками.

Если справедливо опшастя замѣчаніе о Саллюстіѣ, по строгаѣ приговорѣ, произнесенный надъ Тацитомъ, не имѣетъ, кажется, основанія. Фенелонъ поставляетъ ему въ порокъ то, что приноситъ ему рѣдкое достоинство. Его краскосшь есть сила не принужденная, но естественная, почерпнутая изъ великой души и пространнаго разума; и что можеть находить излишніе пѣшическіе обороты, излишнюю живопись въ слогахъ Тацита? На примѣрѣ, прочши описаніе корабля, назначеннаго для гибели Агриппины, — ночи освѣщенной, казалось для ея спасенія, небесными огнями, и пишины покоящагося моря (*); или изображеніе того часа, когда убійцы вломились въ палаты Нероновой мапери, когда ужасъ разсѣялъ всѣхъ служителей, когда, при одномъ слабомъ свѣтѣ въ безмолвномъ уединеніи покоя, видя послѣднюю невольницу опъ себя бѣгущую, Агриппина восклицаетъ: „какъ! и ты измѣняешь мнѣ?“ и наконецъ

(*) См. Тас. Ан. I. XIX. въ началѣ сей книги.

въ присущствїи грозящихъ мечей, невѣ-
ришь еще, чтобы сынъ ея повелѣлъ такое
злодѣйство (*); или превосходное описа-
нїе пожара, бывшаго въ Римѣ по звѣрскому
повелѣнїю Нерона, какъ полагающъ другїе
историкѣ, но чего Тацитъ не утверж-
даешъ (**). Что касается до обвиненїя,
будто сей историкъ клеветалъ на сердце
человѣческое, то Лагарпъ замѣтилъ справедливо,
что онъ не могъ клеветать на пошъ
вѣкъ, въ кошоромъ жилъ и кошорый описы-
валъ. Но можешъ быть Фенелонъ не имѣлъ
въ душѣ и въ умѣ шого свойства, по кошор-
ому могъ бы опредѣлишь истинное достоин-
ство Римскаго историка; и мягкій, ще-
кучій, немного распянушый слогъ перваго
много удаляется отъ сильнаго, крапкаго
и живописнаго словопеченїя послѣдняго пи-
сателя.

Наконецъ кажешся, будто Фенелонъ
имѣлъ намѣренїе въ сихъ отрывкахъ ука-
зать болѣе нѣ пороки и недосшашки, не-
жели на достоинства и красоты древнихъ
историковъ.

Г. И.

() См. шу же книгу.

(**) Гас. Ап. I. XV.

Любопытное и неизвѣстное путеше- шество во внутренность Африки.

Съ того времени какъ общество Ан-
глійскихъ космополитовъ занимается
внутренностию Африки, къ сей странѣ
обратились взоры свѣта и пруды Геогра-
фовъ. Сообщаемъ слѣдующее замѣчаніе,
изданное за нѣсколько лѣтъ передъ симъ
однимъ Нѣмецкимъ ученымъ, и которое,
сколько намъ извѣстно, не было напеча-
тано ни въ одномъ Русскомъ журналѣ.

Въ 1787 году, когда одинъ путеше-
ственникъ находился въ Упрехтѣ, случай
доставилъ ему наемнаго слугу, въ кото-
ромъ онъ замѣтилъ необыкновенныя для
сего класса людей свѣдѣнія; а какъ ученый
господинъ и свѣдущій слуга имѣли уже
обхожденіе вольное и короткое, то г. Ге-
рень (имя путешественника) началъ съ
нимъ входить въ разговоры. Сей человекъ
разказалъ ему, что онъ былъ въ услугѣ у
богатаго жителя Капа, или мыса Доброй
надежды, по имени Швелленгребея, сына
Капскаго Губернатора, который въ 1776
году предпринялъ и ошчасти совершилъ
путешествіе во внутренность Африки отъ
Капа до Египта. Въ семъ намѣреніи онъ
составилъ на свой коштъ небольшой на-
раванъ изъ 12 Гошшеншоховъ и 24 Европей-

цевъ, между копорыми находился сей умный слуга, одинъ живописецъ и одинъ натуралистъ; за караваномъ слѣдовалъ обозъ на нѣсколькихъ шелегахъ съ нѣсколькими лошадьми и со 100 быками. Онъ выѣхалъ изъ Капа въ Сентябрѣ мѣсяцѣ съ надеждою прибыть черезъ годъ на южную границу Египта. Путешественники направили путь свой къ Сѣв. Сѣв. Востоку, чтобы слѣдовать, какъ видно по картѣ, во внутренность Африки въ равномъ распоянїи отъ моря Атлантическаго и Океана Индѣйскаго. Они перебирались вплавь черезъ великія рѣки, и почти споймя черезъ крупныя горы, на копорыя надлежало вносить шелеги одну за другой на вьючныхъ скотахъ; спрѣлая дичь, питались ею по большей части; имъ встрѣчались кочующія орды *Кафровъ*, но копорыя никогда ихъ не беспокоили. Правда, что путешественники имѣли чѣмъ защищаться; за то въ одинъ вечеръ напали на нихъ пять львовъ, изъ копорыхъ два были ими застрѣлены. Они перѣехали около 300 миль, когда ихъ достигли *Бушманы*, извѣстные по искусству мешать ядовитыя спрѣлы. Они перебили ихъ, и нашли, что у нихъ шло, малорослое и безобразное, покрыто все волосами.

Въ сихъ ошдаченныхъ и дикихъ странахъ путешественники нашли съ удивле-

нѣмѣ нѣсколько Европейскихъ колонистовъ, по большей части Нѣмцовъ, которые тамъ поселились съ давняго времени, и вели жизнь патриаршескую. Самый опдаленнѣйшій колонистъ былъ Генрихъ *Принцъ*, Саксонецъ, который послѣ многихъ приключеній былъ солдатомъ въ Капѣ, и женился на Капской дѣвушкѣ. Его семья состояла изъ 24 человекъ; и полученныя имъ за женою въ приданое 500 скопинъ размножились до 30,000. Какая пристань послѣ бурной жизни сего Саксонца, много претерпѣвшаго! какая пищина! какое сладкое спокойствіе! Хижина, лѣса, высокія горы, быстрые потоки, цвѣтущія долины, коровы и козы, которыхъ они пьютъ молоко; жена, дочери, работающія домашнее издѣлье и пластье; всегдашнее лѣто, благошворные и непрерывные дожди въ печеніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые питаютъ землю и растворяютъ воздухъ; плоды сочные и вкусные, приносимые природою безъ трудовъ человеческихъ; цвѣты и ароматы рѣдкіе; вокругъ вѣчное безмолвіе пустыннаго міра; между природою и человекомъ нѣтъ преграды, нѣтъ посредниковъ безпокойныхъ и докучливыхъ! Гдѣ другое совершеннѣйшее убѣжище свободы и благополучія? Среди бурныхъ вихрей мірскаго общежитія, гдѣ, которые намъ обѣщаютъ благополучіе, часто суть обманщики и лже-

цы; шѣ, копорые общающѣ свободу, иногда хуже лжецовѣ и обманщиковѣ; ибо вѣчныя брани и вѣчная суеша не дающѣ покойствія челоѣку вѣ кругу просвѣщенныхѣ народовѣ. Караванѣ, пробывѣ недѣлю вѣ семѣ мѣстѣ, отправился далѣе.

Углубясь во внутренность сей части свѣта до 515 миль (морскихѣ) отѣ мѣста ихѣ отбѣзда къ западнымѣ границамѣ Моношапы и Зангебара (сѣдовашельно далѣе всѣхѣ прежнихѣ путешественниковѣ), наши путешественники полагаѣ себя на половинѣ предначертаннаго пути, какѣ вдругѣ ихѣ оспановилѣ широкія рѣки, копорыхѣ берега шинисшыя и болопныя не допускаѣ переправиться ни вѣ бродѣ, ни вѣ плавѣ, и служилѣ сверхѣ того убѣжищемѣ безчисленнымѣ крокодиламѣ. И такѣ они принуждены были возвращиться; но возвратились вѣ Капѣ другою уже дорогою послѣ 6 мѣсячнаго отсушествія.

Вошѣ все, что могѣ узнать Г. Геренѣ о семѣ любопытномѣ путешествіи. Онѣ видѣлѣ у своего челоѣва множество вещей, привезенныхѣ имѣ отѣ Кафровѣ, и между прочими корзинки такѣ сплещенныя, что онѣ не пропускающѣ воды, стрѣлы, копья, и проч. Впрочемѣ слуга удовлетворилѣ совершенно всѣмѣ вопросамѣ своего господина, и со всею возможною правдивостію; ибо что онѣ рассказывалѣ, было подтверждено

многими Упрехшскими жипелями. Самъ Швелленгребель, возвращаясь въ Европу, жилъ тогда въ Голландїи. Сей необыкновенный и чудный человекъ имѣлъ въ рукописи подробныя записки своего путешествія, множество картъ, рисунковъ, и упорно шилъ сію рукопись, хотѣвъ чпобъ она вышла только въ свѣтъ по смерти его. И такъ остаешься ожидать описанія сего путешествія.

Впрочемъ не лзя не замѣпить, чпо мы Европейцы, подспренаемые любопытствомъ, находимъ нѣрѣдко въ дикихъ народахъ, нами посѣщаемыхъ, великое равнодушїе къ своимъ госпямъ, и къ просвѣщенїю сихъ честлюбивыхъ гостей. *Аббаль Поаре* испыталъ природу, путешествовавшій въ Варварїи, поднялъ съ восторгомъ камень весьма любопытный въ присущїи Араба, проводника своего; сей послѣдній спросилъ его очень холодно: *развѣ нѣтъ у васъ камней?* Когда *Мунго-Паркъ* восхищался спкрыпїемъ одной рѣки, бывшей главнымъ предметомъ его путешествія, и когда онъ объяснилъ сей предметъ своему путешественнику, ему предложенъ былъ такой же вопросъ: *развѣ нѣтъ рѣки въ вашемъ отечествѣ, что ты прихалъ видѣть ее изъ такой дали?*

Изъ иностр. Жур. В. И.

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

О пребываніи въ Москвѣ Французовъ.

Вспуленіе въ Москву Французовъ есть одно изъ чрезвычайныхъ происшествій нашего времени. Всѣ относящіяся къ нему подробности должны быть рачительно собираемы какъ для современниковъ нашихъ, такъ и для будущаго историка. Имѣя случай пользоваться замѣчаніями одного очевидца, человека благоразумнаго и доспойнаго вбро-ящія, мы намѣрены предложить нашимъ читателямъ нѣсколько извѣстій, соотвѣтствующихъ пространству се-го Журнала.

Le Conservateur Impartial (*).

Авангардъ Французской арміи вошелъ въ Москву. Городъ былъ пустъ; жилище большею частію выѣхали, а оставшіеся сидѣли запершись въ домахъ своихъ. Фран-

(*) Название Газеты, въ С. Петербургѣ де-чашаемой. *Изд.*

дузскіе опряды бѣгали по улицамъ, и щещно спарались получить необходимыя свѣдѣнія о способахъ расположить армію. Наполеонъ оставался въ предмѣстїи, не далеко отъ Смоленской (Дорогомиловской) заставы; онъ ожидалъ депутаціи отъ города, и хотѣлъ насладиться шоржеспивеннымъ вшествїемъ. Но поелику отъ полудня до двухъ часовъ никто къ нему не являлся; по онъ вздумалъ наконецъ посласть одного Польскаго Генерала, приказавъ ему опыскасть и вызвать ешу депутацію, споль неперпѣливо ожидаемую. Посланный случайно вспрѣпился съ однимъ человѣкомъ, которой въ ссспоянїи былъ сообщить ему нѣкошорыя свѣдѣнія. Генералъ приказалъ вести себя въ домъ занимаемой Правительшвомъ, въ Думу или Магистратъ, въ Управу благочинїя, къ Главнокомандующему, и во всѣ стороны бросался, желая найти кого-нибудь изъ служащихъ чиновниковъ. Послѣ бесполезныхъ исканїй Генералъ Польскїй возвратился къ Наполеону, и донесъ ему, что въ Москвѣ никого изъ правительствующихъ особъ не ошало, и что городъ пустъ. Наполеонъ ошложилъ свое вшествїе. Въ первой разѣ еще завоеванная Сполица обманула его ожиданїе: нѣшъ повода описывать въ бюлешенѣ представленїя депутаціи, поднесенїя ключей, великодушїя побѣдшеля! нѣшъ

поздравительныхъ рѣчей для напечатанія въ Монистерѣ! Однакожъ Наполеонъ все еще не терялъ надежды, что на другой день придуть къ нему по крайней мѣрѣ иностранцы, Французы, Испаліянцы, Нѣмцы и другіе подданные обширной Россійской Имперіи, по крайней мѣрѣ они принесуть къ нему машерію для газешной спашьи, которою не захотѣли его снабдить природныя Россіяне. И такъ, въ семъ приятномъ ожиданіи, рѣшился онъ переночевать у заставы въ домѣ одного харчевника; но когда и сія надежда его неисполнилась, то ему ничего другаго дѣлать не осталось, какъ ѣхать смиренно въ Кремль безъ шуму, безъ барабаннаго боя, безъ трубныхъ звуковъ. Ещо случилось во вторникъ, 3го Сентября, въ два часа по полудни. Онъ весьма досадовалъ на такую оплошность Русскихъ; а принадлежащія къ свитѣ его особы называли оную дерзостію и безпримѣрнымъ оскорбленіемъ.

Ночью съ понедѣльника на вторникъ (2го Сентября) пожаръ начался на Солянѣхъ, близъ воротъ Воспитательнаго Дома. Въ то же время загорѣлось подлѣ каменнаго Яузскаго моста, гдѣ расположился кварталъ Король Неаполитанскій. Третій пожаръ вспыхнулъ на противоположной сторонѣ города. Жители смолчали на ис-

шребленіе домовъ своихъ съ шѣмъ спокой-
ствіемъ , которе извѣсняется шолько
увѣренностію въ невозможности подашь
какую-либо помощь. Сверхъ того еще увѣ-
ренность же, что неприятель лишится
важнѣйшихъ средствъ въ своему продоволь-
ствію , содѣйствовала сему удивительно-
му расположенію. Нѣкоторые жители вы-
носили изъ домовъ своихъ святыя образа ,
ставили ихъ подлѣ воротъ и уходили. По-
жаръ отчасу болѣе распросстранялся днемъ
и ночью. Во шпорникъ Французы спояли на
бивакахъ по разнымъ частямъ города ; а
нѣкоторые расположились лагеремъ при за-
сѣвахъ. Въ среду по утру въ 9 часовъ под-
нялась ужасная буря, и пожаръ начиналъ
бышь повсемѣшнымъ. Спусти одинъ часъ
пламя въ десяти мѣстахъ свирѣпствовало.
Вся обширная , покрывающая домами равнина
за Москвою рѣкою , представляла огненное
море , коего волны носились по воздушному
пространству. Въ то же время загорѣлись
ряды. Невозможно было думать о по-
моши. Начался грабежъ ; все что спаслось
отъ ярости пламени , подвергалось бѣшен-
ству Французовъ. Никогда еще небо во
гнѣвъ своемъ не представляло людямъ ужа-
снѣйшаго позорища : повсюду свирѣпство-
валъ огонь ; повсюду грабители преслѣдо-
вали свои жертвы ! Гдѣ найши убѣжище? ..
Самъ Наполеонъ призадумался, смотря изъ

оконъ дворца Кремлевскаго на распроспраняющійся пламень, и будучи окруженъ волнами огненнаго моря. Схвачены люди, которые хотѣли приближись къ нему свирѣпство пожара внупри стѣнъ кремлевскихъ (*). Наполеонъ поспѣшилъ переѣхать въ Пепровской дворецъ, и тамъ провелъ ночь сію. По видимому, онъ боялся съшей, прикрытыхъ пожаромъ, и почиталъ ихъ для себя весьма опасными по причинѣ обширности города. Ежели онъ когда-либо могъ слышать голосъ совѣсти; то ночь, въ Пепровскомъ дворцѣ проведенная, долженствовала быть для него весьма страшною: пожаръ Московскій былъ пламенниками Фурій, освѣщавшими его злодѣйства.

Надобно думать, что Наполеонъ въ ночь сію мало наслаждался покоемъ; ибо поутру въ шесть часовъ послалъ уже въ ближній лагерь одного изъ своихъ адъютантовъ за г-жею Оберъ, модною торговкою. На худой лошади и въ дрожкахъ, какія на шу

(*) Жаль, что сей очевидецъ неясно говоритъ о зажигателяхъ. Но другіе очевидцы уверяютъ, что Французы вездѣ зажигали зданія и даже около квартиры Мюрата, жившаго въ домъ Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, и что нѣкоторые изъ нихъ по приказанію самаго Наполеона разсирѣяны. *Изд.*

пору найши случилось, адъютантъ привезѣ г-жу Оберъ, копорая предспала ко двору Наполеона въ проспомъ своемъ нарядѣ, весьма непохожемъ на придворной. Монархъ на сей разъ оставилъ излишнїя церемонїи. У воротъ дворца мадамъ встрѣчена была маршаломъ Моршье, копорой подалъ ей руку, и повелъ къ большой залѣ, куда вошла она уже безъ провожающаго. Тамъ ожидалъ ее Наполеонъ, сидя у окна. „Я слышалъ, мадамъ, что вы очень несчастны,“ сказалъ онъ, ее увидѣвши. И потчасъ послѣ сего предисловія началась тайнственная бесѣда вопросами и отвѣтами. Содержанїемъ разговора была политика и управленїе. Когда модная шорговка не во всемъ соглашалась съ Наполеономъ, то онъ принимался нюхать табакъ, и начиналъ говорить о другомъ дѣлѣ. . . .

Къ ужасамъ пожаровъ скоро присоединились ужасы грабительства. Лишь только оставилъ я убѣжище, гдѣ прятался отъ огня, какъ вдругъ попался въ лапы воннымъ егерямъ, копорые схватили пару лошадей моихъ. Я начинаю переговоры, и мнѣ обѣщаютъ взять у меня только одну лошадь, копорую потчасъ сбдаютъ и уводятъ. Потомъ доходитъ дѣло до моей особы. У меня берутъ часы и деньги, снимаютъ съ меня сапоги и все платье,

и даюшѣ мнѣ вмѣсто того пару худыхъ сапоговъ, въ кошорыя ноги мои едва вошли до половины; во утѣшеніе сказываюшѣ мнѣ, что я долженъ почипашѣ себя весьма счастливымъ, получая обратно сюрпукъ мой. Вышедши изъ погреба, въ кошоромъ я нѣсколько дней скрывался, я совсѣмъ не зналъ, что самъ Наполеонъ дозволилъ грабиль; но собственныя глаза скоро меня въ помѣ удосшоуврили: всѣ бѣгали по улицамъ, всѣ искали безопаснаго пристанища. Я послѣдовалъ примѣру прочихъ . . . но искавши убѣжища, я подвергался новымъ опасностямъ. Я ходилъ въ толпѣ грабителей. Случай подаль мнѣ счастливую мысль подняшѣ на улицѣ кусокъ изорваннаго сафьяна; имѣя при себѣ волшебный пализманъ сей, я самъ казалъ грабителемъ, и такимъ образомъ ходилъ по улицамъ безъ опасенія. . . . У Мясницкихъ воротъ попался мнѣ на вспрѣчу одинъ изъ Французскихъ генераловъ; думаю, что еше былъ Себастьяни. Онъ началъ говорить со мною по французски, и на жалобы мои о несчастіи общемъ и моемъ собственномъ отвѣчалъ: „всему ешому причиною ваши козаки!“ Въ шу самую минушу солдаты передъ нашими глазами грабили и били одного обывателя. Я указаль Генералу на сей геройской подвигъ; онъ велѣлъ было солдатамъ удержашься, и видя непослушаніе ихъ, сказалъ

миѣ: „это Нѣмцы; они самые жесточайше грабили!“

На улицахъ Московскихъ никого невидно было кромѣ солдатъ, копорые шарили при выходахъ домовъ, выламывали двери, расхищали погреба и магазины; жилили между шѣмъ скрывались во внутренности домовъ и безъ спрошивленія дозволяли обирашъ себя шѣмъ, копорые ихъ находили. Ужасы грабительсва усугублялись шѣмъ болѣе, что при исполненіи онаго наблюдаемъ былъ порядокъ въ очереди между корпусами. Солдаты безъ всякой поропливости занимались гнуснымъ своимъ упражненіемъ; напрошивъ шого они были увѣрены, что наблюдающъ порядокъ, исполняющъ свою должность. Сперва грабила спарая гвардія; на другой день новая гвардія принялась за сію работу; на претій, корпусъ Маршала Даву, и шакъ далѣе. Всѣ корпусы, расположенные лагеремъ вокругъ города, по очереди приходили грабить; само собою разумѣшя, что послѣднихъ удовлетворяшъ было гораздо шруднѣе нежели первыхъ. Такой *порядокъ* продолжался безоспановочно цѣлую недѣлю. Жадность грабителей была ненасытима, и ее изъяснишь можно развъ шолько нищешю самыхъ грабителей. Представъше себѣ людей босыхъ, неимѣющихъ исподняго плашья, покрытыхъ рубищами:

таковы были почти все войны, непринадлежащие къ Императорской гвардіи. Возвратившись изъ города въ лагерь, они по странному и разнообразному своему наряду уже совсѣмъ не походили на воиновъ, и только по оружію можно было почестъ ихъ солдатами. Дабы имѣть понятіе о содѣянныхъ мерзостяхъ, надобно себѣ представить, что даже офицеры ходили по домамъ, и грабили за одно съ рядовыми. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, менѣе безсмысленные, упражнялись въ хищеніи на своихъ квартирахъ, не выходя за ворота. Генералы, какъ ближайшіе подражатели главному предводителю, умѣли жадность свою прикрывать нѣкоторыми благовидными побужденіями: подъ предлогомъ разныхъ надобностей, они приказывали тащить къ себѣ все, что почитали для себя пригоднымъ; ограбивши такимъ образомъ весь домъ, переходили на другую квартиру, и тамъ снова обирали все, даже до замковъ и панелей. Въ продолженіе сего грабительства Наполеонъ опять перѣхалъ въ Кремль, и заперся въ немъ съ надлежащими предосторожностями: все Кремлевскія ворота были зашворены, кромѣ Никольскихъ, въ которыя входили только знатные чиновники. Тамъ уже начали помышлять объ устройствіи полиціи и шаръ называемаго муниципалитета или городского правленія. Безъ

порядки и грабежи готовили пагубу для своих виновниковъ, которые наконецъ почили за нужное позаботиться о прекращеніи оныхъ.

Упопреблены разныя мѣры къ учрежденію муниципалитета; но которые люди побуждены были принять въ шомъ участие — угрозами, обещаніями, увѣреніями о благе обществѣ. Г. Лессепсъ, осправлявшій должность Интенданта провинціи, наиболѣе содѣйствовалъ въ исполненіи предположеннаго плана. Но сіе новое правительствво, учрежденное для возстановленія и сохраненія добраго порядка, вовсе неимѣло успѣха: грабежи продолжались съ прежнею жестокостію, и даже новые чиновники и блюстители порядка не избавлялись отъ хищническихъ нападений, идучи засѣдать въ своемъ присудственномъ мѣстѣ. Всѣ корпусы присвоивали себѣ равныя права на добычу. Наполеонъ, по овладѣніи Смоленскимъ, и рѣшившись идти въ Москву, объявилъ своимъ солдатамъ, что они найдутъ въ сей столицѣ выгодныя зимнія кварширы, что онъ припасетъ для нихъ все нужное, и что посреди довольства и изобилія даруетъ миръ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ. Увидѣвши въ первой разѣ верхи башенъ Московскихъ, онъ указалъ на нихъ солдатамъ и произнесъ: „тамъ конецъ

нашего похода!“ Пожаръ Московской разрушилъ всю надежду его на миръ и на успокоеніе въ зимнихъ квартирахъ. Совершенная бѣдность малаго числа оставшихся въ Москвѣ жителей уничтожила всѣ мѣры къ продолженію Французскаго войска одеждою и пищею; и Наполеонъ увидѣлъ себя принужденнымъ сморгнуть сквозь пальцы на безчинство солдатъ, лишь бы только укротить ихъ ропотъ. Съ другой же стороны неменѣе нужно ему было привлечь къ себѣ жителей для пользы будущихъ своихъ плановъ; и пошому онъ рѣшился дать приказъ о прекращеніи грабительства. Но приказы его оставались безъ дѣйствія, ибо они только прикрывали шайную его политику. Грабежи не прекращались. Надлежало прибѣгнуть къ объявленіямъ, къ прокламаціямъ и даже къ осужденію на смерть, дабы возстановить воинскую подчиненность. Тогда жители нѣсколько ободрились, и начали выходить изъ скрытыхъ своихъ укрѣпленій.

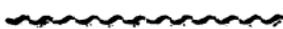
Но какая перемѣна произошла въ столь короткое время! Москвы уже узнать было невозможно: вездѣ представлялись глазамъ обширныя развалины; человѣческіе трупы лежали на дворахъ и на улицахъ; повсюду видны были мертвыя лошади, обгорѣлыя жоры и собаки. Люди ходя по улицамъ,

искали родныхъ своихъ, или просили хлѣба для уполенія нестерпимаго голода. Недоспапокъ въ пицѣ былъ чрезвычайной; доходило даже до того, что каждой искалъ скрышнаго убѣжища, чтобы спокойно сѣсть кусокъ, копорой удалось ему сберечь для продолженія своей жизни. Въ это время началось грабительство особливаго рода; каждой заботясь о себѣ, ходилъ вырывать картофель, рѣпу, капусту; но солдапы всегда предупреждали жителей, и горе тому, кто съ ними на одномъ мѣстѣ вздумалъ бы собирать запасъ свой, или кто несъ домой овощи безъ провожатыхъ. Всякой спрашивая голодной смерти, всякой хопѣлъ заглотить себѣ пищу, шѣмъ болѣе что Наполеонъ распустилъ молву о намѣреніи своемъ зимовать въ Москвѣ; и солдапы и обыватели равно имѣли нужду заботиться о будущемъ своемъ продовольствіи.

Надѣялись, что такая мучительная неизвѣстность окончится миромъ, и Наполеонъ всячески старался подкрѣплять ешу надежду. Въ семъ намѣреніи онъ оказалъ покровительство свое Воспитательному дому и принялъ различныя мѣры, копорыя по его мнѣнію должны были довести его къ примиренію съ Россійскимъ Правительствомъ: но всѣ его замыслы оспались безъ успѣха. Между тѣмъ, чтобы

приятымъ образомъ заняты армію, онѣ выпускалъ разныя вѣсти, которыя возобновлялись время отъ времени: по Рига взята приступомъ; по Магдональдѣ вошелъ въ Пешербургъ; по говорили о большомъ обозѣ съ шубами для арміи, будто бы покрывающемъ дорогу начиная отъ Вильны даже до Смоленска; по утверждали, что Маршалъ Викторъ ведетъ большой вспомогательной корпусъ; по увѣряли, что предвѣднѣе великаго мужа все разочло, все предуготовало, и что ежели Русскіе не помярятся зимою, по наступленіи весны Наполеонъ учредитъ Дюка Смоленскаго и Дюка Пешербургскаго, и что Россія будетъ существовать только во глубинѣ Азіи. Всѣ сшаны на фабрикѣ вѣстей, которыхъ обыкновеннымъ гнѣздомъ есть Парижъ, а въ Москвѣ были заняты работою.

(Продолженіе впрѣдъ.)

Видѣніе Наполеоново въ Законодательномъ собраніи.

Января 14 дня Наполеонъ прибжалъ въ Законодательное собраніе съ величайшею помпозою, и произнесъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Паки воспламененная въ сѣверной Европѣ война предспавила замысламъ Англичанъ благоприятный случай на полуостровѣ. Они упопрѣбили великія усилія. Всѣ надежды ихъ уничтожены . . . Ихъ армія сокрушилась передъ цитаделью Бургосскою, и прешерпѣвши великую поперю, должна была очистишь все проспранство Испаніи.“

(А кто *таки* воспламенилъ войну сію? Условія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, на которыхъ Онъ желалъ сохранишь миръ, были самыя умѣреннѣйшія. Надлежало опустить Прусскія крѣпости; ибо уже неоспавалось никакой справедливой причины ихъ за собою удерживать. Россія хотѣла, чшобы между нею и Франціею находилось неутральное и независимое государство; для чего? Единспвенно чшобъ быть обезпеченною въ своемъ собственномъ спокойствіи. Надлежало уменьшить гарнизонъ въ Данцигѣ; для чего? Единспвенно чшобы Наполеонъ немогъ всякой разъ, когда вздумалъ бы разгнѣваться, послать 30,000 человекъ за Россійскую границу. Надлежало вознаградишь Герцога Олденбургскаго; ибо нанесенная ему хищническая обида вопіяла на небо, а ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ, какъ Глава Голштинскаго Дома, долгомъ и справедливостію обязанъ былъ за него вступишься. Надлежало, чшобы Россія производила шорговлю

свою по дозволишительнымъ видамъ, какъ производилъ ее Франція, неперембняя впрочемъ отношеній своихъ вразсужденіи Англіи. Наполеонъ, копорой споль часто говоритъ объ умбренности, здѣсь бы долженъ былъ ей поучиться. Но вмѣсто того онъ вздумалъ упрекать Россію нарушеніемъ договоровъ; онъ, копорой обѣщался, еще 11 Октябрия 1801 года въ тайномъ соглашеніи, трактовашъ о дѣлахъ Италіи и особенно о вознагражденіи Сардинскаго Королевства, попомъ въ 1802 году о совершенномъ вознагражденіи Голштейнъ-Олденбургскаго Дома и проч. и проч. и ничего не исполнилъ! И такъ яшо *лаки* воспламенилъ войну сію?)

„Я самъ всступилъ въ Россію.“

(То ешь; я былъ начинъщикомъ войны,)

„Французскія арміи на поляхъ Оспровны, Полоцка, Могилева, Смоленска, Москвы и Мало-Ярославца постоянно побѣждали. Нигдѣ Россійскія арміи не могли сопропивляшъся орламъ нашимъ; Москва подпала нашей власпи.“

(Всѣмъ извѣстно, что Россійскія арміи добровольно отступали; планъ сей извясненъ былъ даже въ официальныхъ обьявленіяхъ, и Французкіе бюллетени, забавляясь надъ нимъ, увбрыли, что Фра-

дузы непременно воспользоваться симъ уведомленіемъ; чего однакожъ неслучилось. Въ числѣ *полей*, на которыхъ Наполеонъ будто бы одержалъ побѣды, онъ полагаетъ даже и Мало-Ярославецъ! Ещо еще страннѣе того, что онъ почиталъ себя побѣдителемъ подѣ Прейсишь-Ейлау; ибо хотя всѣмъ извѣстно, что и шамъ его побили, но по крайней мѣрѣ слѣдствія того сраженія давали хвастовству его нѣкоторой видъ вѣроятности. А Мало-Ярославецъ, гдѣ онъ хотѣлъ пробиться въ Калугу, чтобы избавить войско свое отъ необходимости жрать лошадиное мясо и даже прутья человѣческіе, и гдѣ принудили его возвратиться и бѣжать по опустошенной дорогѣ? . . . Для чего также не упоминаешь онъ Тарутина, Вязьмы, Краснаго и Борисова?)

„Когда мы перешли черезъ границу Россіи, и когда сдѣлалось очевиднымъ безсиліе ея оружія, то рой Тапаръ усстремилъ нечесивыя руки свои на разореніе прекраснѣйшихъ областей сей великія Имперіи, для защищенія коихъ они были призваны. Несмотря на слезы и опчаяніе злополучныхъ Москвитянъ, они сожгли болѣе 4000 прекраснѣйшихъ селъ ихъ и болѣе 50 прекраснѣйшихъ городовъ; такимъ образомъ насыщали они спаринную зависимость свою, подѣ предлогомъ будуще бы

въ намѣреніи остано­вить наше движеніе, и окружишь насъ пустынею.“

(Никто въ Россіи не знаетъ, что сожжено болѣе 4000 прекраснѣйшихъ селъ и болѣе 50 прекраснѣйшихъ городовъ. Только Французы имѣютъ обыкновеніе зажигать города, черезъ которые проходятъ (какъ и недавно пыпались они по же сдѣлали въ Браунсбергъ), дабы прикрыть бѣдствен­ное свое опшупленіе. Впрочемъ справедливо, что ихъ окружили пустынею, хотя для того и никакой нужды небыло въ пожарахъ; но потъ долженъ быть очень скуденъ даже въ фиглярскихъ обманахъ, кто прибѣгаетъ къ самымъ нелѣпымъ изъ нихъ, увѣряя на примѣръ, будто бы возаки (ихъ-то Наполеонъ называетъ Ташарами) жгли города и деревни, дабы насытить старую ненависть свою противъ Русскихъ (*). Для чегожъ всѣ они не передались лучше Французамъ? Какъ согласить эту старую ненависть противъ Русскихъ съ новою не-

(*) Въ газетѣ *Le Conservateur Impartial* весьма хорошо сказано, что рѣчь о Ташарахъ показала­сь для неученыхъ — историческою достопамятно­стью, для ученыхъ — новымъ предметомъ розысканій, для большей части читающихъ — ошибкою въ рукописи или въ печати, неимѣющею никакого смысла.

навистію прошиву Французовѣ, которую сіи послѣдніе очень сильно почувствовали, и еще теперь чувствуютъ? Прилично ли съ прона говоришь такіа жалкіа нелѣпости?)

„Мы преодолѣли всѣ сіи препятства!“

(*Мы* — по есть Его Вел. Императорѣ Наполеонѣ, которой насилу увезѣ собственную особу свою въ худой жидовской бричкѣ, и которой даже при Ошмянахѣ былѣ бы захваченѣ козаками, еслибѣ не подоспѣлѣ на помощь корпусѣ Рейнскихѣ союзниковѣ изѣ Вильны; ибо козакѣ дѣйствительно еще до прибытія Наполеона за нѣсколько часовѣ очутились при Ошмянахѣ, но по малому числу своего отряда не могли исполнить предпріятія, а Наполеонѣ между тѣмѣ успѣлѣ дасть шлягу. Большая его армія также преодолѣла всѣ препятства — смертію.)

„Даже сожженіе Москвы, гдѣ въ чешыре дня испреблены пруды и спяжанія *сорока* поколѣній (*), нимало неперемѣни-

(*) На каждое сто лѣтѣ полагается три поколѣнія; слѣдовательно въ *сорока* поколѣніяхѣ надобно полагать болѣе 1200 лѣтѣ. Наполеонѣ считать умѣетѣ! Видно, что онѣ въ исторіи и хронологіи очень силенѣ!

до счастливи́йшаго состоя́нїя дѣлѣ мо-
ихъ. . . .“

(Для чегожъ онѣ шамѣ неоспался?)

„Но необычайный и рановременный хо-
лодъ зимы нанесѣ арміи моей ужаснѣйшее
бѣдствіе.“

(Бѣдствія сего можно было избѣжать,
если правда, что дѣла его въ Москвѣ на-
ходились въ счастливи́йшемъ состоянїи.)

„Въ нѣсколько ночей все переи́нилось.“

(Васѣ били при Вязьмѣ и Красномѣ
не въ нояную пору.)

„Я пошерпѣлѣ великія пошери.“

(А почемужъ царѣ мало говорено объ
нихъ было въ бюллетеняхъ, гдѣ сказано
только, что *немногіе заблудившіеся* взя-
ты въ полонѣ, или погибли?)

„Онѣ растерзали бы мое сердце, еслибъ
я при сихъ великихъ обстоятельствяхъ
могъ испытать иныя чувства, кромѣ вну-
шаемыхъ выгодами, славою и будущимъ
бытіемъ моихъ народовъ.“

(О, еслибъ Наполеонѣ въ самомъ дѣлѣ
имѣлѣ сердце, болѣзнующее о бѣдствіяхъ
народныхъ. — *Выгоды его народовъ?*
Онѣ для всѣхъ одиѣ и шѣ же! *Миръ. — Сла-*

за его народовъ? Они имѣютъ ее довольно, и слава отнюдь не приумножается войною несправедливою и своевольною. *Будущее бытіе его, народовъ?* Оно до сихъ поръ оспанется закрыто мракомъ, пока онъ властлюбію своему не положитъ предѣловъ. Никто не вздумаетъ нападать на Французовъ, если они оспанутся въ своихъ границахъ. Вся Европа тогда почтала бы ихъ любви достойнымъ народомъ, когда бы доспало въ нихъ мужества освободить себя отъ ширанства, и когда бы они не дозволяли — пѣняясь, подобно слонамъ, ласковыми словами и внѣшними прикрасами — дѣлать себя всеобщими палачами.)

„Увидѣвъ постигшія насъ несчастія, Англія очемъ обрадовалась, и надежды ея содѣлались безпредѣльными. Она прекраснѣйшія наши обласці предложила въ награду за измѣну. Мирнымъ условіемъ предназначила она раздробленіе сей прекрасной Имперіи.“

(Что называетъ Наполеонъ раздробленіемъ? Развѣ Англія обратило потребовала Брестанъ, или Гвѣенны, или города Кале? — Конечно, если Наполеонъ причисляетъ Олденбургъ, Ганзейскіе города, Голландію и проч. и проч. къ своей прекрасной Имперіи; что истребанія Англіи справедливы.

Ни одна держава не посягнетъ на цѣлость Франціи; но пребыть обратно того, что въ слѣдствіе какой нибудь *великой жьры grande mesure* (*) присоединено ко Франціи, и что безпрестанно угрожало бы спокойствію Европы, до шолъ пока оспавалось бы при Франціи, — пребыть, говорю, обратно того и справедливо и необходимо!)

„Другими словами ешо значить провозглашать вѣчную войну.“

(Къ несчастію, судьба ее провозгласила, властолюбивѣйшаго человека въ Европѣ сдѣлавши могущественнѣйшимъ.)

„Напряженіе моихъ народовъ при сихъ великихъ обстоятельствѣхъ, приверженность ихъ къ цѣлости Имперіи, любовь ихъ мнѣ оказанная, разсѣяли всѣ мечсы и заставили неприятелей нашихъ возвратиться къ умѣреннѣйшимъ видамъ.“

(Не уже ли въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ думаетъ, будто онъ любимъ своими народами? или, будто они берутъ участіе въ такъ называемой цѣлости Имперіи? — Бышь можешь, цѣлость ихъ *отече-*

(*) Такъ Наполеонъ обыкновенно называетъ побудительныя свои причины къ похищенію чужихъ областей. *Изд.*

слава, какъ и справедливо, любезна ихъ сердцу; но будетъ ли на примѣръ Гамбургъ принадлежать къ Французской Имперіи, или нѣтъ — это все равно для Француза, и онъ вовсе не расположенъ дѣлать большаго для того пожертвованія.)

„Несчастіе, происшедшее отъ жестокости зимы, показало все величіе и прочность сей Имперіи, которая основана на усиліяхъ и любви 50 милліоновъ гражданъ и на мѣстныхъ средствахъ прекраснѣйшихъ областей въ свѣтѣ. Съ чувствительнымъ удовольствіемъ видѣли мы, что наши народы Испаліянскаго Королевства, жители прежней Голландіи и вновь присоединенныхъ департаментовъ соревнуютъ старымъ Французамъ, и усматриваютъ, что нѣтъ для нихъ никакой надежды, никакого бытія въ будущемъ, никакого счастья, безъ прочнаго утвержденія и триумфовъ великой Имперіи.“

(Спрахъ называютъ здѣсь соревнованіемъ. *Прочное утвержденіе* великой Имперіи есть выраженіе техническое и значить другими словами: обладаніе Европою. Ибо сколько разъ ни утверждалась великая сія Имперія, однакожь всякой разъ опирывалась, что ей недостаетъ чего-то. Надежда и счастье бытія будущаго только по-

гда воскреснушѣ въ присоединенныхъ департаментѣхъ, когда жилиши ихъ опять возмогушѣ радовашься своимъ *прильжаніемъ*, своею *собственностію* и *дѣльми* своими; другими словами: когда освободяшья ошѣ Французскаго ига.)

„Англійскіе агенты у всѣхъ сосѣдей нашихъ разсѣваюшѣ духъ мяшежа прошиву Государей.“

(Подъ сими словами, вѣроятно, Наполеонъ разумѣетѣ духъ народной, которой повсюду нынѣ споль очевидно обнаруживаешѣ прошиву Французовъ — вопшѣ что называешѣ онъ возмущеніемъ! — между шѣмъ какъ Государи наблюдаюшѣ еще боязливое молчаніе, хопя они давно уже думаюшѣ одинаково съ своими народами. Но къ чему шушѣ мѣшашѣ Англію? Когда сосѣди нѣсколькo сряду лѣшѣ были грабимы, истощаемы, опводимы на убой въ дальнія земли, и въ добавокъ еще оскорбляемы несноснѣйшимъ выскомѣремъ; по право нѣшѣ надобности разсѣваншѣ духъ мяшежа прошиву Французовъ; онъ дѣйствуетѣ самъ собою.)

„Англія вѣсьма бы желала, чѣобы вся твердая земля перзаема была междоусобною войною и всѣми ужасами безначалія; одна-

кожѣ Промыслѣ ея самую предназначилѣ бытъ первою жертвою безначалія и войны междоусобной.“

(Со времени послѣдняго похода, вбро- ваніе въ пророчества Наполеоновы гораздо поуменьшилось.)

„Я подписалъ конкордашъ съ Папою; имѣ прекрашились всѣ споры, къ сожалѣ- нію, возникшія въ Церкви.“

(О конкордашъ послѣ.)

„Французская династія царствуетъ въ Испаніи, и будетъ тамъ царствовать.“

(Можетъ спасться еще нѣсколько вре- мени будетъ она тамъ царствовать, какъ царствуетъ *нынѣ*; но ето ли называешся *царствовать*? Король весьма часно выго- няемый изъ столицы; всѣми проклинае- мый, нигдѣ непризнаваемый кромѣ только на маломъ пространствѣ земли; на кото- ромъ онъ свипаешся, и которое удержи- ваетъ за собою до времени съ помощію чу- жого войска — ето, кажешся, *незначитѣ царствовать*. Нѣтъ, Корсиканская дина- стія царствовать въ Испаніи не будетъ; ибо и здѣсь, какъ въ Россіи, Наполеонѣ очень, очень ошибся въ расчетѣ.)

„Я доволенъ поведеніемъ всѣхъ моихъ союзниковъ. Ни одного изъ нихъ не покину въ бѣдѣ и охраню цѣлосіе ихъ владѣній.“

(Союзники могли бы на него понадѣяться, когдаб онъ не покинулъ своей большой арміи. Опыты показали, что союзническимъ владѣніямъ всегда предшествовала большая опасность отъ самого же высокаго ихъ покровителя, которой часто имѣетъ надобность прибѣгать къ великимъ мѣрамъ. — Россія объявила, что она не ищетъ для себя никакихъ завоеваній.)

„Русскіе возвращаясь въ свой ужасной климатъ.“

(Однакожъ непрежде, какъ сокрушивъ цѣпи Германіи.)

„Я желаю мира; свѣтъ имѣетъ въ немъ нужду.“

(Ахъ, еслибъ первое было столько же справедливо (*) какъ послѣднее!)

„Послѣ разрыва, скоро послѣдовавшаго за подписаніемъ Амьенскаго договора, я чешырежды предлагалъ его шоржесшвенно. Никогда небудетъ мною заключенъ миръ, какъ только развѣ честный, соопвѣстспвующій выгодамъ и величію моей Имперіи.“

(*) Напрошивъ того весьма вѣроятно, что Наполеонъ принужденъ теперь желать мира, лишьбы только избавишься какъ-нибудь отъ большихъ хлопотъ, ему предстоящихъ.

Изд.

(Вошѣ опяць нове неясное положеніе , которое совсѣмѣ не дозволяетѣ надѣяться на скорое заключеніе мира. Развѣ не разумѣется ли шущѣ какое-шо нравственное величіе ?)

„Моя полишика не шаинственна ; я объявилѣ , на какія пожертвованія могу согласиться.“

(Вошѣ одна истина , изѣ числа весьма немногихѣ , находящихся вѣ сей рѣчи. Обладаніе и уничтоженіе всего сопротивляющагося — вѣ ешомѣ сошпоишѣ вся полишика Наполеонова , и она всѣмѣ извѣсна.)

„Доколѣ продолжается сія морская война , до шѣхѣ порѣ мои народы готовы должны бышѣ къ жертвованіямѣ всякаго рода : ибо при худомѣ мирѣ мы потеряли бы все , и самую даже надежду ; мы все подвергнули бы опасности , и самое даже благосостояніе нашихѣ потомковѣ.“

(Ушѣщительныя слова для людей , имѣющихѣ честь бышѣ подданными Наполеона ! Принесли шполь многія жертвы , они опяць шаки *должны бышѣ готовы къ жертвованіямѣ всякаго рода !* и поелику счастье нынѣ живущихѣ поколѣній разрушено , шо они должны , плавая вѣ крови и вѣ слезахѣ , ушѣшаться блатомѣ

попомсхва , — для того что Наполеону угодно безразсудную войну пропивъ Россіи называшъ *морскою войною* , и для того что онъ всякой миръ называешъ *худымъ* , если посредствомъ его непоработаешъ двухъ или трехъ націй.)

„Америка подняла оружіе , чтобы владычеству своего флага приобрѣсти уваженіе. Желанія всего свѣша соупсхвующш ей въ сей борьбѣ знаменишой. Ежели Америка окончишъ войну благополучно, и принудишъ враговъ швердой земли признашъ правиломъ , что флаги защищающъ товары и людей , и что неушральныя земли не должны бышъ подвержены блокадѣ ; по шочной силѣ Ушрехшскаго договора ; ш она сдѣлаешъ услугу всѣмъ народамъ.“

(Попомсство скажешъ , что власполюбіе Наполеоново было единшвеннымъ бичемъ , ошъ котораго спонала Европа.)

„Мой министръ внушреннихъ дѣлъ въ опчешъ о положеніи государствъ покажешъ вамъ счастливейшее сосшояніе земледѣлія ; мануфакшуръ и внушренной нашей шортовли , шакже и посшоянное приращеніе въ числѣ жишелей.“

(Тогда господинъ министръ внушреннихъ дѣлъ покажешъ масперское произведеніе своего шаланша !)

„Ни въ какомъ еще сполбшїи землешество и мануфакшуры не доспигали до споль высокой спепени совершенства во Франціи.“

(И послѣ сего еще спанупшъ увбряшъ, будшо небываешъ чудесъ въ наше время? Въ землѣ, изъ копорой раза два въ годѣ по спу шысячъ юношей высылаюшъ по пуши славы на убой, землешество и мануфакшуры находяшся въ лучшемъ цвбпушемъ соспоянїи, нежели прежде !)

„Мнѣ нужны великія пособїя, доспающныя для всѣхъ издержекъ, какнхъ шребуюшъ настоящїя обспояшельства; но изъ всѣхъ мѣрѣ, копорыя вамъ предложшъ мой министръ финансовъ, ни одною не возлагаюшся новыя подаши на мои народы.“

(Они уже и безъ шого обременены довольно; а поелику Его Величештво объявилъ уже, чшобы народы его были гошовыкѣ пожершвованїямъ всякаго рода, по можешъ бышъ и безъ налоговъ дѣло необойдешся. Когда наконецъ испощишся шеркѣнїе Французовъ ?)

По окончанїи рѣчи Наполеонъ со всею швишою опсправился во дворецъ Тюльерїи-

свой при пушечныхъ выстрѣлахъ, копорыми сопровождаемо было и шествіе его въ Законодательное собраніе.

(Изъ Кенигсб. Вѣд.)

Объявленіе отъ Короля Саксонскаго.

Въ Дрезденскихъ вѣдомостяхъ 25 Февраля (нов. ст.) помѣщенъ слѣдующій манифестъ Его Величества Короля Саксонскаго,

„Мы Фридрихъ Августъ и проч. Принимая во вниманіе происшествій, видимъ себя принужденными оставить нашу столицу и отправиться въ другую часть нашихъ владѣній, гдѣ намѣрены мы пребыть столько времени, сколько потребуютъ и дозволятъ обстоятельства. Единственно политической системѣ, которую мы приняли за шесть лѣтъ передъ симъ, государство наше обязано своимъ сохраненіемъ во все время сіе при угрожающихъ опасностяхъ.“

(Въ теченіе упомянутыхъ шести лѣтъ Саксоніи неугрожала никакая опасность, кромѣ той, которую она могла навлечь на себя политической своею системою. Бывъ прикованною ко шпрону Наполеонову — вошъ

что Саксонія называетъ своимъ сохраненіемъ! По такому же праву заключенный въ пемницѣ можетъ радоваться, что онъ не подверженъ опасностямъ, копорыя могли бы вспрѣпиться ему на свободѣ. Но развѣ нація должна довольствоваться бѣднымъ кускомъ хлѣба? развѣ ничего незначитѣльнѣе чести народная?)

„Пребывая вѣрными обязанностямъ союза, мы и нынѣ швердо уповаемъ на счастливыя послѣдствія — хотя бы желанія наши о возстановленіи мира оставались до нѣкошораго времени шщепными — на послѣдствія общаемыя сильнымъ подкрѣпленіемъ великаго нашего союзника, дѣяшельною помощію государствъ соединенныхъ и опытами доказанною храброспїю нашихъ воиновъ, прославившихъ себя на брани за ошечество.“

(Но Саксонія въ 1806 году шакже имѣла обязанности союза ошносительно къ Пруссїи. Почему же тогда не усомнилась она ихъ нарушити? Не пошому ли развѣ, что непришель всшупилъ въ предѣлы государства? И шеперь шо же происходишь.)

„Любезные наши подданные вѣрностпю своею, шерпѣніемъ и спокойствіемъ будущѣ содѣйствовашъ намъ къ достиженію шполь

желаемой нами цѣли, къ возможнѣйшему отвращенію и облегченію военныхъ бѣдствій и къ скорому соединенію насъ съ ними.“

(*Вѣрность?* Король Нѣмецкій, оставляя Нѣмецкой народъ свой, совѣпуетъ ему быть рабами Французовъ и презбуетъ вѣрности! — *Терпѣніе?* Какой награды могутъ ожидать себѣ Саксонцы, когда все пойдетъ по желанію Его Величества? Того же стѣсненія ихъ торговли, того же разоренія ихъ фабрикъ, того же принужденія въ мысляхъ, того же безчувствія къ народной чести. — *Спокойствія?* О, да будетъ посрамленъ всякой изъ Нѣмцовъ, кто *нынѣ* оспанешся спокойнымъ! Развѣ нынѣшняя война походитъ на пысачу другихъ обыкновенныхъ браней, въ копоры одинъ государь ополчается противъ другаго для завоеванія какой нибудь провинціи, и въ ихъ окончаніе не радуется и не устрашаетъ подданныхъ? Нѣтъ! ешо война *народная*! Тутъ дѣло идетъ не о *земляхъ*, но о *свободѣ*, о сверженіи ига рабскаго! И Саксонцы должны оспаваться *спокойными*? Чшо имъ пользы въ соединеніи паки съ Государемъ, копорой беретъ спорону чуждаго шираца, и шолько подъ его повелѣніями хочешъ обладать своимъ народомъ?)

„Въ продолженіе чешыредесяти-пяти-
дѣшного правленія нашего, при перемѣнѣ
различныхъ происшествій, мы успрямляли
всѣ усилія свои единственно ко благосо-
стоянію государства и ко счастію нашихъ
подданныхъ, и за всѣ попеченія наши на-
ходили вождѣннѣйшее для себя возмездіе
въ постоянной довѣренности и въ ненару-
шимой преданности нашего народа. Мы
увѣрены, что и нынѣ узримъ новые
опыты того расположенія, которое славно
оказывалось въ годину искушеній; и по-
тому надѣемся мы, съ Божіею помощію,
скоро возвратиться къ нашимъ поддан-
нымъ, и по лучшему нашему разумнію
назидать прочное ихъ благо.“

(Не можешь быть прочнаго блага безъ
народной независимости.)

„Всѣ мѣста правительствующія оспа-
нулись во время опсупствія нашего при
своёмъ дѣйствіи, законами опредѣленнымъ.
Попеченіе о благѣ государства во всѣхъ
случаяхъ и отношеніяхъ, отъ военныхъ
обстоятельствъ произошедшихъ, имѣющихъ,
возложили мы на особо учрежденную Ком-
миссію, къ которой всѣ начальства и под-
данные нашего Королевства должны отно-
ситься въ упомянутыхъ обстоятельствахъ,
и коея повелѣніямъ они должны слѣдовать.“

„Еще убѣждаемъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ поддерживать древнюю славу Саксонскаго народа шихимъ и порядочнымъ поведеніемъ, соотвѣтствующимъ швердому расположенію нашему и намѣреніямъ, ко благу опечесшва клонящимся.

(Въ епомъ ли состоишь *древняя слава народа Саксонскаго*? Ешо ли голосъ Вишшикинда, передъ которымъ часто препещалъ Карлъ, названный Великимъ? Такъ ли говорилъ предводитиель народа, придицашь лѣтъ сражающагося за свою свободу? — Вишшикиндъ палъ напоследокъ, но палъ покрышый славою. Чшо скажешь попомство, когда побѣжденъ будешь Фридрихъ Августъ? И уже ли Король забылъ, чшо Курфиршество Саксонское собственено принадлежитъ Ернеспинской линіи, и чшо можешь быть самъ онъ приближилъ шу минушу, въ которую Герцогъ Веймарскій, старшій въ оной линіи, обратню попребуешь правъ своихъ, силою ошъ него оппорженныхъ?)

„Дано за собственоручнымъ подписаніемъ нашимъ и съ приложеніемъ Королевской нашей печати въ Дрезденъ 23 Февраля 1813.

Фридрихъ Августъ.“
(Изъ Кенигсб. Вѣд.)

Отъ Германскихъ Патриотовъ.

Объявленіе.

Мы нижеподписавшіеся офицеры, изъ войскъ Королевс. Баварскаго, Саксонскаго, Веспфальскаго и Велико-Княжескаго Франкфуртскаго въ Германской легіонѣ перешедшіе, какъ честные люди обязанными себя почищаемъ съ досподолжнымъ благоговѣніемъ, любовію и довѣренностію всенародно предспавить Государямъ нашимъ и опечеспву шѣ причины, копорыя побудили насъ въ сему пошупку.

Мы Германцы. Уже въ одномъ епомѣ словъ все заключаешя. Нѣсколькo лѣтъ сряду мы воздыхали обѣ опечеспвѣ нашемъ, не въ силахъ будучи спаси его. Наконецъ наступило время, въ которое Германія возносишѣ согбенную выю, и въ которое просіялѣ свѣшлый лучъ надежды болѣе нежели когда-нибудь. Побѣдоносныя Россійскія войска спремительно преслѣдуютъ непріятели; Прусскій орелъ бьетъ мощными своими крылами; полпы охошниковъ спвшашѣ подѣ знамена Прусскія; вездѣ, и шамъ даже гдѣ еще гнѣздишя непріятели, вездѣ воспламеняешя духъ опщественный и спремешя возврашшѣ себѣ поперянную чеспь и свободу Германіи. Опцы добровольно предспавляютъ сыновъ сво-

ихъ; жены спдають драгоцѣнныя свои уборы — а мы, мушны и Германцы, мы должны бытъ равнодушными зрителями? Мы должны ссавашся въ службѣ чужеспранца, и помогашь ему снова гошовить цѣли для нашего опечесства? Нѣтъ, нѣтъ! Кто *нынѣ* сражается *противъ* своихъ брашій, шотъ въ глазахъ нашихъ есть предашель опечесства! Кто не желаетъ *за нихъ* сражаться, шотъ нарушаетъ священнѣйшій долгъ свой! ибо мы прежде были гражданами Германіи, нежели воинами. Никогда не хотѣли мы возлагать на себя обязанности проливать кровь брашій нашихъ на землѣ опечесственной и ушучнять ею чуждыхъ прищельцевъ; и благородные Государи наши шого никогда не хотѣли; они должны были ушупишь насильству; ихъ принудили шерзашь собшвенную свою ушробу. И шакъ мы увѣрены, что и достопочщенные наши Государи сами одобрятъ нашъ поступокъ, хопя языкъ ихъ нынѣ еще не дерзаетъ произнести шего одобренія; мы увѣрены, что предупреждаемъ тайныя ихъ желанія, подвемля оружіе за ихъ собшвенную независимость; и если бы между ними нашелся хопя одинъ, кошорой думалъ бы иначе, шо назоветъ ли шакого попощество *Германскимъ* Государемъ?

Мы живемъ во времени, совершенно отличномъ отъ прежняго; мы живемъ во времени всеобщаго бѣдствія, не признающемъ другаго закона, кромѣ повелѣвающаго крѣпко соединиться въ поданію скорой помощи. Въ епомѣ, и въ епомѣ единственно, нынѣ всѣ законы заключаются. Каждый истинный Германецъ пусть вникнетъ самъ въ себя и спроситъ, не уже ли епо несправедливо?

Не личная какія-либо нужда привела насъ ко знаменамъ Германскаго легіона; нами единственно управляетъ чувство чести и любовь къ отечеству. Мы не желаемъ сражаться за одно съ Французами *проливу Нѣмцовъ*; мы хотимъ сражаться за одно съ Нѣмцами и *за Нѣмцовъ*. Хотябы и нашлись въ Германіи Государи, воины, или граждане, которые были бы въ соспоянїи признашь несправедливыми побуждающія насъ причины; но мы спокойно будемъ исполнять священнѣйшій долгъ свой, представимъ дѣло наше на судъ потомства, и отъ него будемъ ожидать себѣ вѣнца славы, принадлежащаго *вѣрнымъ* сынамъ отечества. Потомство не спроситъ: въ чьей службѣ мы были? оно спроситъ: за какое дѣло мы сражались? за *Германію* ли, за *родъ человеческій*? или за *Францію*, за

лиранство? — Въ Кенигсбергѣ 12 Марта 1813.

(Изъ Кенигсб. Вѣд.)

Мысли о нарушеніи пракпатовъ.

Писано было изъ Берлина, будпо бы шамъ нѣскольпо времени опасались, что Пруссія и Австрія, побуждаемыя слишкомъ строгою правосюю, почишающъ важными обязанностями союза со Франціею, въ прошломъ году заключеннаго, и сомнѣвающа ихъ нарушишь. Можно ли пому спашься? Развѣ онѣ *добровольно* заключили свои договоры? Развѣ сїи договоры сочинены не съ намѣреніемъ приобщить ихъ къ Рейнскому Союзу, хопя подъ инымъ названіемъ? Смѣли ль онѣ уклониться отъ предлагаемаго союза, не подвергая себя спрашному гнѣву и кровожадной мести Наполеона? — Но положимъ на часъ, будпо бы онѣ заключили пракпаты добровольно; развѣ теперь не должны онѣ поспѣшно уничтожить оныя, слѣдуя словамъ Фридриха впораго? „Благосостояніе Государства есть законъ владѣтелей, законъ непремѣнный. „Ежели Государь обязанъ не щадить себя, спвенной своей особы для блага подданныхъ; то еще болѣе обязанъ онѣ жертво-

„вашь связями, коихъ продолженіе было бы для нихъ вреднымъ. Есць случаи, когда нужда, или увѣренность, или благо-разуміе, или благососпояніе земли заспа-вляющъ государей нарушашъ договоры.“ — Здѣсь незабвенный Король приводишъ нѣкоторыя примѣры, и доспойно примѣчанія, что всѣ они приличны шеперешнему положенію Пруссіи. „Если бы Францискъ I исполнилъ договоръ Мадридскій; по успу-пивши Герцогство Бургундское, самъ вну-при владѣній своихъ поселилъ бы себѣ неприяшеля.“ Если бы Фридрихъ Вильгельмъ неуничпожилъ послѣдняго шракша-ша, по никогда бы не освободился онъ не-прияшеля внутри своего Королевства, а именно въ Киспринѣ, Шпешшинѣ, Шпан-дау, Глогау и проч. „Если бы пропешаш-скіе союзники въ Германіи, послѣ одер-жанной Карломъ V побѣды при Мильбер-гѣ, неподкрѣпили себя Францією; по не-избѣжно долженствовали бы носить цѣпи, кошорыя издавна готовилъ для нихъ Им-перашоръ.“ Если Нѣмецкіе государи, послѣ побѣдъ, Россіянами одержанныхъ, не подкрѣпашъ себя Россією; по непременно должны будущъ носить цѣпи, издавна при-готовленные для нихъ Имперашоромъ Фран-цузовъ. „Еслибъ Англія не нарушила споль-вреднаго выгодамъ своимъ договора, по кошо-рому Карлъ II соединился съ Лудовикомъ

„XIV, то она конечно упростила бы свое
„могущество: пошому что въ равно-
„вѣсїи государствъ Европейскихъ Франція
„была бы гораздо сильнѣ Англіи.“ Въмѣсто
Англіи назовемъ Пруссїю, вмѣсто Карла —
Фридриха Вильгельма, вмѣсто Людовика —
Наполеона, и все почто будешъ сошлѣшъ
споводать насъ по настоящему времени. Даже и
объ Англіи сказать можно то же, если
вмѣсто упомянутаго союза поставимъ миръ
Амьенскій.

„Мудрецъ“ продолжаетъ Фридрихъ II;
„предусматривающій въ причинахъ слѣд-
„ствїя, долженъ въ надлежащее время про-
„шлвустать тѣмъ причинамъ, если онъ
„несовмѣстны съ его благомъ.“ Такъ по-
длино! Здѣсь ненужно даже быть мудре-
цомъ, чтобы предусмотрѣть слѣдствїя;
которыя должны сплводили произойти отъ
чрезвычайнаго могущества Наполеона и
безпредѣльнаго властолюбія; онъ несо-
вмѣстны со благомъ Пруссїи, слѣдственно *въ*
лору надобно прошлвустать имъ. Фрид-
рихъ II вычисляетъ случаи, когда можно
уничтожать союзы: 1 Когда союзникъ не-
исполнилъ своихъ обязанностей. (Наполеонъ
поручился за ненарушимость Пруссїи; и не-
смотря на то, Пруссїя занята чужими вой-
сками; слѣдственно онъ не исполнилъ своей
обязанности. Хотя въ высокопарной рѣчи

своей, съ прона произнесенной, и общаетъ онъ не оставишь въ бѣдѣ своихъ союзниковъ; однакожъ онъ уже оставилъ ихъ.) 2. Когда союзникъ хочеть обмануть насъ, и намъ нѣшь средства предвратишь его умыселъ. (Что Наполеонъ всегда и всѣхъ союзниковъ своихъ обманываетъ, по къ несчастію подтверждено многократными опытами. Онъ выжимаетъ лимоны, и попомъ не только бросаетъ ихъ, но даже топчетъ ногами. Пруссія давно уже предназначена въ удѣлъ другому государю Наполеоновоу фабрики, и еслибъ Россія побѣждена была съ помощію Пруссіи, то добрый Король долженъ былъ бы почестъ для себя величайшею милостію дозволеніе присоединишь къ Рейнскому Союзу.) 3. Когда сильнѣйшая держава припѣсняетъ насъ и заставляеть союзъ распоргнушь. (И сей случай наступилъ бы скоро, еслибъ Пруссія, для блага Государства, въ пору не приняла мѣръ надлежащихъ и справедливейшихъ; ибо противу такого ненасышнаго завоевателя всѣ мѣры суть справедливы. Оставалось выбирать одно, или дружбу АЛЕКСАНДРА, или деспотическія прихоти Наполеона. Къ тому еще раздался громко голосъ народа; а добрые Государи всегда ему внимають. Пусть Наполеонъ утверждаетъ по своему обыкнове-

нїю, будѣно народѣ подущенѣ Англичанами; но онѣ самѣ неоднократно удосповѣрялся, что народовѣ подущашѣ не можно, когда они не оскорблены, или нечувствуюшѣ угнѣпенїя. Чего онѣ не дѣлалѣ, чтобы возмушитѣ Венгрію прошивѣ Австрійскаго дома? На что не покушался онѣ, чтобы въ Россїянахѣ возбудитѣ неповиновенїе опеческой власпи ихѣ Государя? Но ему не удалось, потому что Францѣ и АЛЕКСАНДРѣ любимы своими народами. Если бы Нѣмцамѣ случилось побывашѣ во Франціи, равно какѣ онѣ въ Австріи и въ Россїи; по подобный опышѣ конечно былѣ бы удачнѣе; ибо *Наполеона не любятѣ*. Однимѣ словомѣ: Наполеонѣ распроспранилѣ всеобщую *нужду* въ Европѣ; слѣдственнѣ ей должно прошивупоспавитѣ и всеобщую оборону, *нуждою* внушаемую; а всякому извѣстно, что такая оборона не подлежитѣ никакимѣ законамѣ. Все по *законно* и справедливо, что предпринимлетѣ прошиву распроспранителя всеобщей *нужды*.

(Изъ Кенигсб. Вѣд.)

IV. С М Ъ С Ъ.

Сельское заведеніе въ Гофвилѣ.

Сіе заведеніе возбудило великое любопытство въ Европѣ. Многіе путешественники посѣщали его; многіе писали о немъ. Гофвилъ былъ предметомъ осмотра, наряженнаго Гелвепическимъ сеймомъ, и полнаго донесенія комиссаровъ, достойныхъ довѣренности. Казалось, что сему донесенію надлежало опредѣлить общее мнѣніе. Однакожь споры о выгодахъ заведенія и намѣреніяхъ Фелленберга продолжаются донынѣ. Я видѣлъ сіе заведеніе, и буду говорить о воспитаніи, какъ о такой части, которая занимательна для каждаго.

Цѣль г. Фелленберга въ отношеніи къ его воспитанникамъ есть та, чтобы сдѣлать ихъ людьми счастливыми; въ отношеніи къ обществу, та, чтобы сдѣлать гражданами полезными. Способы его для достиженія сей цѣли состоятъ въ полномъ раскрытіи ихъ способностей, и въ основательномъ воспитаніи по правиламъ нравственности и религіи. Для богатыхъ есть обширнѣйшій кругъ способовъ, отношеній и обязанностей: для ихъ просвѣщенія, пре-

буешся проспраннѣйшее разнообразіе предметовъ. Бѣдные должны приобрести, въ печеніе ихъ воспитанія, способы вѣрнаго пропитанія, и просвѣщеніе ихъ должно ограничиваться тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ симъ заботамъ ихъ состоянія. Оба инспишупа учрежденные въ Гофвилѣ управляются по симъ правиламъ.

Семнадцать дѣтей отъ 8 до 13 лѣтъ занимаютъ корпусъ, близкій къ главному дому. Женщина смотритъ за чистотою, за домашнимъ порядкомъ и за всѣми подробностями, принадлежащими ей полу. Профессоръ двадцати семи лѣтъ живетъ съ воспитанниками, не опходитъ отъ нихъ ни день ни ночь, и даже участвуетъ въ ихъ играхъ, какъ бы сверстникъ и товарищъ. Два другіе Профессора, учитель рисовальный, и учитель музыкальной, занимаютъ мѣсто въ семъ первоначальномъ инспишупѣ, гдѣ преподается все относящееся къ воспитанію подному. Что на опытѣ оказалось полезнымъ въ новыхъ и просвѣднѣйшихъ методахъ науки, то принято. Тамъ введено правило славнаго Профессора Гербара учить дѣтей первоначально языку Греческому, чтобы перейти потомъ къ Латинскому; и успѣхи учениковъ, удовольствованіе, съ копорымъ они читаютъ Гомера, оправдываютъ методу;

Песталоцѣева приняша для введенія въ ма-
шемапику.

Теорія музыки входитъ въ просвѣще-
нїе, и всѣ ученики съ нѣкопорыми спо-
собностями учаща играють на выбран-
номъ ими инструментахъ. Натуральная ис-
торія и начала Бошаники занимають
ихъ въ часы свободные отъ другихъ важ-
нѣйшихъ наукъ; столярное ремесло и са-
довое искусство служають имъ отдохновені-
емъ; разнообразная гимнастика, всѣ тѣ-
лесныя упражненія, не исключая искусства
спрѣлять изъ ружья и лука, обращены
въ развитію силъ и проворства. Обра-
зованіе вѣрность глаза и вниманіе есть
важный предметъ, надъ которымъ прудящ-
ся во всѣхъ играхъ и рѣзвостяхъ.

Дѣти обѣдають у г. Фелленберга; а
ужинають въ своемъ домѣ въ его прису-
ствіи. Два сына его въ числѣ воспитан-
никовъ.

Его главныя спаранія и постоянныя
усилія клоняща къ нравственной части
воспитанія; онъ заботища болѣе всего о
цѣлости или невредимости характера, и
общая къ нему довѣренность всѣхъ дѣшей
есть примѣчательнѣйшая черта его ин-
стипуша. Чшобы судить о благоразумномъ
выборѣ насавниковъ, ему содѣйствующимъ,

надобно видѣть совершенное единство въ обращеніи наставниковъ съ дѣтьми, и дѣшею съ наставниками.

Въ семъ инстипутѣ нѣтъ обыкновенныхъ побужденій и усмирений. Нѣтъ у нихъ ни перваго, ни послѣдняго, ни медалей, ни призовъ, ни наказаній уничижительныхъ. Въ субботу, передъ вечеромъ, Профессоръ неразлучный съ ними производитъ въ присутствіи воспитанниковъ главное испытаніе, котораго дѣйствіе замѣняетъ обыкновенные способы страха и соревнованія. Самъ Фелленбергъ бываетъ при семъ испытаніи. Во время засѣданія припоминаютъ всѣ похвальные или предосудительныя дѣла каждаго въ теченіе недѣли; швердый и крошкѣй шонъ Профессора, опеческая любовь, съ которою исправляютъ и увѣщаваютъ воспитанни въ, имѣютъ на нихъ великое вліяніе. Лишніе часы для шрудовъ, опнытые опъ часовъ ихъ забавы, ешь наказаніе единственное для поддержанія духа шрудомюбія и дѣшельности. Всѣ мѣлкія но характерныя черпы, достойныя похвалы или осужденія, не пропускаются въ семъ испытаніи. Дѣши оправдываются свободно. Ихъ выслушиваютъ съ шерпнїемъ, и выговариваютъ имъ съ крошкѣю. Они повинуются не силѣ и не власпи, но довѣренности, люб-

ви, испинѣ и мнѣнію ихъ товарищей, всегда справедливому; ибо сіе мнѣніе основывается на руководствѣ здравыхъ правилъ.

Непремѣнное правило въ расположеніи времени, во всѣхъ подробностяхъ жизни, дѣлаетъ бесполезными способы, употребляемые въ другихъ мѣстахъ для укрощенія или для принужденія дѣшей. Дѣши чувствуютъ себя свободными, ибо подчиняются только необходимости, и никогда не подвергаются произвольнымъ пребываніямъ. Безъ всякаго спѣшенія они видятъ на опытѣ хороша дѣйствія порядка, и приобретаютъ навыкъ и любовь къ сему порядку; они опроверженны, веселы и счастливы, ибо видятъ себя любезными. Когда имъ случается сдѣлать просупокъ, свойственный ихъ лѣшамъ, они объявляютъ первые вину свою; ибо свободное признаніе, всегда принятое съ ласкою и снисхожденіемъ, освобождаетъ ребенка отъ муки бытъ непокойнымъ въ совѣсти и невеселымъ съ товарищами.

Сіе дѣшское общество неимѣетъ другаго духа, кромѣ духа общей пользы. Воспитанники соединяются для исправленія порока или слабости, для заглаженія вины каждаго: для извиненія или оправданія другаго — никогда. Такая совѣсть во всѣхъ дѣ-

пяхъ естъ плодъ вѣры, копорую вкореняющъ въ нихъ примѣромъ, размышленіемъ и молишвою; и шакое единодушное расположеніе содѣйствовать наставникамъ въ шрудахъ воспитанія, а не составляшь между собою заговоры, происходивъ отъ убѣжденія, что ихъ онецъ и воспитатель, и его сопрудники имѣющъ только въ виду ихъ благо и счастье.

Осперегаясь вредить сему духу воспитанниковъ, облегчающему ходъ воспитанія, и допускашь въ ихъ сердца порочныя склонности, г. Фелленбергъ, принимаетъ въ инспишувъ новаго воспитанника тогда только, какъ предшествовавшій ему ребенокъ приобрѣлъ уже навыкъ добра и не подаетъ другимъ примѣра зла.

Нѣтъ, можетъ быть, другаго воспитательнаго инспишупа, гдѣ умѣли бы шакъ соединяшь шрудъ съ забавою, свободу съ цовиновеніемъ, и гдѣ воспитанники имѣли бы столько случаевъ навыкать въ свѣтскомъ обращеніи, въ поступкахъ вѣжливыхъ и благоприсшойныхъ. Домъ г. Фелленберга естъ образецъ лучшаго обращенія. Воспитанники выѣзжаютъ иногда къ родственникамъ, или приятелямъ въ Бернъ, къ людямъ знающимъ свѣтъ и обращеніе. Спеченіе иностранцевъ велико; изъ всѣхъ

земель прибѣгаютъ въ Гофвилъ, и можно сказать, что молодые люди живущіе въ семъ мѣстѣ путешествуютъ по свѣту, не перемѣняя мѣста. Наконецъ Профессоры и нѣкошорые учители, привѣтливые и обходительные, составляютъ приятное общество не только для тамошнихъ жителей, но и для любопытныхъ посѣщителей.

Теперь буду говорить о школѣ бѣдныхъ, состоящей подъ руководствомъ рѣдкаго человека, г. Верли, избраннаго и научнаго Фелленбергомъ.

Съ начала г. Фелленбергъ имѣлъ намереніе принимать дѣшей изъ семействъ бѣдныхъ и честныхъ, въ окрестныхъ мѣстахъ; но родители, не имѣя справедливаго понятія о выгодахъ такого воспитанія, не спѣшили и не вызывались имъ пользоваться. И такъ рѣшено было принимать воспитанниковъ безъ разбора, и какъ случится. Осмилѣтній мальчикъ, сынъ Луцернскаго крестьянина, крайне обдѣявшаго; молодой Солернскій бѣглець, въ Алзасѣ схваченный жандармами, и опосланный въ Гофвилъ человекомъ, знающимъ благошворительный духъ г. Фелленберга; наконецъ прешій, Бернскій уроженецъ, найденный лѣсникомъ: были первые приняты въ инстипушъ бѣдныхъ.

Теперь всѣхъ дѣшей бѣдныхъ 14 : ихъ будетъ не болѣе 30. Изъ Бернскаго кантона опдано 6. Всѣ вспутили въ крайней бѣдности ; многіе съ порочными склонностями, зараждающимися отъ праздности ; нѣкоторые съ мяшежнымъ духомъ, который могъ бы и при спрогомъ управленіи привести въ великое затрудненіе, но который былъ усмиренъ кротостію, ласкою и порядкомъ.

Сколько было возможно, принимали дѣшей не иначе, какъ одного послѣ другаго : шайное побужденіе начальника было то же, о которомъ я говорилъ выше. Когда бѣдный вспукаетъ въ школу, мѣстный докторъ осматриваетъ его прилѣжно, и ежедневно замѣчаетъ дѣйствіе пищи и образа жизни, ему вновь предписаннаго. Онъ записываетъ все, что касается до физическаго состоянія дѣшей здоровыхъ и больныхъ ; и вѣроятно, что послѣ доспапочныхъ опытовъ можно будетъ изъ оныхъ извлечь правила и вывести слѣдствія для лучшей дѣшны въ богодѣльныхъ и въ другихъ подобныхъ школахъ.

Верли ведетъ журналъ, и вноситъ въ него все что касается до каждаго воспитанника отъ начала его вспуленія : его природныя способности, его характеръ,

его успѣхи въ нравоученіи и вѣрѣ, его прилѣжность къ прудамъ, все что можешъ способствовать его будущему счастью имѣешъ мѣсто въ семъ журналѣ.

Попеченіе о веселости духа въ воспитанникахъ; о поддержаніи въ нихъ душевнаго спокойствія, живости и дѣятельности, почиается очень важнымъ. Ихъ ласкающъ и утѣшающъ; все склоняешъ ихъ къ довѣренности. Верли говоришъ съ ними всегда весело, съ ними шудисся, читаешъ, разговариваешъ, поешъ; иногда занимаешъ ихъ повѣстями, и не бываешъ часа розно съ ними.

Трудъ и порядокъ, кропость и обращеніе ровное, поспойнное, благоразумное, побѣждающъ всѣ препятствія нравственныя, всѣ навыки порочныя. Сїи нищїе дѣти, бродяги сведенные изъ разныхъ мѣстъ, но приняшыя дружелюбно, руководимые съ ласкою, обучаемые обязанностямъ чловѣка, гражданина и хрїстіанина, заняшыя непрерывными прудами, и въ самыхъ играхъ просвѣщаемые наставниками, не шерпѣли никогда наказанія, и доводимы были до исправленія безъ строгихъ способъ.

Для обезпеченія ихъ судьбы и способъ пропитанія г. Фелленбергъ зани-

маешъ ихъ сельскими работами. Пока погода позволяешъ, они работаютъ въ полѣ по ихъ силамъ и возрасту; въ ненастные дни и въ дурное время года плешутъ изъ соломы разныя издѣлія, вязутъ чулки, бьютъ шерсть, шелушатъ овощные плоды, очищаютъ корни для скопа, и прочее нужное для домоводства и сельскаго хозяйства.

Въ такомъ планѣ все обращается къ пользѣ воспитанія. Самыя ручныя работы усовершенствуютъ нравственное образованіе чловѣка, когда душеводящій и просвѣщенный разумъ располагаетъ ими, и малѣйшія упражненія дня приводятъ къ цѣли полезной и благородной. Такъ наставникъ поселяетъ въ нихъ любовь къ порядку и точности, подавая имъ примѣръ собою, пребуя опъ нихъ исполненія долга, вкореня въ нихъ навыкъ порядка, и во всѣхъ случаяхъ доказывая пользу его. Такъ воспитатель образуетъ и приводитъ въ дѣйствіе ихъ вниманіе, приучая ихъ обращать его на шопъ предметъ, которымъ занимающся. Такъ пребуется опъ нихъ, чшобы они употребляли всю дѣятельность и всѣ способы на прилѣжное опсравленіе порученныхъ имъ работъ. Такъ, наконецъ, они приучающся ничего не упускать изъ виду для пользы дѣла, не шерпяшь ослабленія поряд-

жа, прибирають каждую вещь къ мѣспу. Опъ того они приобрѣшаютъ любовь къ точности, къ чистотѣ, къ совершенству — добродѣтель рѣдкую, но очень полезную для сельскихъ работниковъ.

Опытъ доказалъ, что не вредя правилу въ нихъ вперенному бытъ чрезвычайно внимательными къ предмету ихъ трудовъ и занятій, можно направлять ихъ въ другихъ частяхъ. Обрабатывая землю, выпалывая дурныя травы, они считаютъ по методу Песшалоція, и такъ выучиваются ссчету легко и скоро. Дома за сидячею работою Верли читаютъ имъ мѣста изъ дѣтскихъ нравоучительныхъ книгъ, или рассуждаютъ съ ними о предметахъ ихъ ученія, или заставляютъ ихъ пѣть духовныя и народныя пѣсни.

Говоря объ институти богачихъ, я замѣтилъ, что *музыка входила въ просвѣщеніе*. Г. Фелленбергъ почитаетъ ее способомъ воспитанія, вспомогательнымъ средствомъ для смягченія нравовъ и срастей зловерныхъ, для приведенія въ согласіе склонностей съ мыслями, для подкрѣпленія любви къ порядку и къ изящности, для оживленія народнаго патристическаго духа, и для склоненія человека къ небесной утѣшительной вѣрѣ. И такъ всѣ

пиломцы учаща шеорїи музыки и пѣнїя. Сими двумя искусствами, и сверхъ того чпенїемъ, чиспописанїемъ, счисленїемъ и рисованьемъ дѣши занимающа въ воскресенье.

Каждое утро передъ ученїемъ, каждый вечеръ послѣ ученїя, Верли разсуждаетъ съ дѣшми, и самъ Фелленбергъ присушвуетъ при сихъ разсужденїяхъ. Расположенїе прудовъ дня, увѣщанїя, совѣты и наставленїя слѣдующъ за утреннею молишвою. Въ вечеру замѣчаютъ нѣкопорые ихъ проступки, или хорошія дѣла: хвалятъ послѣднїя, и выговариваютъ за первые съ крошоспїю. Вечерняя молишва заключаетъ и освящаетъ спасительный отчетъ совѣсти.

Хотя положительное просвѣщенїе, какъ я замѣшилъ, имѣетъ въ виду способы прописанїя для сихъ дѣшей, ихъ успѣхи въ ученїи довольно значительны по краткости времени. Почти всѣ умѣютъ хорошо читать и писать, немного рисовать, опредѣлять углы, вычислять головою и цифрами, пѣть просше голоса по нотѣ, и бить тактъ. Они знаютъ имена, признаки и свойства всѣхъ растѣнїй, разведенныхъ въ Гофвилѣ, и дурныхъ нравъ въ поляхъ распущихъ; знаютъ также свой-

ства нѣкопрыхъ камней въ окрестности. Они выпвердили наизусть около 50 духовныхъ и народныхъ пѣсней, многія черны изъ Священнаго писанія, изъ испоріи опечеспвенной. Нѣкопрые навикающъ пересказывашь, что чипали, или слышали, другимъ своимъ шоварищамъ.

Гимнастика входитъ также въ ихъ воспитаніе. Бѣгъ, скачки, плаваніе, равновѣсіе занимающъ ихъ между шудами. Они учатся взбираться на деревья съ легкостію, дѣлашъ военныя екзерциціи, и мѣрнымъ шагомъ ходишъ подъ напѣвъ народныхъ голосовъ. Ничто не можетъ сравнишъся съ ихъ веселостію во время игры. Нароботавшись въ полъ дѣлмый день, они оказывающъ еще силу и проворство на равнинѣ, гдѣ собирающъ каждый вечеръ; и въ шумной рѣзвостіи, на своей волѣ, и въ совершенной свободѣ, когда они говоряшъ языкомъ свойспвеннымъ ихъ возрасту, сїи самыя дѣши, копорыя при вступленіи въ инспитутъ не могли сказашъ одного слова безъ площадной брани, не произносяшъ ни слова, ни рѣчи предосудительной: такъ примѣръ и навывъ измѣняющъ нравъ чловѣка.

Другое обстоятельство приятное для наблюдателя есть духъ согласія между вос-

воспитанниками. Они любят друг друга, и друг другу помогают; ищут у них споры; сильнейшие научают и покровительствуют слабым и младшим; старшие, способные на свое дело, участвуют в трудах наставляя новых пришельцев и вперяя в них скорбь духа и навык общих правил. Что говорил я о другом инстинкте, наблюдаешь и в сем последнем: провинившийся воспитанник не найдет опоры между товарищами: он уединяется от всех и все удаляясь от него, когда вина совершена в преступлении должностей, и одно скорое объявление вины своей добродетели Верли примиряет его с товарищами и с собою. За то виновный спешит всегда признаться, будучи уверенным, что после искреннего раскаяния наставники и сверстники воспримут его с распростертыми объятиями, и не оставят без совершений дружеских и полезных для его счастья.

Приятно, крайне приятно видеть зрелище сего маленького семейства, совсем перерожденного, спасенного от злополучнейшего и может быть поносного жребия в обществе гражданском, и верною спешью направленного к цели добра и счастья. Способы так просны и действительны так важны, что одни в сравнении с другими изумляют разум.

Не должно думать, чтобы дѣши, испорченные навыками порочными и примѣрами дурными, могли такъ скоро переродиться безъ влѣянїя любви и ласки. Ласка и любовь есть характеристическая черта сего воспитательнаго заведенїя. Надобно видѣть Фелленберга среди своихъ воспитанниковъ. Однажды вмѣстѣ съ нимъ мы зашли ихъ по упру за работою. Всѣ дѣши обратили на него глаза съ прїятнѣйшими знаками довѣренности и любви; всѣ лица разцвѣли отъ радости; и когда онъ обходилъ кругъ дѣшей, ихъ младенческїя руки, къ нему простершыя, ловили его руку. Дѣши отвѣчали ему съ поднятой головою, безъ всякой робости, и видъ ихъ извѣялъ сердечное удовольствїе бытъ въ его присутствїи. Всегда одинъ наперерывъ передъ другимъ спѣшавъ принявъ его повелѣнїя: по его знаку всѣ сбѣгающа. Если онъ говоритъ, то они выслушиваютъ его съ великимъ вниманїемъ; они покорны и почтительны; но почтенїе ихъ не смѣшано со страхомъ. Онъ играетъ съ ними; беретъ ихъ на руки; младшихъ носитъ на плечахъ: ласки мащери могутъ имѣть болѣе чувствительности, а не болѣе искренности и нѣжности.

По паинспвенному опредѣленїю Промысла родители, а особливо мащери, по-

лучаютъ отъ природы прѣкрасную способ-
ность распространять ихъ сердечную при-
вязанность на дѣтей новорожденныхъ, не
лишая участія любви тѣхъ, которыя до
того времени пользовались, кажется, ис-
ключительною ихъ любовію. Сею безпре-
дѣльною способностію любить и счастли-
емъ, неразлучнымъ съ чувствомъ нѣжности,
небо вознаграждаетъ муки и скорби мапе-
ринскаго званія: здѣсь природа творитъ
чудо любви. Въ инстинктѣ челоѵколюбіе
совершаетъ подобное диво; по мѣрѣ того
какъ дѣши вступающъ и занимающъ свое
мѣсто, любовь къ нимъ возрастаетъ. Ока-
зываемыя свойства; большая или меньшая
понятливостъ, наружность лица неимѣ-
ющъ никакого вліянія на приемъ ихъ: не-
пригѣжихъ, несмысленныхъ ласкающъ оди-
наково съ умными и красивыми. Воспи-
татель видящъ въ нихъ несчастныхъ,
гонимыхъ судьбою, но сопоренныхъ для
счастія видѣть подобныхъ себѣ, которымъ
его попеченія могутъ возвратить благо
жизни; онъ надѣется сдѣлать изъ нихъ
людей, которые докажутъ примѣромъ изъ-
щество его правилъ, воцарящъ добронравіе,
и убѣдятъ другихъ въ неразрывной связи
счастія съ добродѣтелью.

Я сообщилъ краткое обзорѣе шепе-
решняго порядка вещей, по которому вся-

кой судить можешъ о цѣли заведенія, и о томъ что оно общаешъ. Чпобы выве-сти всѣ часши и подробности, виды и на-мѣренія основателя, надлежало бы напи-сать цѣлую книгу.

Изъ Espr. des Journ. В. Ш.

Французская пѣсня о Баналар-пѣ (*).

(На голосъ: *Quand Biron voulut danser.*)

Napoleon à danser — bis
Voulut un jour s'exercer. — bis
Très degouté de l'Anglaise,
Il apprend la Polonaise,
L'on va voir en rond
Tourner Napoleon.

Les Sarmates bons garçons
Fournissent les violons.
Au bal chez eux on s'assemble,
Planchers, fenêtres, tout tremble;
Leurs sauts et leurs bonds
Menacent les plafonds.

(*) Не зная, кѣмъ сочинена эта забавная пѣсня, охотно помѣщаемъ ее въ Вѣстникъ, и надѣмся, что многимъ изъ чайшпелей, разумѣющихъ Французской языкъ, она по-мравится. *Изд.*

Mais la Polonoise enfin
Le lâsse de son refrain.
„Traversons le Borysthene;
„Là me trouvant en haleine
„La Russe — sera
„Ma danse d'Opera.“

Borodin du fier danseur
Ne ralentit point l'ardeur.
„Allons à la Capitale!
„Là dans une grande salle
„Seront abondants
„Les rafraichissements.“

Napoleon à Moscou
Se foule un peu le genou;
A droite, à gauche il regarde,
Il s'amuse à la moutarde
Sans prévoir un moment
La danse, que l'attend.

Koutousoff l'oeil en arrêt
Fait tendre aux siens le jarret,
Puis ordonne à la musique
De son orchestre tragique
D'entonner un air,
Charivari d'enfer.

Bonaparte aux premiers sons
Tourne vite les talons.
„Tudieu quelle farabande!
„J'aime bien mieux l'allemande;
„Danse qui voudra
„Toutes ces danses là!“

Koutousoff le goguenard
Dit à ce danseur blafard :
„A peine entrez vous en danse
„Que vous perdez la cadence !
„Pas de rigodon
„Monsieur Napoleon !“

Napoleon lui reponds :
„Votre Russe me confond ;
„A peine mon foulier craque
„Que Kalmouks, Baschkirs, Cosaques
„Par leurs entrechats
„Derangent tous mes pas.“

Une fugue il fait jouer
Ordonnant d'exécuter
Cette figure à la mode
Par un pas fort incommode
Jadis inconnu
Nommé *Chassé battu*.

Примѣчаніе Кремлевскаго жи- теля (*).

Въ 9 Но журнала *Сынъ Отечества* се-
го 1813го года въ сшашпи о *нынѣшней* по-

(*) Примѣчаніе сіе сдѣлано опниудь не съ
намѣреніемъ упрекнушь въ ошибку г-на Со-
чинителя, но для исторической досповѣр-
ности, которая въ описаніи происшествій,
а особливо для потомства, должна бытъ
свято сохраняема.

Крем. жит.

Ложкии Москвы, между прочимъ напечатано:
 „Изъ Кремля увезено было Французами, вмѣ-
 „сто трофеевъ: *крестъ* съ Ивана Великаго,
 „вышиною въ 3 сажени, обитый весь сереб-
 „ранными вызолоченными листами, который
 „прошлаго года вмѣстѣ съ главою былъ
 „вновь позолоченъ и стоилъ 60,000 рублей...“

Неизвѣстно, изъ какого источника г. Сочинитель почерпнулъ такое свѣдѣніе о крестѣ Ивана Великаго. Ни въ какихъ объявленіяхъ не было сказано, что крестъ оной увезенъ. Можетъ быть г. Сочинитель подумалъ, что подлинно сей крестъ былъ весьма дорогой цѣны; можетъ быть также и самъ Бонапартъ, повѣривъ подобнымъ рассказамъ, велѣлъ его снять. Напротивъ того, крестъ Ивана Великаго въ 1811 году вновь сдѣланъ былъ изъ *железа* и обложенъ *мѣдью*, чрезъ огонь вызолоченною. За крестъ и за яблоко, бывшее подъ нимъ, со всѣми матеріалами заплачено не болѣе 8,000 рублей. Яблоко найдено въ Кремлѣ поврежденнымъ, а желѣзо изломаннымъ. Крестъ сей нынѣ находится въ Успенскомъ Соборѣ. Можетъ быть при очищеніи Кремля равнымъ образомъ найдутся и *стоявшій на Святскомъ куполѣ мѣдной конь и двуглавной орелъ* съ башни виннаго двора. Конечно подстрекаемые жадностію Французы все блестящее почитали золотомъ! а гербъ съ виннаго двора знаменитымъ бы послужилъ трофеемъ для побѣдоносной Французской арміи, которая даже и винной дворъ взяла приступомъ!!

Что же принадлежитъ до Соборовъ, о которыхъ говоритъ г. Сочинитель, и называетъ *то тайною, которой здѣсь никто*

незнаеть, что происходило въ нихъ: нынѣ это уже очень извѣстно. И въ Соборахъ Французы по обыкновенію своему дѣлали то же, что прилично однимъ только безбожнымъ разбойникамъ. Не пощажены ни престолы, ни Св. образа, ни раки Св. Угодниковъ Божиихъ, кои, по особенному усердію хрістіянъ православныхъ и благочестивыхъ, были богато украшены. Но къ удивленію, въ Успенскомъ Соборѣ рака, въ которой почиваютъ Свяшныя мощи Іоны Митрополита Московскаго, обитая чеканнымъ серебромъ и позлащенная, осталась невредимою, даже и стоящій передъ оною серебряный подсвѣчникъ и со свѣчею найденъ на своемъ мѣстѣ, — какъ будто злодѣйскія руки скверныхъ изверговъ челоуѣчества или не смѣли, или не могли прикоснувшись къ сей Свяшынѣ.

Кремлевскій житель ()*.

Внутреннія извѣстія.

Въ разныхъ городахъ Россіи учреждаются *Патриотическія женскія Общества* по примѣру С. Петербурга. О Московскомъ и Ярославскомъ публика уже извѣщена газетными свѣдѣніями. Таковое же Общество составляется и въ Рязани, какъ видно изъ слѣдующаго, убѣдительнымъ перомъ написаннаго *приглашенія*.

(*) Сія статья доставлена чрезъ посредство весьма почтенной духовной Особы. *Изд.*

„Россія всегда была примѣромъ свѣту не только великаго духа и храбрости, но и во всѣхъ отношеніяхъ великодушія. Въ настоящихъ же обстоятельстввахъ на всякомъ шагу вспрѣчаясь съ несчастными, кто изъ Русскихъ не захочетъ раздѣлить съ ними ихъ горести и облегчить ихъ несчасія? Человѣколюбіе, гостепріимство, состраданіе — родныя наши добродѣтели. Ими всегда славились. наши предки; онѣ и теперь составляютъ одно изъ блистательнѣйшихъ украшеній народнаго нашего характера. Истинно Русскій, незараженный нравственностію чужеземною, находить небесное удовольствіе — отказать себѣ въ прихоти, чтобы доставить необходимое спрдалицу; ставитъ себѣ въ честь — лишиться украшенія ничтожнаго и украсить себя добродѣтелию высокою — благопореніемъ. Въ счастливыя времена мы не гонимели на всѣ изящныя произведенія образованности и вкуса; но считаемъ преступленіемъ блистать роскошію въ виду несчастныхъ. Это значило бы насмѣхаться надъ ихъ горькою участію и расправлять глубокія ихъ раны. На такое безчеловѣчное равнодушіе у насъ недостаетъ сердца.

„Теперь родные наши, наши друзья любовь свою къ Отечеству доказываютъ мужествомъ и вѣрностію на полѣ брани. Женщины Русскія не могутъ въ это время остаться только зрительницами. Онѣ увидѣли больныхъ, несчастныхъ; сердце имъ сказало, что дѣлать: почему учредилось Рязанское Папріотическое Женское Общество.

„Мы надѣемся, что въ семъ богоудномъ заведеніи примутъ участіе многіе, шѣмъ

болбе, что со стороны правителей сего заведения приняты будутъ всѣ мѣры, чтобы благошворенія распоряжаемы были наилучшимъ образомъ и съ надлежащими опчепами, изъ коихъ всякой благодѣтель усмотрѣть имѣеть, что его даваніе употреблено во благо. —

„Сіе Общество первоначально учреждается для вспомошествованія разореннымъ отъ непріятели, а по прекращеніи военныхъ бѣдствій продолжитъ бытіе свое для несчастныхъ, которые не отъ зазорнаго поведенія пришли въ состояніе, требующее помощи, какъ то : для безродныхъ сиротцовъ и вдовъ, для сиротъ неимѣющихъ приешанища, прешерпѣвшихъ отъ пожара, и пр.

„Общество состоятъ будетъ изъ Членовъ *дѣйствительныхъ и почетныхъ*, кои по суммѣ ими вносимой раздѣляются на три степени. Дѣйствительные члены суть Дамы, а почетные Мушчины. Члены перваго класса ежегодно взносятъ не менѣе *ста* рублей, втораго *пятьдесятъ*, третьяго *двадцать пять*.

„Чтобы не преградить пути усердію сердець сострадательныхъ, Обществомъ принимаются единовременныя денежныя приношенія и пожертвованія всякаго рода, какъ то : мука, крупа, и вообще всѣ сѣбствныя припасы; — дрова и свѣчи; сукно; полошно, всякое годное платье и бѣлье; мебель и другія вещи, нужныя въ хозяйствѣ.

„Общество сіе управляется Предсѣдательницею и избранными на годъ изъ дѣйствительныхъ первокласныхъ Членовъ *десятью*

присудствующими Членами, кои въ недѣлю имѣютъ общее собраніе въ Домѣ Призрѣнія, разсматриваютъ приходы и расходы; назначаютъ, кому какого рода оказать благошвореніе; и каждый день по очереди посѣщая Домѣ Призрѣнія, наблюдаютъ за порядкомъ сего заведенія. По истеченіи же года представляютъ Обществу отчеты въ шнуровыхъ книгахъ. Для производства дѣлъ они избираютъ Казначея, Правителя дѣлъ и Надзирательницу для Дома Призрѣнія.

„Прочіе Члены имѣютъ право и долгъ отыскивать несчастныхъ и представлять ихъ въ Домѣ Призрѣнія съ своими свидѣтельствами.

„Чтобы сіе богоугодное и челоѣколюбивое заведеніе могло скорѣе и успѣшнѣе образоваться, симъ приглашаются въ Члены оного всѣ сострадательные люди, лучшее свое счастье полагающіе въ благошвореніи несчастнымъ. особы подписавшіяся да благоволятъ имена свои и деньги, а временные благошворители вещи, представлять въ Общество съ своими записками по адресу: *въ Домѣ Призрѣнія Патриотическаго Общества Рязанскихъ Дѣлъ, находящійся близь - каменнаго Борисоглѣбскаго моста въ домѣ Догинова.*

„Общество о полученіи денегъ и вещей будетъ увѣдомлять росписками, или чрезъ газеты.“

Въ Астрахани издаются газеты подъ названіемъ: *Восточныя извѣстія*; и доставляютъ читателямъ своимъ удовольствіе разными спашьями полипическаго, спашиспическаго и нравоучительнаго содержанія. Изданіе

ная словесность также служивъ украшеніемъ
Восточныхъ извѣстій. Вошъ стихи :

„Онъ Рускихъ раненъ кшо среди прошекшихъ
дней ?

„— Ней. —

„Не ужь ли ускакалъ онъ нихъ Наполеонъ ?

„— Онъ. —

„Гдѣ полчища его съ оружіемъ въ рукахъ ?

„— Ахъ!!! —

„Пропали всѣ они — повѣрять не возможно ?

„— Можно. —

„Не ужь ли Россѣ врагамъ и зло еще покажетъ ?

„— Окажетъ. —

„Какое? врагъ себя еще не обольститъ ?

„— Льститъ. —

„Такъ! — — Всѣ враги себѣ добра необрѣшутъ.

„— Туть? —

„Конечно. — Сей Французъ опасный вертопрахъ! —

„И скоро по сему онъ обратится въ прахъ!! —

Но оставимъ столь изящную словесность, которую не всякой способенъ наслаждаться; а лучше сообщимъ любопытное для всѣхъ нашихъ читателей извѣстіе о побѣдѣ надъ Персидцами, въ 4-й *Но Восточныхъ Вѣдомостей* помѣщенное.

Списокъ съ предложенія Главнокомандующаго Г. Генералъ-Лейтенанта и Кавалера Николая Федоровича Ринцева Г-ву Астраханскому Гражданскому Губернатору отъ 26 Января 1813 года, No 62.

Съ истиннымъ удовольствіемъ спѣшу уведомить Ваше Превосходительство о слѣдующемъ происшествіи, ознаменовавшемъ новую славою побѣдоносное оружіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ здѣшнемъ краѣ.

Неслыханное върломство Персіянъ, кои Талышинское Ханство, болѣе, 20 лѣтъ состоящее подъ покровительствомъ и защитою Россійской Имперіи, заняли своими войсками во время переговоровъ и самаго перемирія, бывшихъ въ прошломъ лѣтѣ, и стѣснили было малый Россійскій гарнизонъ, находившійся въ Талышахъ для защищенія Хана; но нынѣ по помощію Всеблагаго Бога, покровительствующаго оружіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, наказано чувствительнѣйшимъ образомъ для Персіянъ. Храбрый и благоразумный Генералъ-Лейтенантъ Копляревскій, по повелѣнію моему выступившій изъ Карабага съ отрядомъ, состоящимъ изъ 2000 солдатъ и казаковъ, для очищенія Талышей отъ непріятели, прошедъ въ самое худое нынѣшнее время пространную Муганскую степь безъ дороги, безъ воды и безъ дровъ, на пути своемъ разбилъ нѣсколько неприятельскихъ сильныхъ партей, прикрывавшихъ кочевые народы Шемахинцовъ и Карабагцовъ, прежде плѣненныхъ Персіянами, отбилъ до 3000 сихъ семействъ и переселилъ оныхъ въ Карабагъ, завладѣвъ весьма важною и по всѣмъ правиламъ усроенною крѣпостію Оркеванъ, взявъ въ оной 2 пушки, множество снарядовъ, пороху, свинцу и патроновъ, и гарнизонъ оную защищавшій, который состоялъ изъ 2000, но отъ страха поселеннаго оружіемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА при его приближеніи, бросившаго крѣпость, настигнувъ отдѣленнымъ отрядомъ храбраго Подполковника Ушакова, посланнаго въ преслѣдованіе, разбилъ совершенно, положи на мѣстѣ болѣе 300 Персіянъ и взявъ въ плѣнъ 52 человекъ. Потомъ обратясь къ самой крѣпости Ленкорану, вновь

выстроеной Персіянами, укрѣпленной чрезвычайнымъ образомъ и защищаемой 4000 ошборнѣйшихъ войскъ съ двумя баталіонами регулярныхъ Сарбасповъ подъ главнымъ начальствомъ родственника Бабахана, извѣстнаго Сардаря Садукъ Хана, имѣвшаго подъ начальствомъ своимъ до 10 другихъ Хановъ, обложилъ оную своимъ отрядомъ. Съ 26 числа прошлаго Декабря мѣсяца по 31 продолжалась блокада и непрерывное бомбандированіе крѣпости; при чемъ Генераль-Лейтенантомъ Кошляревскимъ два раза предлагаема была Сардарю Садукъ Хану здача крѣпости, дабы пощадить крозь осажденных и осаждающихъ; но на первое предложеніе былъ гордый отвѣтъ, а на послѣднее и совсѣмъ онаго не было. Почему таковое упорство Ленкоранскаго гарнизона и движеніе самаго Бабаханова сына Аббасъ Мирзы, въ подкрѣпленіе онаго выступившаго-было изъ Тавриза съ большимъ числомъ войскъ, заставили рѣшительнаго Генераль-Лейтенанта Кошляревскаго предпринять трудный штурмъ, не допуская сикурсъ осажденнымъ, и такъ призвавъ Бога въ помощь съ 31 Декабря на 1 Января предъ разсвѣтомъ онъ приступилъ къ штурму, который продолжаясь болѣе 3 часовъ, былъ упорнѣйшій и кровопролитнѣйшій. Все, что только отчаяніе въ высшей степени и жестокосердіе осажденных могло изобрѣсти къ гибели штурмовавшихъ войскъ, было при семъ случай съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ приведено въ дѣйствіе, и все, что только безпримѣрная храбрость честь оружію ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и защита праваго дѣла могли внушить безстрашнымъ Россійскимъ воинамъ, было также исполнено — и

Богъ, поборникъ правды, видѣвшій, съ каимъ коварствомъ Персіяне заняли Талышинское Ханство, покорилъ наконецъ крѣпость оружію Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Потеря наша въ семъ кровопролитнѣйшемъ дѣлѣ не маловажна, и ваипаче чувствительна на потерю храбраго Подполковника Ушакова и другихъ отличныхъ офицеровъ, за славу и честь оружія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА положившихъ въ семъ дѣлѣ свой животъ, и прѣмя ранами (хотя весьма легкими) самаго Генералъ-Лейтенанта Котляревскаго, запечатлѣвшаго своею кровію усѣхъ сего безпримѣрнаго дѣла, гдѣ 1500 Россійскихъ воиновъ сражался противъ 4000 гарнизона, защищеннаго укрѣпленіями, и имѣвшаго всѣ вредоносныя способы, приобрѣтая штурмомъ почти неприступную крѣпость, устроенную по всѣмъ правиламъ Европейской фортификаціи, и защищаемую съ башарей 8 пушками; но потеря неприятеля при семъ случаѣ превосходитъ всякое ожиданіе. Словомъ: изъ всего гарнизона никто не спасся, всѣ легли на мѣстѣ битвы; самъ Сардаръ Садукъ Ханъ и всѣ Ханы съ нимъ бывшіе положили головы свои въ потерянной ими крѣпости. Въ плѣнъ же нашими войсками, никто не взятъ, потому что за упорство Персіяне въ защитѣ крѣпости и за гордость, съ каковою отвергнушы были предложенія о здачѣ, ни кому солдатами не была дарована пощада.

Такимъ образомъ новоустроенная Персіянами крѣпость Ленкоранъ пала предъ побѣдительнымъ оружіемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Въ ней приобрѣтено профеевъ сего примѣрнаго штурма: два знамя истреб-

енныхъ двухъ баталіоновъ Сарбастовъ, 8 орудій артиллеріи превосходнѣйшей работы, серебряная булава Сардаря Садукъ Хана, пороховой погребъ съ множествомъ пороха и снарядовъ, и богатый магазейнъ съ провіантомъ, запасенный непріяшелемъ; Талышинское же Ханство очищено совершенно отъ Персіянъ, коихъ не осталось въ ономъ ни одного человека. Хану возвращено его Ханство; а угнѣшенному народу насиліемъ наприяшеля доспавлены покой и безопасность.

Почему за сію новую побѣду надъ врагомъ нашей вѣры и спокойствія здѣшняго края сего числа приносимо было здѣсь Богу благодарственное молебствіе. Ваше Превосходительство увѣдомляя объ ономъ, предлагаю объявить о семъ происшествіи во всей Астраханской Губерніи, управленію Вашему ввѣренной, съ принесеніемъ Богу благодарственнаго моленія.

Заграничныя извѣстія.

Разбитый при Калишѣ Барономъ Винценгероде корпусъ состоялъ изъ Саксонцовъ, Поляковъ и Французовъ; онъ отступилъ къ границамъ Шлезіи, по видимому чтобы уйти въ Саксонію, черезъ Глогау — разумѣется, если пропусшатъ его Прусакіи.

— Въ вѣдомостяхъ съ рѣки Майна пишутъ, что въ теченіи Феврала мѣсяца 75,000 Французовъ перейдетъ черезъ Рейнъ при Майн-

цѣ, и еще болѣе при Везелѣ. Это Французское извѣстіе, слѣдовательно — хвастовство: но если бы, положимъ на часъ, это была и правда; то войска сіи незначительны даже и противъ однихъ Нѣмцовъ, когда въ сѣверной Германіи окажутъ они себя достойными наслаждаться свободою, когда возмущая за оружіе и храбро будутъ имъ дѣйствовать.

— Въ окончаніи Сенатскаго опредѣленія о регентствѣ сказано между прочимъ: „*Императрица*, маперь Короля Римскаго, *можетъ* быть помазана и коронована. — Король Римской *можетъ* при жизни своего родителя быть помазанъ и коронованъ, *какъ наследникъ Имперіи*.“ Сіи-то коронованія были главною побудительною причиною къ заключенію конкордаша — если только въ самомъ дѣлѣ подписанъ оный Папою. Извѣстно, что Наполеонъ развелся съ прежнею своею супругою и сочетался съ нынѣшнею безъ предварительнаго дозволенія Главы Римской церкви, то есть противъ существующихъ церковныхъ законовъ — чему до сихъ поръ не было примѣра. Слѣдственно и расторженіе брака и новое сочетаніе не могли быть приняты народомъ за дѣйствительныя.

— Въ Мониперѣ напечатано великолѣпное описаніе объ одержанныхъ въ Испаніи новыхъ побѣдахъ, изъ котораго видно, что Испанскія войска — дошли уже до Сарагоссы.

— Есть хвастовства особливаго рода, которыя ни для кого не могутъ быть оскорбительными по причинѣ презрительной своей неабыности. Точно къ сему роду принадлежатъ

слѣдующая шпука Наполеонова. Сей герой нашего вѣка, отдохнувши послѣ безлокойнаго пупешествія въ старой жидовской бричкѣ, и отогрѣвшись у камина вмѣстѣ съ дражайшимъ своимъ одновѣрцомъ, мамелюкомъ Руспаномъ, вздумалъ Маршалу Нею, которой по видимому шакже оправился, оказать высокую свою милость, и пожаловалъ его — *Княземъ Москвы!!!*

— Въ Законодательномъ собраніи, гдѣ Наполеонъ чиналъ витійшвенную рѣчь о подвигахъ своихъ въ Россіи, о Татарахъ, и о томъ что онъ не оставитъ въ бѣдѣ своихъ союзниковъ, присутствовала его супруга; тамъ же находилась и *Гортенсія*, бывшая Королева Голландская.

— Еще до занятія войсками Русскими Берлина, въ тамошнихъ вѣдомостяхъ помѣщена была слѣдующаго содержанія статья, конечно въ насмѣшку надъ большою Французскою арміею и новымъ ея главнымъ предводителемъ: „Его Величество Король Италіанскій съ находящимися подъ его начальствомъ войсками двинулся изъ Познаня *противъ* Русскихъ, и шеперь на первой случай расположился — *при Одерѣ*.“ Въ Рижскомъ *Зрителѣ* шопчасъ прибавлено къ сему любопытному объявленію слѣдующее замѣчаніе: „извѣстно уже, что онъ еще далѣе подвинулся впередъ *противъ* Русскихъ, то есть къ Берлину, и въ скоромъ времени мужественно будетъ продолжать движеніе свое *противъ* нихъ — даже до Рейна.“

— Февраля 22 Австрійской курьеръ (уже другой) пробѣжалъ черезъ Гамбургъ въ Копенъ
 NO 1 и 2. К

рагенъ. Извѣстно, что между Австрією и Англією продолжаются теперь важныя сношенія.

— Сказываютъ, что великая Герцогиня Тосканская отправилась въ Парижъ къ большому празднеству, которому предположено быть въ Мартѣ мѣсяцѣ. (По частнымъ извѣстіямъ празднества сіи отправляемы будутъ по случаю коронаванія Императрицы.)

— Князь Шварценбергъ приѣхалъ въ Вѣну. Въмѣсто его до времени начальствуетъ надъ Австрійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Баронъ Фримонтъ.

— Швейцары вновь принуждены были обѣзаться, вмѣсто ежегодной поставки 2000 рекрутъ, давать Франціи по 3000, а въ случаѣ войны въ Германіи или въ Италіи еще сверхъ того отправить 1000 человекъ.

— По Королевскому повелѣнію всѣ Прусскіе подданные обязаны носить національную кокарду. Другимъ повелѣніемъ именно определено наказаніе какъ для пѣхоты, которые безъ причинъ законныхъ уклоняются отъ воинской службы, такъ и для затрудняющихъ способы другимъ вступать въ службу.

— Изъ Гамбурга уведомляютъ, что по случаю происшедшихъ тамъ безпокойствъ, начальствующій надъ обсервационною армією Графъ Лориссонъ далъ рѣшительное повелѣніе виновныхъ судить и расстрѣливать въ 24 часа.

— Министерство Варшавскаго Княжества находится теперь въ Краковѣ, а корпусъ войскъ Польскихъ (велики ли онъ?) стоить въ Ченстолавѣ подъ начальствомъ Князя Иосифа Поняповскаго.

— Пишутъ изъ Константинополя, что въ Багдадѣ и на всей границѣ памоньяго края возникли безпокойства. Ассадъ - Бей, сынъ одного прежняго Паши, вознамбрился прописаться нынѣшнему владѣтелю. Равнымъ образомъ и Курды возстали противъ Паши Багдадскаго, а неприятель его, Абдураманъ Паша, нашелъ убѣжище себѣ при дворѣ Персидскомъ. Уже начались и неприятельскія дѣйствія на памонней границѣ. Мегемедъ - Али - Ханъ, одинъ изъ сыновъ Государя Персидскаго, съ 10 или 12 тысячами человекъ выступилъ въ походъ и грозитъ напасть на Багдадъ, ежели Абдураманъ не получитъ прежняго своего достоинства.

Сербскій совѣтъ въ Бѣлградѣ объявилъ Января мѣсяца, что въ слѣдствіе заключенныхъ въ Константинополѣ условій, онъ будетъ продолжать свои засѣданія въ Краповецѣ, недалеко отъ Тополи (мѣста пребыванія Георгія Чернаго); потому что въ Бѣлградѣ скоро прибудетъ Паша съ нѣсколькими сотнями Турковъ, для полученія установленной ежегодной подати 1500 мѣшковъ (въ мѣшкѣ считается 500 піаспробъ). Подтверждается, что Сербскому совѣту отъ Порты дано дозволеніе управлять всюю областію отъ имени народа, что всѣ жители съ нуждами своими должны относиться къ народному совѣту въ Краповецѣ, и что Паша

Бѣлградскій вѣ дѣла ихъ вмѣшиваться, а и того болѣе разбирать тяжбы не будетъ. — Войско Турецкое, выступившее - было вѣ походѣ противъ Моллы-Паши къ Виддину подѣ предводительствомъ Газира-Али-Паши (сына извѣстнаго Паши Пасвана-Оглу), отступило на адъ и будетъ ожидать весны; ибо оно ничего не могло предпринять противу мяшежнаго Паши, будучи весьма слабымъ.

Фридрихъ Вильгельмъ, второй Король Прусскій, отецъ Фридриха II, былъ спрасной охотникъ до людей великорослыхъ. Онъ любилъ деньги, но и ихъ не щадилъ, когда дѣло шло о приобретеніи большаго и штапнаго гренадера для его гвардіи. Человѣкъ необыкновеннаго роста могъ смѣло, при вступленіи вѣ службу, требовать необыкновенную сумму. Еслижъ деньги не помогали, то Король употреблялъ во зло власть свою, прибѣгалъ къ насильственнымъ средствамъ и даже нарушалъ долгъ справедливости вѣ отношеніи къ сосѣдственнымъ государствамъ. Первая рота гвардіи его соспавлена была изъ величайшихъ людей вѣ Европѣ, и солдатъ почитался недостойнымъ служить вѣ ней, если ростомъ былъ ниже шести фузовъ.

Однажды Король, ѣздивши за городомъ, увидѣлъ на полѣ крестьянку необыкновеннаго роста весьма дородную и красивую. Гигантофиль-Монархъ, полюбывавшись такимъ рѣдкимъ произведеніемъ роскошной Натуры, спрашиваеиъ крестьянку, за мужемъ ли она? — „Нѣтъ, Ваше Величество; я дѣвушка.“ — Лучше не нада! погоди! — Попомъ вдругъ вынимаетъ карандашъ и пишешъ. — „Слушай! не медля ии

минулы отдай епо письмо гвардейскому капитану первой гренадерской роты.“ — Очень хорошо, Ваше Величество! — „Съ Богомъ!“ — Оставшись одна, бѣдная крестьянка подумала на досугѣ о своемъ приключеніи, и поробовали ли, или по предчувствію, а можетъ быть и потому что нехотѣла оставить своей работы, отправила съ письмомъ дряхлую и беззубую свою сосѣдку. Старуха исполнила ея препорученіе. Чтожъ было написано въ письмѣ? Повелѣніе поспѣшь обвинять просительницу съ Форшманомъ, однимъ изъ самыхъ пригожихъ и спашныхъ гренадеръ королевской гвардіи. Офицеръ изумился; гренадеръ былъ въ отчаяніи; старуха не знала, во снѣ или на яву такія чудеса дѣлаются съ нею. На другой день Король велѣлъ представить себѣ *молодую и прекрасную чету*. Какое удивленіе! какой смѣхъ! . . .

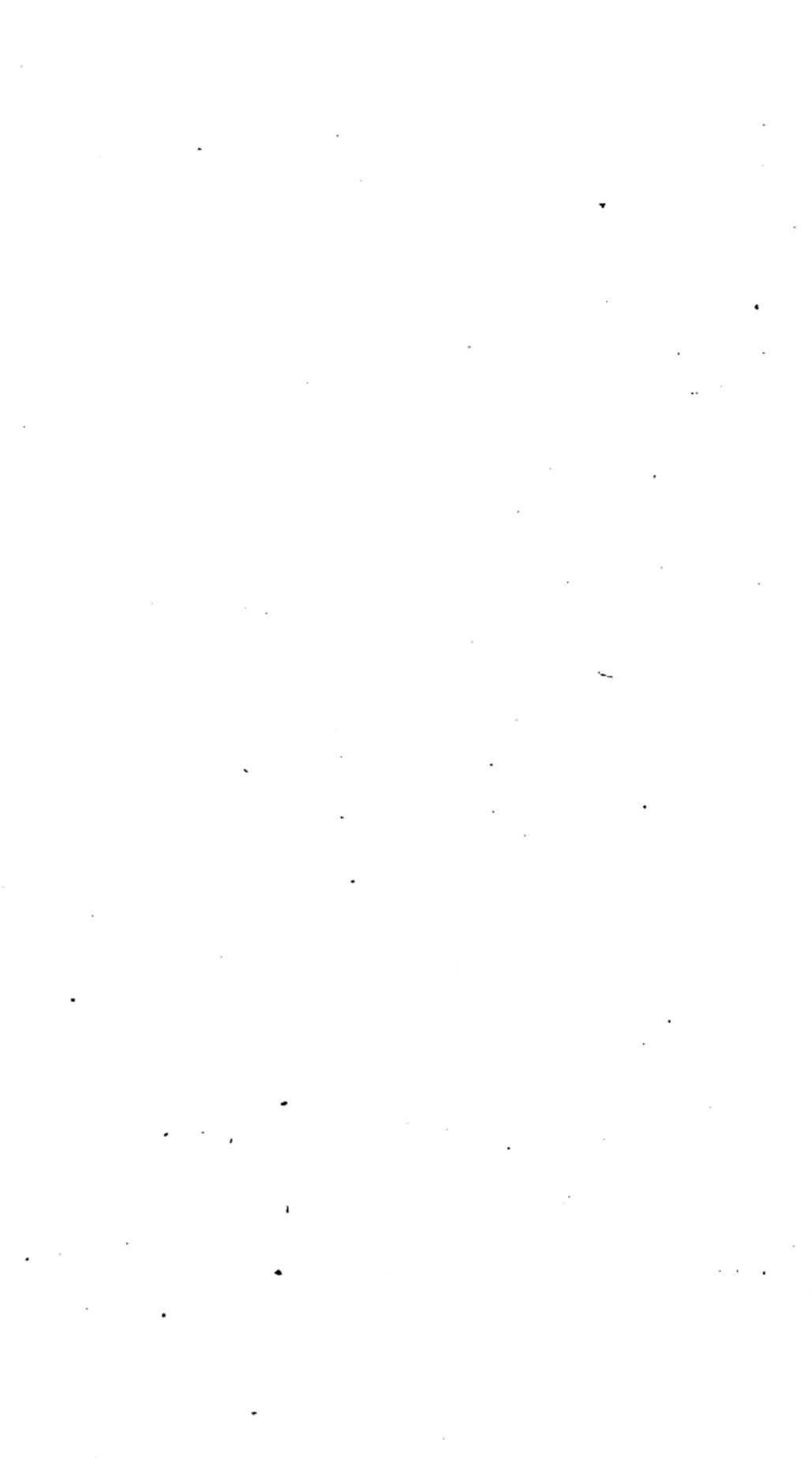
Во всякой другой землѣ посмѣялись бы надъ симъ страннымъ приключеніемъ, и потомъ предали бы его забвенію: но легкомысленные Французы два или три уже раза принимались дѣлать изъ него театральныя представленія; наконецъ въ прошломъ году ояшь появилась у нихъ на *Театрѣ Водевильей* новая опера *Прекрасная Нѣжка, или гренадеръ Фридриха Вильгельма*, которая, по увѣренію журналистовъ, очень забавляетъ Парижскую публику *при всей своей неблагоприспособности*. „По моему мнѣнію (такъ сказано въ *Esprit des Journaux*) „веселость лучше *холодной* благоприспособности — *pour mon compte, je préfère ce défaut à une froide décence.*“

Во время нашествія Французской большой арміи на Россію, авторскія головы въ Парижѣ прудились надъ географическими, спашиспическими, испорическими и полипическими описаніями Сѣвера. Въ Журналахъ появлялись спашьи о Россіи, о Москвѣ, о Петербургѣ, о свойствѣ Русскаго народа, о сѣверномъ климатѣ, и шакъ далѣе. Одно изъ сихъ замѣчаній напечатано въ Ноябрьской книжкѣ извѣстнаго періодическаго изданія *Esprit des Journaux*. Тутъ разочпено по пальцамъ, какъ холодно зимою бываетъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, какъ продолжительны ночи въ Ригѣ и въ Архангельскѣ. Разумѣется, что обо всѣхъ обстоятельствахъ нашего Сѣвера тогда весьма нужно было знать ораторамъ вофейныхъ домовъ Пале-Рояльскихъ: ибо хотя въ Ноябрь мѣсяцѣ большая армія уже сѣбла и растеряла почши всѣхъ коней своихъ, всадниковъ и пѣшихъ воиновъ; однакожъ пушечные громаы на Парижскихъ бапареяхъ неумолкали по случаю знаменистыхъ побѣдъ, объявляемыхъ бюллетенями изъ главной кварширы, бывшей, какъ извѣстно жишелямъ добраго города Парижа, сперва въ *Калузѣ*, потомъ въ слѣдствіе боковаго движенія перенесенной *поближе къ Петербургу*. И шакъ сими происшествіями совершенно оправдывается нѣжная заботливость Французскихъ писателей о нашемъ Сѣверѣ. Дикая и холодная Россія, говорятъ они, покрыта лѣсами и болошами; но природа наградила человѣка безцѣнною способностію перемѣнять ешесшвенныя свойства земли, имѣ обиаемой. Съ шопоромъ въ рукѣ, онъ просѣкаетъ дремучіе лѣса; онъ осушаетъ болоша, и даетъ рѣкамъ правильное шеченіе, а шѣмъ самымъ очищаетъ воздухъ

уменьшаетъ жестокость морозовъ: „Наста-
 „нетъ новая эпоха. Геній (такъ подлецы на-
 „зываютъ Бонапарша) и побѣда отъ береговъ
 „Сены къ берегамъ Балтійскаго моря къ Вислѣ
 „и Двинѣ ведутъ дарованія, свѣдѣнія и новыя
 „открытія. Неусыпная и просвѣщенная дѣя-
 „тельность родится между обитателями сѣ-
 „верной Европы; ихъ руки, освобожденные отъ
 „дѣней рабства, предадутся обширнѣйшимъ
 „работамъ; ихъ разумъ, увлеченный сильны-
 „ми побужденіями, воспаритъ высоко, и уче-
 „ные, обширные замыслы ихъ одержатъ надъ
 „спихіями новыя побѣды, которыя возвели-
 „чатъ славу ихъ и благосостояніе. знамени-
 „тое поприще открывается для упражняю-
 „щихся въ исторіи, географіи, политической
 „экономіи; презирая ничтожныя изслѣдованія,
 „они вознесутся къ соображеніямъ, къ видамъ
 „великимъ, полезнымъ и сообразнымъ новой
 „судьбинѣ міра.“ Вотъ какія благодѣянія не-
 „сли на Сѣверѣ сіи всемірные просвѣщители,
 „которыя *неблагодарные* Россіяне съ такимъ
 „безчестіемъ погналы отъ Москвы рѣки до
 „Ельбы! Остроумные Французскіе журналисты
 „засвидѣтельствуютъ передъ потомствомъ,
 „что мы, сѣверные дикари, весьма неблагораз-
 „умно поступили, истребивши большую армію
 „великой націи, и заставивши велемудраго ея
 „предводителя отказаться отъ благодѣтель-
 „ныхъ о насъ попеченій.

22го Марта 1813.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 3 и 4.
ФЕВРАЛЬ 1813.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ
между Меркуріемъ и Модною Дамой.*

(Изъ Литлелтона.)

Модная Дама. Божусь, Меркурій, что теперь я не могу быть у васъ. Я чрезвычайно занята, и время для меня очень дорого.

Меркурій. Знаю, что вы имѣете любезнаго, васъ обожающаго супруга и милую группу дѣшей; но нужно ли напоминать вамъ, что ни супружескія, ни материнскія обязанности, ни тѣ великія дѣла, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе государства, или слава народа, ни что не служило извиненіемъ? — Человѣкъ долженъ повиноваться, когда смерть зоветъ его въ области тѣней. Если бы сія посланница

№ 3 и 4.

не была ешоль же неумолима, сколько она страшна для васъ; шо Харонъ въ цѣлый вѣкъ не имѣлъ бы ни одного пассажира, кромѣ немногихъ Англичанъ, которые въ ипохондріи опшваживаются на путешествіе къ берегамъ Спикса: однимъ словомъ, ваша разлука съ супругомъ и съ дѣтьми неизбѣжна, и вамъ не лзя не плышь черезъ Спиксъ.

Модная дама. Боже мой! я совсѣмъ не хошла представляшь вамъ своихъ обязанностей къ дѣтямъ; я никогда не помышляла объ нихъ: онѣ низки для женщины, подобной мнѣ. Взгляните на каминъ, тамъ увидите мои обязанности; — я бздла по припницамъ въ комедію, по чешвергамъ на балы, по субботамамъ въ оперу, — а въ другіе дни играшь въ каршы, — и по сему же плану должны ийти два будущіе мѣсяца. Не правда ли, что нѣшъ ничего несноснѣе въ свѣшъ, какъ неисполненіе подобныхъ обязанностей? Заклинаю васъ, подождите до лѣша; шога явлюсь къ вамъ съ большимъ удовольствіемъ. Можешъ бышь Елисейскія поля не споль однообразны и скучны какъ деревня въ нашемъ мѣрѣ. Скажите, есть ли у васъ *воксаль*, или *ранела*? Мнѣ кажешся, что я охотно напьюсь воды забвенія, когда придетъ лѣшо!

Меркурій. Я вижу, что вода забвения не для васъ; ибо удовольствія сославляли главное дѣло, всѣ желанія и всю цѣль вашей жизни. Вода изъ Лешы хороша только для пѣхъ, кой сражались съ горестями; но кто захочетъ поперять память о жизни веселой и приятной?

Модная Дама. Не спорю, что приятное разсѣяніе было главнымъ дѣломъ въ моей жизни; чтожъ касается до удовольствій, то во всѣхъ случаяхъ наслаждалась ими немного, — пока онѣ были еще для меня новы. Возможно ли съ удовольствіемъ сморрѣть или заниматься одною вещью долго, безпрестанно? Время и усталость расположили душу мою къ угрюмости, и скоро раззнакомили меня съ тою тихою веселостію, для которой я родилась. Ахъ! я потеряла живость цвѣтущихъ лѣтъ еще въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ!

Меркурій. Если такая жизнь не приносила вамъ удовольствія; то для чего не перемѣнили ее? думаю, что вы не находили въ ней ни великаго достоинства, ни великой добродѣтели.

Модная Дама. Я была слишкомъ занята, совсѣмъ не имѣла времени думать о чемънибудь; и именно пошому была нѣ-

копорымъ образомъ довольна своею жизнью. Друзья всегда швердили мнѣ, что разсѣянность необходимо нужна для женщинъ; докторъ говаривалъ, что она одна можешь предупредить ипохондрію; — мой мужъ не соглашался съ ними: но вы знаете, какъ приятно дѣлешь чувства и мысли съ друзьями, — исполняешь волю доктора, — и прошиворѣчишь мужу; сверхъ того въ моемъ сердцѣ пирански царствовало желаніе, чтобы свѣтъ называлъ меня дамою *хорошаго тона!*

Меркурій. Хорошаго тона? Что это значитъ? Прошу васъ, дайте мнѣ понятіе, что значитъ дама хорошаго тона?

М. Д. О, извините меня; люди *хорошаго тона* не имѣютъ понятія ни о чемъ, и сами для другихъ всегда бываютъ непонятны. Это ихъ первое право, и въ этомъ и всѣ ихъ преимущества. *Хорошій тонъ* есть масть и дѣля особеннаго языка. Онъ — но я напрасно старалась бы опредѣлить, въ чемъ онъ состоитъ; я могу показать однѣ тѣ свойства, копорыхъ онъ не имѣетъ, п. е. отрицательныя. Въ разговорѣ онъ совсѣмъ не то, что черпы оспраго ума, — въ обращеніи не то, что называется учтивостію, — въ поступкахъ не то, что извѣстно подъ именемъ ловкости; но онъ имѣетъ нѣкоторое сход-

ство со всѣми сими любезными качествами. Онъ принадлежитъ только людямъ особеннаго класса, имѣетъ особенныя правила для жизни, для ея связей. Онъ возможенъ только для человека, неимѣющаго нѣкопорыхъ добродѣтелей, и имѣющаго нѣкопорые пороки. Въ обществѣ онъ беретъ мѣсто выше своего поста и своихъ достоинствъ, и люди со всѣми правами на общее почтеніе не спорятъ, — ибо опасаются, чтобы свѣтъ не почелъ ихъ невѣждами, забывающими правила учтивости. — Я сказала вамъ все, что могла, — и не знаю ничего болѣе о *хорошемъ тонѣ*, хотя обожала его и употребляла всѣ усилія до него возвыситься.

Меркурій. И такъ вы теряли время, не щадили красоты и здоровья единственно для того, чтобы противорѣчить вашему супругу, и соглашались на то, чего требовало отъ васъ сіе *нѣчто* и сіе *ничто*, которыя называются *хорошимъ тономъ*?

Модная Дама. Что же, по вашему мнѣнію надлежало мнѣ дѣлать?

Меркурій. Я дамъ вамъ такое же понятіе о вашихъ должностяхъ, какое вы мнѣ о *хорошемъ тонѣ*, п. е. скажу, чего не надлежало бы дѣлать. По моему мнѣнію,

не надлежало бы шанѣ располагать ваше время, шанѣ презиратьъ разсудокѣ и священныя обязанности, — не надлежало бы шанѣ забыватьъ о счастіи супруга и дѣшей!

Модная Дама. Но я не жалѣла денегѣ для воспитанія дочерей моихѣ. Онѣ имѣли всѣхѣ учителей, — шанцовальнаго, музыквальнаго, рисовальнаго, — а Француженка образовала ихѣ сердца и учила ихѣ своему азыку.

Меркурій. То есть, ихѣ вѣра, ихѣ чувство, ихѣ нравственность были вѣ рукахѣ шанцмейстера, музыканта и служанки, кошорую вы почтили своею довѣренностию по тому единственно, что она Француженка? Можете бытъ они приготовають ихѣ вѣ *хорошему тону*. Но послѣ шакого воспитания онѣ будутѣ супругами безѣ супружеской любви и матерями безѣ материнскаго чувства. Крайне жалѣю и объ ихѣ жизни, кошорая для нихѣ еще начинается, — и о вашей, кошорая уже кончилась. Знаете, что Миносѣ спарикѣ очень суровый; вѣ немѣ нѣтъ ничего похожаго на *хорошій тонѣ*; однимѣ словомѣ, я чрезвычайно боюсь за васѣ. Примите искренній и самый лучший для васѣ советѣ: слѣдуйте вѣ здѣшнемѣ мѣрѣ по тому же плану, по кошорому жили вѣ вашемѣ;

сможете издали на блаженство, но не приближайтесь къ пуши, который ведетъ въ его область. Оставайтесь по сю сторону Спикса и блуждайте по его берегу безъ плана и безъ цѣли. Неоправивайтесь идти къ Елисейскимъ полямъ, если не ходите, чтобы Миносъ не указалъ вамъ дороги — въ шаршаръ! Ибо тошъ, кто пренебрегъ свои должности, подвергается столь же строгому приговору, какъ самый преступникъ.

Съ Англ. II.

Ариспидъ и Калонъ Улическій.

Параллель.

Возрیمъ на Грецію въ тѣ прекрасные вѣки, когда съ общою любовію къ свободѣ народъ ея отражалъ властлюбіе Персовъ чудесными подвигами добродѣтели и мужества.

Въ сію эпоху великихъ происшествій и великихъ мужей представляется герой и мудрецъ, который, не бывъ первымъ изъ своихъ современниковъ, былъ человекъ лучшій и полезнѣйшій въ своемъ вѣкѣ. По вліянію его добродѣтелей, кажется, что онѣ были въ Греціи главнымъ источникомъ

всего, что происходило тогда прекрасного и знаменитого: сей мужъ былъ справедливый Аристидъ.

Исторія съ перваго начала представляеъ его шрудящагося для опечесства. Но въ ревностномъ усердіи служба ему, онъ пользуется не всѣми способами; его духъ и правила независимы отъ крамоль и междоусобій; ибо онъ спрашившя имѣеъ враговъ, или друзей, ко вреду общаго блага. Никогда личная польза, ни личная вражда не омрачали его чистаго и великодушнаго сердца.

Его обносятъ предъ согражданами: его оправданіе покрываеъ сшдыдомъ обвинишеля. Раздраженный народъ готовъ опмститься за добродѣшельнаго мужа; но добродѣшельный мужъ не позволяеъ гнѣвной спраспти подвигнушь на его опмщеніе прошивъ спрогоа правосудія. Онъ защищаеъ врага своего, приводишь его передъ судьей и молишь ихъ приняшь его оправданіе.

Однажды предсѣдющему въ судѣ ему гражданинъ говоришь: *Аристидъ! ляжушійся со мною сдѣлалъ тебѣ много зла.* — „Говори, какое зло сдѣлалъ онъ тебѣ; ибо мнѣ дѣло творить судъ не для себя, а для другихъ.“

Его кропкое краснорѣчіе предложило законъ, на который народъ извѣявилъ свое согласіе; но вдругъ убѣжденный испиною возраженій нѣкоторыхъ своихъ пропивниковъ, онъ восклицаетъ: „нѣшъ, граждане, нѣшъ; „я опшсупаюсь. Вѣрьте пому, кшо совѣ- „шуешъ вамъ добро, а не пому, кшо оши- „баешся.“

Өемиспоклъ, его соперникъ и пропиво- борникъ, имѣешъ добродѣтели и шаланпы; но сей мужъ, не рѣдко полезный, бываетъ иногда вредный гражданинъ. Въ народныхъ совѣшахъ Ариспидъ есть бдишельный для него спражъ; въ спанѣ воинскомъ онъ служишъ воиномъ рядовымъ, всегда ему вѣр- нымъ. О! какое прекрасное зрѣлище, ко- гда Ариспидъ на канунѣ Саламинскаго сраженія вспупаетъ ночью въ спавку пол- ководца съ извѣспіемъ и совѣпомъ, копо- рымъ надлежало увѣнчашъ врага его лавра- ми побѣдишеля?

Всегда ли будешъ народная неблагодар- ность поспигашъ мужей великихъ? Ари- спидъ осужденъ на изгнаніе. Тогда видимъ въ одно время все чшо есть порочнаго, и все чшо есть благороднѣйшаго въ сердцѣ чловѣческомъ. Къ нему подходилъ Ашши- ческій поселянинъ, прося написать за не- го имя обреченное на изгнаніе; имя было

Ариспидово. *Другъ мой, какое зло сдѣлалъ тебѣ Аристидъ? — „Никакого; но мнѣ досадно, что твердятъ безпрестанно о его справедливости.“* Справедливый выполнилъ молча волю безвѣснаго врага добродѣтели, и возведя очи на небо, произнесъ съ горестію: „Молю боговъ, да не принудятъ Аѣинянъ распроенныя дѣла ихъ обратно призвать Ариспида.“

О! сколько добродѣтель величественна въ сихъ великихъ движеніяхъ души, въ сихъ открытыяхъ и пылкихъ поступкахъ, копорыми украшаются древніе нравы! Представимъ себѣ Ариспида, когда военачальникомъ Аѣинскимъ избранный онъ имѣетъ долгъ сражаться съ шѣми Греками, копорые предали свое опечесство. Сердце его ужасается брашской вражды и бипшвы. Сей вождь вышупаетъ на средину обоихъ воинствъ, и съ лицомъ омоченнымъ слезами, съ руками просперпыми къ небесамъ, гласомъ священнымъ взываетъ: „О Греки! вспомяните ваше опечесство. На кого спремени, шесь въ брани? Хопите ли вашу собспвенную кровію обагришь поля Греціи въ при-, сущствіи боговъ ея?“ —

Прекрасные дни *Мароеона, Саламины, Платен!* въ лѣтописяхъ вашихъ чишаю добродѣтельную покорность Аѣинянъ

болѣ и совѣшамъ справедливаго Ариспида. Персидскій Царь вызываетъ Аѳинянъ опшспашь опѣ другихъ Грековъ, общая имъ царство Греціи. Спарша въ сомнѣннн молштѣ ихъ чрезъ посланниковъ не разрывашь общаго союза. Они опшвѣчающѣ чрезъ Ариспида: *Аѳиняне не удивляются, что варварскій Царь вѣрилъ возможности подкупить добродѣтель; но жалуются на Спартанцевъ, которые имѣя пошвно съ памяти настоящее бѣдствіе своихъ союзниковъ, усомнились въ ихъ мужество и вѣрности.*

Θемиспоклъ объявляетъ Аѳинянамъ, что имѣетъ важное намѣреніе, котораго нельзя извяснить всенародно. Кшо доспойнѣ Ариспида бышъ посредникомъ между Аѳинянами и Саламинскимъ героемъ? Онъ выслушиваетъ шайну; попомъ, обращаясь къ народу, говоритъ: *нѣтъ ничего полезнѣе, но и нѣтъ ничего несправедливѣе Θемиспоклова намѣренія.* Всѣ единогласно повелѣваютъ сему послѣднему опспупишъ опѣ его намѣренія. Такъ цѣлый народъ, вѣря совѣсти одинаго мужа, опрекается опѣ великихъ для себя выгодъ; и, подобно мудрому и добродѣтельному судіи, внимаетъ шолько гласу строгаго правосудія.

Имѣющѣ ли народы доспойные вѣнцы и награды для увѣнчанія шакихъ добродѣ-

пелей? Онъ приемлеть по крайней мѣрѣ самое лестное для его сердца возмездіе. На пѣхъ играхъ, на пѣхъ позорищахъ, на которыхъ спевалась вся Греція, представляющъ лице испинно добродѣтельнаго мужа, *не по одной наружно ти, но по дѣламъ и мыслямъ.* Дѣйствіе перерывается, и въ безмолвномъ умиленіи всѣ взоры обращаются на Аристида.

Правда, что онъ терпѣлъ изгнаніе; но въ его опечесствѣ изгнаніе было для великихъ мужей бѣдствіемъ и славою, опредѣленными закономъ. И по истина, что великій жилъ и умеръ въ бѣдности; но бѣдность служила для него оградою и украшеніемъ добродѣтели, и мы должны о томъ мыслить, какъ его сограждане. У него былъ богатый родственикъ, обвиненный и судимый за то, что не извлекалъ изъ крайней бѣдности безкорыстнѣйшаго мужа въ Афинахъ. Самъ Аристидъ предспалъ въ судъ съ вѣрнымъ за себя свидѣтельствомъ, что отвергалъ обогащеніе, и Афиняне прекратили дѣло, говоря: *лучше быть какъ Аристидъ бѣднымъ, нежели какъ Калліасъ богатымъ.* Смиранный кровъ и бѣдное одѣяніе довольствовались Аристида; и онъ оставилъ опечесству великую честь заплащивъ издержки его погребенія и выдать приданое за его дочью.

По сему случаю представляюща мнѣ размысленія. Вѣкъ и опечесво изображеннаго мною мужа опличались швердою простотою нравовъ и великодушною опкровенностію мыслей. Но крѣпосць нравовъ мѣшалась тогда съ первобытною упрюгосптію народовъ, которые не смирялись предъ обязанностями гражданскаго общежитія; благородная возвышенность духа почерпалась болѣе изъ порывистыхъ но здравыхъ склонностей природы, нежели изъ правилъ нравоученія, еще слабого и неопредѣленнаго. Духъ Ариспида сошворенъ былъ на то, чшобы дѣйствовать счастливишимъ образомъ на шропшивосць народа, и на ходъ просвѣщенія. Изъ его крошкой души, изъ его нравшвеннаго совершенства происпекала нѣкоторымъ образомъ небесная благосць, которая очищала и возвеличивала добродѣтели шого вѣка, подобно какъ швяшосць учрежденій Нумы смягчала шврѣпый духъ грубыхъ Римлянъ.

Но добродѣтели великихъ мужей приобрѣтающъ право на владычество только въ младенчествѣ народовъ. Когда сіи народы достигли до крайняго предѣла гражданскаго образованія; шо вкорененные силою времени пороки и безпорядки входящъ въ сосшавъ государшвеннаго шѣла, и какъ нравшвенный, шакъ и политическій порядокъ испровергающъ намбренія мудрыхъ.

Тогда добродѣтель идетъ въ цѣли съ величавою горделивостію и не рѣдко осплавляетъ только народамъ память великаго примѣра.

Въ послѣднія времена Римской республики явился смертный, котораго Нобъ низпослало, казалось, на землю, чтобы возвысить достоинство человеческой природы и показать единожды, какъ далеко можетъ проспираться добродѣтель. Сей вѣрный Римлянинъ, сынъ опечесства и гражданинъ міра, напшанный споческими правилами, которыя никогда не превышали его душевной крѣпости, увидѣвъ, что жребій народовъ зависитъ отъ судьбы его опечесства, и что его опечесство лишается свободы и добродѣтелей: и во всю жизнь свою, прудясь для блага общаго, болѣе нежели Кесарь для своего счастія, опровергая въ Сенатѣ зловредныя мысли, среди мяшежей народныхъ не измѣнялся въ спокойствіи духа; добываясь чиновъ и мѣстъ, чтобы удалилъ отъ нихъ злодѣевъ недоспойныхъ, онъ дерзнулъ, единый мужъ въ мірѣ, стоять противъ преклонности нравовъ и спремленія происшесвій, которыя увлекали вселенную. Ему предназначена была другая слава, оправдать спрогую добродѣтель, не искусную, по мибнью несправедливыхъ клеветниковъ, въ управленіи государствъ и людей. Кто другой изъ Римлянъ его

времени зналъ лучше пользу своего опечесства? Капонъ не мыслилъ совокупить древнее равенство гражданъ съ владычествомъ цѣлаго міра. Чшобы утвердить въ опечесствѣ свободу, онъ спарался возвратить свободу другимъ народамъ. И кшо другой предупреждалъ скорѣе насоящее зло, предусмапривалъ далѣе грозившее бѣдствіе? Онъ шелъ прошивъ излишней власпи, присвоенной Помпеемъ, противъ народолубивыхъ ласкашельствъ хипраго Кесаря; между ими обоими поставлялъ Красса, сильного соперника, и не сполько ихъ раздора, сколько ихъ согласія ужасался. Ни одно намѣреніе искуснѣйшаго изъ враговъ его и враговъ народа не укрывается отъ сего истиннаго сына опечесства; онъ осперегаетъ народъ, Сенатъ, другихъ совмѣстниковъ, и вездѣ отпрѣзываетъ ему пуши къ славѣ, какъ сильнѣйшіе способы для его чесполобїя. Кажется, въ лицѣ двухъ Римлянъ сражаются въ послѣдній разъ духъ добрый и духъ злый республики. Никшо не вѣрилъ тому, и Римская свобода погибла; но Сенатъ отдалъ ему справедливостъ, чшо одни его совѣшны всегда клонились ко благу опечесства: безъ сана и достоинства, у него опнятаго, безъ успѣха въ дѣлахъ, предпринятыхъ съ чистою любовію къ опечесству, не для суешной славы, сей мужъ, кажется, всего лишился до послѣднихъ по-

чеспей, воздаваемыхъ добродѣтели; взгляните же, какъ его добродѣтель поржеспвуетъ въ Римѣ, въ семъ великомъ и разврашномъ градѣ, куда спекались всѣ пороки со всѣми богашспвами покоренныхъ народовъ; не лъзя опровергнушь его свидѣтельсшва въ судѣ, и мнѣнїяхъ, не обличивъ себя въ несправедливости; его нечаянное явленїе прерываетъ безспыдныя позорища Римлянъ; и предстоящїе свидѣтели объявляютъ его мудрымъ и непобѣдимымъ, въ шу минушу когда онъ бѣжидъ передъ Фарсальскимъ побѣдиделемъ. Не успрашимѣншїй мужъ ешъ и самый чувспвительный, и самый крошкїй, когда можешъ бышь крошкимъ, не измѣняя своему долгу и не уклоняясь ошъ пуши, на которой указано ему богами. Никогда во дни юности онъ не вкушалъ обѣденной пици безъ своего брата; во время брани междоусобной одѣвался во всегдашнїй прауръ; вознамѣрившись умерепъ, занимаешся судьбою друзей своихъ; вмѣстѣ съ нѣжною о нихъ заботливоспїю ему предспавляющся мысли о вѣчности и безмертїи добродѣтельныхъ въ пишинѣ послѣдней ночи; наконецъ онъ опходидъ ошъ жизни подобно человѣку, который совершилъ послѣднее дѣло свое, и спокойно къ пославшему его возвращается.

Лакретель. В. Из.

Завѣщаніе холостяго старика.

Честный и добрый Ландау скончался холостѣмъ на 87 году жизни. Смерть его была тиха и покойна, подобно его жизни; и погребеніе происходило также порядочно, какъ прошекали всѣ дни добродѣтельного старца. По его повелѣнію, всѣ обыкновенныя издержки при сихъ случаяхъ были заплачены въ шрое болѣе, такъ что люди, упошребленные при обрядѣ похоронѣ, оспались чрезвычайно довольны. Престарѣлая его служанка одинъ разъ плакала, когда онъ скончался; передъ выносомъ шѣла она снаралась заплакать въ другой разъ, и говорила много о вѣчномъ блаженствѣ, его ожидающемъ. Племянникъ и наслѣдникъ его въ черномъ кафтанѣ и съ чернымъ флеромъ на рукѣ и на шляпѣ проводилъ его до послѣдняго жилища, угостилъ дома прибѣжавшихъ отдашь послѣдній долгъ покойнику, хвалилъ своего дядю, его честность, его бережливость, его любовь къ порядку, и наконецъ желалъ, *по его словамъ*, наслѣдовать послѣ дяди крѣпкое сложеніе и здоровье, которому имѣлъ случай не одинъ разъ завидовать.

И такъ все происходило съ порядкомъ и благоприспособленностію при обрядѣ погребенія, и каждый возвратился съ похоронѣ

съ шѣмъ мирнымъ чувствомъ, которое всегда рождается въ душѣ нашей, когда мы видимъ, что вещи идутъ своимъ порядкомъ и чередою, какъ идти имъ должно.

Оставленное завѣщаніе распечатали. Покойникъ назначалъ для служанки своей такое щедрое награжденіе, что она почла себя по совѣсти обязанною заплакать о немъ въ прешій разъ. Онъ опіказывалъ 4000 червонцевъ бѣднымъ невѣстамъ въ приданое, и нѣсколько другихъ суммъ для раздачи отдаленнымъ родственникамъ. Наконецъ, въ заключеніе, онъ обращался къ племяннику слѣдующимъ образомъ:

Любезный племянникъ!

Не далеко то время, въ которое должно мнѣ обратиться отъ домашняго спокойствія къ пишинѣ могильной. Я привелъ дѣла мои въ порядокъ, и ожидаю безъ неперѣнія и безъ страха роковаго часа, но ожидаю не безъ сожалѣнія. Не такъ пропекла долговременная жизнь моя, какъ бы желалъ я. Съ горестію думаю, что видя меня опіравляющагося на потѣ свѣтѣ, никто не пожелаетъ долѣе удержатъ меня въ семъ мѣрѣ, и никто не выронитъ слезы на мою могилу. Безъ сомнѣнія горестно оставляшь по смерти неуѣбно плачущихъ друзей; но какъ больно не видашь ни одного чело-

вѣка въ мѣрѣ о насъ сожалѣющаго? Не прѣбую, любезный племянникъ, чѣобы ты извѣялялъ горесть копорой никто не повѣришь, и сожалѣнїе на копорое не имѣю права. Желая только, чѣобы провожая гробъ мой, ты не показывалъ радости корыстолюбивыхъ наслѣдниковъ, и чѣобы печальный обрядъ происходилъ съ порядкомъ и благопрїстойностїю. Послѣдній конецъ сей — конецъ всѣхъ насъ ожидающій — долженъ совершиться съ важностїю торжественною. Имѣю довѣренность къ своему разсудку, и надѣюсь, чѣто видъ твой не оскорбитъ нѣжностї, но представитъ наружностъ человека распроганнаго, если не сожалѣнїемъ, то по крайней мѣрѣ благодарностїю.

Не сомнѣваюсь такъ же, любезный племянникъ, въ исполненїи того условїя, съ копорымъ оставляю тебѣ мое имѣнїе; условїе то, чѣобы ты женился. По взятымъ мною мѣрамъ, ты лишишься всего наслѣдства, если останешься безбрачнымъ. Не удивляйся сему условїю, не удивляйся и тому, чѣто я отпказалъ 4000 червонцевъ для выдачи приданнаго бѣднымъ дѣвушкамъ. Въ семъ случаѣ слѣдую примѣру многихъ холостыхъ людей. Не выполняя важнѣйшей обязанности жизни, они хопяшь по крайней мѣрѣ вглядитъ вину свою, доказавъ, чѣто имѣ-

ли основательныя причины не вступать въ супружество; спараюшя преклонить другихъ ко браку, и оставляющъ имѣнїе, копорымъ одни пользовались въ жизни съ шѣмъ договоромъ, чшобы ихъ наслѣдникъ раздѣлилъ его съ подругою. Такъ мое за-вѣщанїе естъ только слѣдствїе того объ-та, того побужденїя, копорое природа вложила въ сердца наши.

Передъ тобою менѣ всѣхъ другихъ долженъ я извиняшя въ томъ, чшо не женился; не смотря на шо, принесу мое оправданїе, ибо одинокая жизнь моя можетъ бышь несправедливо располкована.

Не думай, чшобы я прожилъ на землѣ человекомъ нечувствительнымъ къ прекрасному полу и къ сладкимъ движенїямъ любви супружеской и опеческой, хопя я не былъ ни опцемъ, ни супругомъ. Я испыталъ всю силу шой склонности, копорая влечетъ сердце наше къ любезнѣйшей половинѣ рода человѣческаго, и съ юныхъ лѣтъ пылалъ я любовною спраснїю. Мнѣ памяшны шѣ часы, въ копорые, не смотря на разлуку съ милою женщиною, я былъ не одинъ, бесѣдовалъ съ ея образомъ, наслаждался блаженствомъ какъ бы въ ея присутствїи. Мое воображенїе предспавляло мнѣ тогда домашнее счастье въ обя-

пїяхъ супруги окруженной нашими дѣшми, какъ первое благо, какъ истинное значенїе человека. А дѣши, дѣши! . . . я любилъ ихъ спрасшно; я подбѣгалъ къ окну, когда слышалъ на улицѣ шумъ ихъ игры; я слѣдовалъ взоромъ за рѣзвою ихъ шолпою съ такимъ удовольствїемъ, котораго описать не умѣю. Рожденїе младенца въ семействѣ прияшеля возбуждало во мнѣ сердечное восхищенїе; я бралъ на руки невиннаго пшнца, съ ушѣшенїемъ смотрѣлъ на него, и по цѣлымъ часамъ носилъ на рукахъ, предспавляя себѣ счастье опцовское. Помню и шеперь, какъ въ прелестныхъ мечпахъ моихъ воображалъ себя перерождающагося въ дѣшяхъ, и симъ счастьемъ обязаннаго милой супругѣ; какъ мысленно ожидалъ рожденїя перваго младенца, радовался нареченнымъ при крещенїи именемъ; любовался его чертами едва видными, но всегда для опца прияшними; какъ предспавлялъ себѣ въ каршинѣ общее удовольствїе домашнихъ, привѣшствїя ихъ новорожденному, поздравленїя прияшелей, опкрышїе сходшва въ младенцѣ съ опцемъ или машерью, и всѣ шѣ удовольствїя, которыя приносяшѣ родителамъ первыя ласки и первыя игры подросташающаго дшпши. Какое веселїе видѣшь его младенческаго рѣзвосши! Съ начала онъ ползаетъ на рукахъ и на ногахъ; потомъ выучасъ

держаться на своихъ ноженкахъ, пропягиваетъ ручки къ отцу или къ матери; и когда его дѣтскія шалости развеселяютъ всѣхъ домашнихъ; когда онъ приноситъ къ вамъ игрушки свои, чтобы вы хвалили ихъ, и подобно ему радовались ими; когда вы можете сдѣлать его на весь день счастливымъ, подаря ему бездѣлку; даже когда онъ приходитъ со слезами претерпѣвшаго утѣщенія въ дѣтскихъ печаляхъ, или убогахъ, вы ласкаете его, и веселились имъ; изъ глазъ его каплютъ слезы на круглыя щеки, а прекрасный рожица улыбается; такъ, самыя слезы моего младенца и удовольствіе перемѣнили ихъ въ улыбку сославляя въ моемъ воображеніи часть домашняго счастья. Чѣмъ болѣе размышлялъ я о жизни, тѣмъ сильнѣе было во мнѣ желаніе окружить себя предметами сердечнаго участія, украситъ мое бытіе дѣйствіемъ прекраснѣйшихъ склонностей природы. Есть ли другой лучшій способъ расширить нашъ кругъ дѣятельности и наслажденія? Любовь, надежда, самый страхъ должны попеременно волновать сердце человѣческое, чтобы не пропекали дни наши въ печальномъ единообразіи. Для избѣжанія сего несноснаго единообразія человѣкъ занимается тысячами бездѣлокъ, тысячами мѣлочей: одинъ играетъ въ шашки; другой правитъ невинныхъ зайцевъ; шопъ

учить пиццѣ насвистывать пѣсни; иной строить фабрики; шопѣ сочинять планы, а ешопѣ книги. Сїи разные способы пропивѣ скуки совсѣмѣ мнѣ не нравились. Разбирая истинныя пользы и удовольствїя жизни, я находилъ, что вѣрное и лучше благо есть состоянїе опца и супруга. Имѣя жену, дѣшей, ввѣренныхъ нашимъ попеченїямъ, мы чувствуемъ ежеминутно, что наша жизнь не бесполезна, что наши пїруды имѣютъ вѣрную цѣль, и что насъ ожидаетъ награда бытъ правдѣдами многочисленнаго попомсшва.

И такъ не было моего намѣренїя опспаться холоспымъ; и если я провелъ жизнь мою безъ супруги, то не собспвенная воля моя, а несчастїе вѣ любви было причиною сего одинокаго состоянїя. Ахъ! я любилъ искренно, и любовь моя основывалась на добродѣтели; ибо я желалъ шолько бытъ добрымъ супругомъ и добрымъ опцомъ семейсшва. Но судьба расположила иначе.

Любезный племянникъ! семь разъ я влюблялся; и мнѣ неудалось однако же найти себѣ жены! Моя первая склонность, одна доспойная сожалѣнїя и копорая одна извлекаетъ еще слезы изъ глазъ моихъ, имѣла предметомъ крошкую, невинную дѣвущку; я любилъ ее какъ любяшъ первый

разъ въ жизни; она любила меня также нѣжно; и смерть ее похитила. Я готовъ былъ слѣдовать во гробъ за нею. Никогда не забывалъ я сего ангела; ея память еще въ моемъ сердцѣ. Нѣтъ дня, въ которой бы не представлялъ себѣ ея образа. Сей образъ веселилъ мою душу, какъ лучъ солнечный радуешь мои глаза и согрѣваетъ мою кровь.

Я не умеръ и утѣшился; одно есть слѣдствіе другаго. Черезъ нѣсколько лѣтъ горести и равнодушія я плѣнился блонкурой красавицей, старался всячески ей понравиться, и казалось, успѣлъ въ томъ. Она отвѣчала ласкою на мои ласки; иногда шомно вздыхала, краснѣлась, и пошупляла взоры, когда я говорилъ о любви. Въ назначенная мнѣ подруга, думалъ я съ восхищеніемъ, и объявилъ ей спросъ мою. Съ перваго слова она перервала меня, увѣряя въ ея нѣжной дружбѣ, и въ заключеніе открыла мнѣ давнишнюю свою склонность къ молодому человѣку, который одинъ, по ея словамъ, имѣлъ и будетъ имѣть всѣ права на ея руку и сердце.

Отказавшись противъ воли отъ блонкурой красавицы, не лишился я надежды всупитъ въ счастливое супружество, и началъ искать въ прешей молодой дѣвуш-

кѣ рѣдкой красоты. Амелія — это было ея имя — гордясь своимъ умомъ и красою, думала только о новыхъ побѣдахъ, и спыдилась жить для счастья одного чело-вѣка. Пока я говорилъ о любви, она пер-лѣла меня; но какъ скоро упомянулъ о бра-кѣ, меня выгнали. Я возвратился домой со внутреннимъ неудовольствіемъ; но бывъ пѣнень ея красою, а не достоинства-ми, чувствовалъ я болѣе досады нежели горести. Опъ досады и гнѣва чело-вѣкъ задыхаешся; и открывъ у себя окошко, чшобы перевести духъ свободнѣе, и глаза мои невольно обратились на улицу. Вдругъ черноволосая, спройная и пригожая дѣвушка представилась моимъ взорамъ; лице ея давно мнѣ было знакомо; только я не смо-прѣлъ никогда на нее приспально. На пошъ разъ спанъ и ловкость ея возбудили мое вниманіе, и подобно молніи блеснула въ моей головѣ мысль опплатить гордой Амеліи холодноспію, начавъ пошъ часъ служить другому предмету. Сія мысль сдѣлалась скоро рѣшителнымъ намѣрені-емъ, и по обыкновенію украсилась всѣми мечшамн счапливаго брана. Я познакомил-ся съ нею; посѣщаль ея всякой день, и не упускаль случая показывать ей мое жела-ніе. Казалось, что она была согласна съ моимъ шайнымъ расположеніемъ; какъ вдругъ ея родители объявили мнѣ, что они

поспавляюшѣ себѣ за честь принимашѣ меня въ своемѣ домѣ, просяшѣ продолжашѣ мои посѣщенія, и бышѣ другомѣ ихѣ дому; но считаюшѣ за долгѣ сказать мнѣ, что дочь ихѣ давно обручена богатому иногородному жителю, что они ожидаюшѣ его со дня на день, и что я не подамѣ конечно повода къ ревности и ссорѣ. Моя мысленная невѣспа дала мнѣ почувствовать, что она предпочла бы меня, но должна повиноваться опцовской волѣ. Женихѣ приѣхалѣ; онѣ былѣ молодѣ, хорошѣ, любезнѣ; и я увидѣлѣ, что моя красавица повиновалась безѣ пруда волѣ родителей.

Ты повѣришь, что я сдѣлался робкимѣ и недовѣрчивымѣ послѣ многихѣ неудачѣ, едва смѣлѣ я взглянуть на женщину, боясь снова влюбиться; но скоро страхѣ исчезѣ, и я влюбился не шутя. Спрасть моя была сильна, и при томѣ боязлива такѣ, что я не смѣлѣ говорить о любви шой, которая была ея предметомѣ. Три раза въ день проходилѣ мимо ея дома; и когда она сидѣла у окна, кланялся ей до земли съ видомѣ нѣжности и почтенія. Съ нѣкотораго времени она показывалась чаще передѣ окномѣ своимѣ, и я замѣшилѣ, что увидя меня издали, она выходила на балконѣ, откуда отвѣчала всегда улыбкою на мои поклоны. На верху счастья, спа-

рался я имѣшь входѣ въ жилище красавицы; какъ въ одинъ день, проходя мимо ея окошекъ, слышалъ я, что она громко хохочетъ и говоритъ: „Подойди, мой милый, „и взгляни на ешаго низкопоклоннаго обожающаго; ты увидишь пресмѣшнаго чело- „вѣка!“ Молодой челоуѣкъ подошелъ къ окну, обнялъ ее одною рукою, и долго съ нею смѣялся, провожая меня глазами. Я спѣшилъ скорѣе домой, и наконецъ узналъ, что сей молодой челоуѣкъ женился на ней за два дни передъ тѣмъ. Такое странное приключеніе, весьма для меня оскорбительное, принесло мнѣ однакожь новую силу и храбрость. Положивъ рѣшительно не вѣрять уже сердцу и жениться, чего бы оно ни стоило, я вошелъ въ общество молодыхъ дѣвушекъ, и замѣтивъ ту, которая мнѣ болѣе другихъ нравилась, просилъ у нее позволенія переговорить съ нею наединѣ; она согласилась. На другой день явился я къ ней съ вопросомъ: свободны ли вы? Свободна, отвѣчала она, и совершенно независима. — Угодно ли вамъ принять мое сердце и мою руку? — Очень согласна, сказала она съ улыбкою, и подала мнѣ руку. На сей разъ я почиалъ уже себя вѣрно женатымъ; но сѣе взаимное обязательство, скоро заключенное, скоро и рушилось. Мнѣ больно рассказывать тебѣ подробности сего дѣла. Къ счастью моему,

передъ самымъ вѣнцомъ спирьлось, что она . . . короче сказать, она была не вѣрна, и благодаря Бога, не была еще моею женою.

Теперь вижу, думалъ я самъ въ себѣ, что женишба пребуесть оспорожности; надобно узнать коротко ту, съ которою хочешь проводить вѣкъ свой; испытанемъ счастья еще одинъ разъ. И такъ въ седьмой разъ будучи умнѣе и основательнѣе, выбралъ я молодую дѣвушку, хорошо воспитанную, которая не знала еще любви. Я примѣчалъ за нею безпрестанно, слѣдовалъ за ея поступками, вслушивался въ ея разсужденія, и послѣ четырехлѣтняго внимательнаго наблюденія готовъ былъ открытъ ей мое намѣреніе; какъ вдругъ, совершенно неожиданно, перехватилъ ее у меня такой человекъ, который съ нею четыре недѣли назадъ только познакомился. —

Этотъ опытъ былъ послѣдній. Послѣ этого я не могъ рѣшиться возобновить любовныя исканія. Я любилъ еще женщинъ, но любилъ съ недоувѣрчивостію и въ молчаніи. Когда неудалось мнѣ въ молодости найши себѣ подругу, могли ли я ласкать себя въ пятьдесятъ лѣтъ надеждою быть любимымъ?

Я выспроилъ и убралъ для себя уединенный домикъ; шамъ спарался сдѣлать жизнь мою сколько возможно приятною. Но до сей цѣли достигнуть не могъ; мой домъ, мой садъ, мое имѣнiе, все казалось мнѣ чужимъ, а не моимъ собственнымъ, ибо я не имѣлъ никого, съ кѣмъ бы могъ наслаждаться и дѣлиться сими благами. Для разсѣянiя началъ я выработывать деньги. Но для чего и для кого былъ мой трудъ, и мой скопъ денегъ? Довольно богатъ я и безъ того. Я раздавалъ деньги бѣднымъ; но бѣдный благодарилъ, а не любилъ меня. Одна гордость моя была удовлетворена.

Иногда смертельная грусть поселялась въ моемъ сердцѣ, когда я смотрѣлъ на мой домъ, на мой садъ, на мое золото. Тотъ, кому надлежало всѣмъ ешимъ владѣть, былъ мнѣ чуждъ или неизвѣстенъ. Тебя еще не было на свѣтѣ, любезный племянникъ. Когда ты родился, я узналъ своего наследника, и слѣдственно избавился одной лишней заботы; но другая забота заснула ея мѣсто. Я посковалъ о томъ, что ты не имѣлъ ко мнѣ никакой привязанности, никакой благодарности за труды мои для приумноженiя твоего имѣнiя. Не я даровалъ тебѣ жизнь; не я оплакалъ твое младенчество; не я образовалъ тебя въ юношескихъ лѣтахъ. Какую признаешь-

ношь могъ пы имѣшь ко мнѣ за оставленіе тебѣ имѣнія, котораго не лзя мнѣ унести съ собою? Кто знаетъ, говорилъ я съ горестію, не покажешь ли ему жизнь моя слишкомъ долговременною? Прости мое подозрѣніе; за то наказанъ я былъ сердечною поскою. Дни мои протекали безъ радости. Со всѣми способами наслажденія я ничѣмъ не наслаждался, и среди избытка находился въ нищетѣ; ибо не имѣлъ единственнаго блага, котораго желало мое сердце. Въ опечесствѣ жилъ я какъ странникъ мимо идущій, и по себѣ слѣда не оставляющій; а въ домѣ какъ гость на часъ посѣпившій чуждое ему семейство. Сколько ни старался дѣйствовать, мыслить, заниматься, благопворить ближнему, глубокое одиночество пягошило душу мою среди домашняго уединенія. Нѣкопорый ужасъ волновалъ мою внупренность, когда раздавался въ безмолвныхъ комнатахъ шопотъ ногъ моихъ; иногда я оглядывался съ надеждою и страхомъ, какъ будто бы нѣкто слѣдовалъ за мною; а сіе мысленное существо мною ожидаемое была подруга, о которой не переставалъ мыслить, хотя осужденъ былъ судьбою не имѣть ее. Я рѣшился уже не искать супруги; спарось лишила меня надежды быть любимымъ, а сердце желало любви взаимной. Между шѣмъ помное чувство надежды прие-

носило мнѣ новыя мечпанія. Вопреки моему намеренію, воображеніе дѣйствовало. Наединѣ мыслилъ я о тѣхъ женщинахъ, на которыхъ могъ прежде, или тогда женишься; и картина того счастья, котораго судьба меня лишала, оправляла послѣднія удовольствія въ жизни.

Между тѣмъ годы пропекали печально, и мнѣ минуло 70 лѣтъ. Я началъ мою исповѣдь; надобно докончить ее. Безпрестанно мечтая о женщинахъ и о супружествѣ, я сдѣлался игралищемъ моихъ мечтательныхъ обольщеній. Наскучивъ пустошю и одиночествомъ, я возвратился въ общество. Присутствіе молодыхъ красавицъ увлекало меня противъ воли; я ласкался къ нимъ, не смотря на мои лѣта, вмѣшивался въ ихъ игры, и позволялъ себѣ влюбляться; но скоро увидѣлъ, что старой волокиты былъ предметомъ насмѣшекъ. Онѣ осмѣивали мои сѣдые волосы, мои длинныя камзолы, мои кружевные манжеты; нарочно заводили меня въ свои игры, и веселились мною какъ шуткомъ. Спыдая такой оскорбительной роли, я возвратился въ гнѣздо свое, и къ жизни сообразной съ моими лѣтами. Но признаюсь ли себѣ? До сихъ поръ (а мнѣ уже 81 годъ), не могу расстаться съ надеждою быть женатымъ. Не удивляйся, любезный пле-

мяшикъ; такая безразсудность есть дѣйствіе всесильной склонности, которую природа вложила въ сердце челоуѣка. Всѣ мы чувствуемъ нужду имѣть у себя добрую и умную подругу, чѣобы дѣлишь съ нею судьбу нашу, сообщаясь мыслями и чувствами. Ахъ! безъ сего утѣшенія жизнь моя протекла какъ тяжелое сновидѣніе. Я имѣлъ знакомыхъ и приятелей, но въ нѣкоторыхъ лѣтахъ самыя приятельскія связи не безъ труда сославляючися; кто могъ бы вамъ быть по сердцу, тотъ имѣетъ свои связи, свои обязанности, свои отношенія; и вы кажешесь ему въ уединеніи вашемъ челоуѣкомъ холоднымъ, словомъ: эгоистомъ, который не умѣлъ или не могъ ни съ кѣмъ ужиться въ мірѣ. Молодой челоуѣкъ! спѣши избрать достойную подругу! . . . Когда въ глубокой спарости хотѣлъ я заняться дѣльми, они удалялись отъ меня, какъ я примѣшилъ съ горестію. Младенецъ привыкаетъ къ опцовскимъ морщинамъ; а мои на лицѣ морщины пугали дѣшей. Посѣщая одного сосѣда и приятеля, я приносилъ полныя карманы вишень, абрикосовъ, персиковъ, конфекшовъ; при входѣ дѣли бросались ко мнѣ; а когда карманы мои становились пуспы, они опходили отъ меня однѣ послѣ другихъ, и не возвращались уже ко мнѣ. Признаюсь себѣ, все что доказывало мнѣ, что я любимъ не для

самого себя, меня огорчало чрезвычайно... Я заключился снова въ домашнемъ уединеніи. Но шамъ посѣпили меня новыя домашнія прискорбія. Служанки подвергали мое самолюбіе разнымъ оскорбленіямъ; по ихъ словамъ, все было *довольно хорошо для выжившаго изъ ума старика*. Однажды услышалъ я даже, что одна говорила другой: *пора бы и умереть ему*. Въ досадѣ и негодованіи едва не побилъ я служанки. Сколько разъ видалъ я, какъ молодыя дѣвчонки пересмѣхались между собою, когда я надѣвалъ парикъ передъ зеркаломъ! Наконецъ я согналъ всѣхъ молодыхъ, и нанялъ старыхъ служанокъ. Епи не кричали на меня, но по цѣлому дню ворчали, и жаловались на спарость, чшобы имѣшь оправданіе для своей лѣносши.

Никогда не переспалъ бы я говорить, если бы надлежало мнѣ пересказать тебѣ все, что лежишь у меня на сердцѣ. Но ты видишь, что я имѣю основательныя причины пребывать для своего счастья, чшобы ты женился, и что мой совѣтъ или мое условіе ешь лучшее наследство, кошорое тебѣ оставляю.

Прими мое благословеніе и мое искреннее желаніе, чшобы ты наслаждался долго и приятно оставленнымъ тебѣ имѣніемъ

съ прекрасною, чувствительною и добродѣтельною подругою, которая принесла бы тебѣ множество милыхъ дѣточекъ. Мое бѣдное сердце, изнуренное тоскою и одиночествомъ, бьется еще отъ радости при сладкой и утѣшительной мысли, что счастливые супруги и веселое семейство будутъ обитать подъ тою кровлею, гдѣ я провелъ жизнь въ одиночествѣ. Старайся вѣрять въ дѣпей своихъ тѣ правила, которыя тебѣ оставляю; шверди имъ, что въ нѣкоторыхъ лѣпахъ мущина холостой не можешь быть счастливъ. Какъ я не могу судить о чувствахъ женщины, то и не говорю ничего дочерямъ своимъ, которыя не могутъ при томъ выходить за мужъ по ихъ желанію; но мужчины должны пользоваться моимъ примѣромъ и выбирать себѣ подругъ: тогда мало останется женщинъ незамужныхъ.

Твой пресварълой и добрый дядя

И. Ландау.

(Съ Нѣмец. В. Ш.)

Представленіе олъ алфавитныхъ литеръ къ Арабскимъ цифрамъ.

Давно вы пользуетесь правомъ исчислять сокровища и богатства міра, и безъ

сомнѣнія !доля ваша есть самая блестящая. Вамъ не надлежало, по ложному честолюбію, захватить владѣнія словесности, намъ исключительно принадлежащаго. Позвольте представить вамъ наши права и свидѣтельства.

Замѣчаемъ съ начала, что насъ бываетъ отъ тринадцати пяти до двадцати четырехъ, а васъ только десять; и то между вами есть нуль, который по себѣ ничего не значить. Еслибъ мы хотѣли распространиться далѣе, то могли бы напомнить вамъ, что, по свидѣтельству Порфирія и Пифагора, число *два* есть вредное и зло предзнаменующее; но щадя васъ великодушно, замѣшимъ только, что мы имѣемъ въ пользу свою древность, и что мы славимся уже на шеапрѣ мѣра, когда вы еще не родились.

Въ лѣто 2620 отъ сотворенія мѣра, Кадмъ, отецъ нашъ, ввелъ насъ въ Грецію. Двѣсти лѣтъ поздиѣ, Евандръ представилъ насъ Царю *Лаціума* съ такимъ успѣхомъ, что *Латинъ* далъ Евандру въ награжденіе обширныя владѣнія, гдѣ онъ и поселился съ Аркадцами. Просимъ замѣшить, что ваше рожденіе было двумя тысячами лѣтъ поздиѣ нашего; на чемъ основывается безспорно право нашего старшинства и преимуществва.

Въ родословной книгѣ вашей вы не можете указать на такихъ мужей, каковы Кадмъ и Евандръ. Вы обязаны вашимъ происхожденіемъ дикимъ ордамъ, населявшимъ берега Нигера; опцами вашими были Арабы и Мавры; и васъ ввели въ Европу Тунисскіе и Марокскіе разбойники.

Намъ поручили Гезіодъ и Гомеръ произведенія ихъ шворческаго разума для преданія попомспву; и мы ласкаемъ себя надеждою, что исполнили со славою великое порученіе. Насъ уважали въ прекрасный вѣкъ Александра, и въ другой прекраснѣйшій вѣкъ Августа. Съ блескомъ являлись мы въ Италіи при Леонѣ X, во Франціи при Лудовикѣ XIV и въ Россіи при Екашеринѣ II, какъ и нынѣ при Ея доспойномъ Внука. Вы были неизвѣстны Димосѣену, Цицерону, Софоклу, Виргилію; и вамъ самимъ не безвизвѣстно, что Аріосъ, Тассъ, Босюешъ, Фенелонъ и Боало насъ предпочитали.

Правда, вы можете обратиться на насъ оружіе упрековъ, и сказать, что мы служили раболѣпно исполнителями и переводчиками безразсудныхъ и нелѣпыхъ мнѣній, распространенныхъ во всѣхъ вѣкахъ, а особливо въ послѣднемъ вѣкѣ о полишикѣ, морали и лиштпешурѣ. Безъ насъ, мо-

жетъ бытъ, многіе посредственныя пошты довольствовались бы участью бытъ честными ремесленниками, или добрыми мѣщанами; кто пишеть драмы, трагедіи и романы, пошты шилъбы плашья или башмаки, что было бы очевиднымъ образомъ полезне для гражданскаго обществва. Безъ насъ можеть бытъ не было бы ученыхъ сословій, ученыхъ бесѣдъ, ученыхъ споровъ, а особливо ученыхъ ссоръ, споль вредныхъ для истинной учености. Мы обвиняемъ себя охотно въ томъ, что подали поводъ къ *Энциклопедіи*, къ нѣсколькимъ *конституціямъ* въ революціонное время, къ Наполеонову *Кодексу* и наконецъ къ нѣкопорымъ *сочиненіямъ* въ пользу и противъ Славянскаго языка. Видите, что мы не скрываемъ нашей вины; но знаете сами, что люди употребляютъ во зло лучшія вещи въ мѣрѣ ошъ мудрости до свободы, копорыхъ не лзя не признашь выгоды и преимуществва.

Можемъ отвѣчать вамъ, что и ваши выкладки принесли много зла, и много обманывали людей. Не лзя имѣшь къ вамъ полной довѣренности. Если бы кто усомнился въ томъ; то надлежало бы сполько привести ему въ примѣръ опчеты извѣстныхъ казначеевъ, провіаншскихъ начальниковъ, министровъ, каковы *Неккеръ* и

другіе ему подобныя. Прибавимъ, что ваши ошибки имѣютъ слѣдствія важнѣйшія нашихъ; ибо вамъ извѣстно, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ малѣйшій промахъ въ финансахъ почитается опаснѣе величайшаго заблужденія въ морали.

Мы знаемъ, правда, что вы находитесь въ союзѣ и родствѣ съ линіями прямыми и линіями кривыми, что съ вами доходятъ до вычисленія *безконечно малаго*, которое подобится прерывающему небу человеческого разума. Мы не хотимъ, по общему примѣру, обвинять математиковъ въ томъ, что они испортили вкусъ и нравы, и не всегда съ нами совѣшались; и хотя, по всей вѣроятности, случилось бы въ мірѣ нѣчто гораздо важнѣйшее того, что мы видѣли.

Соглашаемся также, что цифрами и линіями изяснить можно великіе предметы морали. Прямая линія, вопреки всѣмъ возраженіямъ, означаетъ гнѣвъ и ненависть, прямо въ глаза бѣгущія; удовольствіе доходитъ всегда по линіи кривой, а зло добирается до насъ по линіи прямой: сіи математическія истины всѣмъ извѣстны. Знаемъ, что можно сочинить трактатъ о счастіи на языкѣ алгебраическомъ, что не лзя имѣть понятія о счастіи безъ Алгебры, и что можно, слѣ-

дую одному новѣйшему писателю, дать ясную идею о глаголахъ существительныхъ и прилагательныхъ знаками $a\ b + = x$. Признаемся, что есть возможность, подобно извѣстному сочинителю Трапшпа о счастья, извяснить человѣческое сердце геометрическими задачами и рѣшеніями. Можетъ быть философія двинулась бы далеко впередъ, еслибъ вы раздѣлили спрашти человѣческія на спрашти *прямолинейныя*, на спрашти *треугольныя*, на спрашти *овальныя* и *осьмиугольныя*: но согласитесь, что ваша великая слава не требовала сихъ новыхъ пальмъ и лавровъ. Давно признано всѣми философами, что математикки на землѣ подобны лучезарнымъ почкамъ. Но признайтесь и вы, что съ одними математикками, алгебраистами и арифметичками, успѣхи языковъ были бы весьма медленны, или совсѣмъ ничтожны.

И такъ будьте довольны вашей державой, и не нарушайте спокойствія нашей. Вы царствуете надъ Панполомъ; оставьте намъ царство Пермесса. Наши владѣнія не весьма значущи съ нѣкошораго времени; наши сокровища не велики, хотя поешы и *набиваютъ безпрестанно ихъ пышныя оды* (какъ замѣнилъ одинъ изъ богачѣйшихъ Русскихъ подданныхъ нашихъ) лалломъ, жемчугомъ, кристалломъ,

и другими драгоценными каменьями, весьма обманчивыми. Просимъ замѣшить, что сіи представленія суть вымыслы, и что наша держава не очень процвѣтаетъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

По симъ уваженіямъ предлагаемъ вѣчный миръ на слѣдующихъ условіяхъ :

Спашья I. Левый и правый берегъ Пакшала, со всѣми прикосновенными къ нимъ землями, оспаютъ вѣчною и неотъемлемою собственностію народа Арабскихъ цифровъ. Союзу алфавитныхъ литеръ возвращаясь въ полное и попомслвенное владѣніе оба берега Пермесса.

Сп. II. Всякое сообщеніе между обѣими державами перерывается, и каждая будетъ управляться по мѣстнымъ ея законамъ. Вывозъ обѣимъ сторонамъ запрещается; вывезенныя же вещи объявлять зановѣднымъ поваромъ, и захватывать на границѣ, какъ *контра - банду*, позволяется.

Сп. III. Ни одинъ подданный договаривающихся державъ не можетъ переѣзжать изъ одного владѣнія въ другое, подъ наказаніемъ описи всего имѣнія.

Сп. IV. Запрещается жителямъ Пермесса черпать линіи или углы, и раз-

суждать о квадрапахъ и кругахъ ; въ прошивномъ случаѣ они лишаются права гражданства. Равномѣрно возбраняется всѣмъ подданнымъ въ царствѣ Арабскихъ цифръ писать трактаты о морали и грамматикѣ, слагать пѣсни и сказки, и словословіе Бога неизреченнаго математическими знаками и выкладками.

Ст. V , и послѣдняя. Каждый народъ будетъ исключительно говорить языкомъ своимъ ; всякое нарушеніе сего условія пощется разрывомъ мира и началомъ дѣйствій непріятельскихъ.

Изъ иностр. жур. В. И.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Узникъ къ мольбѣ, влетѣвшему
въ его темницу.*

(Подражаніе Мейстеру.)

Откуда ты , емира житель ?
Скажи , нежданный гость небесъ ,
Какой зефиръ тебя занесъ
Въ сію печальную обитель ?
Увы ! денницы милой свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаетъ !
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ ;
Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ !

Сколь сладостно швое явленье!
 Знать, милой гощь мой, съ высоты
 Спрадалца вздохъ услышалъ ты
 Тебя примчало сожалѣнье!
 Увы! убившая тоской
 Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла!
 Надежда ясная влещѣла
 Въ темницу къ узнику оъ тобой!

Скажижѣ, любимой другѣ Природы,
 Все тѣ же ль неба красоты?
 По прежнему ль въ лугахъ цвѣты?
 Душисты ль рощи? ясны ль воды?
 По прежнему ль въ тиши ночной
 Поетъ дубравная пѣвица?
 Увы! скажи мнѣ, гдѣ денница?
 Скажи, что сдѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ!
 Слыжалъ ли пѣснь ея въ горахъ?
 Ее видалъ ли на лугахъ
 Въ одушевленномъ хороводѣ?
 Ахъ! зрѣлъ ли милую спрану,
 Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы!
 Все та же ль шамъ краса природы?
 Все такъ ли шамъ, какъ въ спарину? —

Весна сихъ сводовъ не видала;
 Ты не найдешь на нихъ цвѣшка —
 На нихъ затворниковъ рука
 Спраданій повѣсть начершала.
 Не долетаетъ къ симъ спѣнамъ
 Зефира легкое дыханье;
 Ты внемлешь лишь одно спонанье,
 Ты здѣсь поржаешь по цѣпамъ!

Летижъ, лети къ свободѣ въ поле!
 Оставь сей бездны глубину!
 Слѣши прожить твою весну! . . .
 Другой весны не будетъ болѣ!
 Слѣши, творенія краса!
 Тебя зовутъ луга шелковы;
 Тамъ приходи — твои оковы!
 Твоя шемница — небеса!

Будь веселъ, гость мой легкокрылой,
 Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ!
 Быть можешь, двухъ младенцевъ шамъ
 Ты встрѣпишь съ матерью унылой.
 Ахъ! еслибъ могъ ты усладить
 Ихъ муку радости словами,
 Сказать: онъ живъ, онъ дышетъ вами! . . .
 Но — ты не можешь говорить!

Увы! хоть крыльями злыми
 Моихъ младенцевъ ты прельсти,
 По правкѣ тихо полети,
 Какъ бы желалъ быть пойманъ ими;
 Тебѣ помчатся въ слѣдъ они,
 Добычи милая желая;
 Ты ихъ, съ цвѣпка на цвѣтѣ порхая,
 Къ моей шемницѣ примани!

Забавъ ихъ зришель равнодушной,
 Пойдешь за ними въ слѣдъ ихъ мать;
 Ты путь несчастныхъ услаждашь
 Старайся легкостью воздушной;
 Любовь ихъ мой послѣдній щипъ;
 Они спрадальцу провидѣнье!
 Сиrotъ священное моенье
 Тюремныхъ спражей побѣдишь.

Падушъ желѣзные затворы!
 Дѣшей, супругу, небеса,
 Родимой край, холмы, лѣса
 Оляшъ мои увидятъ взоры!
 Но что! — я цѣпью загремѣлъ! —
 Сокрылся призракъ обольстителъ!
 Вспорхнулъ еерный посѣдителъ!
 Постой! . . . Но онъ ужъ улетѣлъ!

В. Жуковский.

А д е л ь с т а н ь .

(Баллада.)

(Переводъ съ Англійскаго.)

День багрянилъ, померкая,
 Скаты лѣсистыхъ береговъ;
 Рейнъ, въ заревъ сіяя,
 Пышенъ текъ между холмовъ.

Онъ лешучей влагой пѣны
 Замокъ Алленъ орошалъ;
 Терема, зубчаты стѣны
 Онъ въ пошокъ отражалъ.

Дѣвы красныя толпою
 Изъ растворчатыхъ воротъ
 Вышли къ берегу игрою
 Вспрѣшить мѣсяца восходъ.

Вдругъ плыветъ къ ладѣ прикованъ
 Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
 Спитъ, какъ будто очарованъ,
 Юный рыцарь въ челнокъ.

Алымъ парусомъ играетъ
Легкокрылой въперокъ,
И ко берегу приплываетъ
Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь вспрепенулся,
Распустилъ крилъ свои;
Дивный плаватель проснулся
И выходитъ изъ ладьи.

И по Рейну обратно
Съ очарованной ладьей
Поплылъ тихо лебедь спашной
И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ замокъ Алленъ входитъ;
Все въ немъ прелесть — взоръ и станъ;
Въ изумленье всѣхъ приводитъ
Красотою Адельстанъ.

Межъ красавицами Лора
Въ замкѣ Аллена была,
Видомъ ангельскимъ для зора,
Для души — душой мила.

Графы, Герцоги шлою
Къ ней текли изъ дальнихъ странъ;
Но душой и красотою
Всѣхъ былъ краше Адельстанъ.

Онъ у всѣхъ залогъ победы
На турнирахъ похищальъ;
Онъ вечерня бесѣды
Всѣхъ милѣе оживляль.

И привѣтны разговоры
И пріянный блескъ очей

Влили нѣжность въ сердце Лоры —
Милый спалъ супругомъ ей.

Исчезаешь сновидѣнье —
Въ слѣдъ за днями мчатся дни;
Ихъ въ сердечномъ упоеньѣ
И не чувствуютъ они.

Лишь случается порою,
Что на воды взоръ склонивъ,
Рыцарь бродитъ надъ рѣкою
Одинокъ и молчаливъ.

Но при взглядѣ нѣжной Лоры
Возвращается покой,
Оживають пусклы взоры
Съ оживленною душой.

Невидимкой пролетаетъ
Быстро время — наконецъ
Улыбаясь возвѣщаетъ
Другу Лора: ты отецъ!

Но безмолвно и уныло
На младенца смотритъ онъ.
„Ахъ, онъ мыслишь, ангелъ милой,
„Для чего ты въ свѣтъ рожденъ!“

И когда обрядъ крещенья
Пашербъ долженъ былъ свершить,
Чтобъ водою искупленья
Душу юную омышь;

Какъ преступникъ передъ казнью
Адельстанъ затрепепалъ,
Взоръ исполнился боязнью,
Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запинаясь, умоляетъ
Часъ обряда опложитъ;
„Злой недугъ меня лишаетъ
„Сильъ веселымъ съ вами бытъ!“

Солнце спряталось за гору,
Окропился лугъ росой;
Онъ зоветъ съ собою Лору,
Встрѣшитъ мѣсяцъ надъ рѣкой,

„Нашъ младенецъ будетъ съ нами;
„При дыханьи вѣтерка
„Тихоструйными волнами
„Усыпитъ его рѣка!“

И пошли рука съ рукою. —
День на холмахъ догоралъ,
Молча, сумраченъ душою,
Рыцарь сына лобызалъ.

Вошъ ужъ поздно; солнце сѣло;
Ошуманился потокъ;
Черенъ берегъ опустѣлой,
Холодѣтъ вѣтерокъ.

Рыцарь все молчитъ, печаленъ,
Все идетъ вдоль по рѣкѣ;
Лоръ страшно — замокъ Алленъ
Съ часъ какъ скрылся вдалекѣ.

„Поздно, милой! ужъ сѣдѣтъ
„Мгла сырая надъ рѣкой;
„Съ водъ холодной вѣтеръ вѣетъ;
„И дрожитъ младенецъ мой!“

Тихе, — тише! пусть сѣдѣтъ
Мгла сырая надъ рѣкой;

Грудь моя младенца грѣшѣ ;
Сладко спишѣ младенецѣ мой.

„Поздно , милой ! по неволѣ
„Спрахѣ вѣ мою шѣснился грудь !
„Мѣсяцѣ блѣденѣ , хладно вѣ полѣ ,
„Дологѣ намѣ до замка пушѣ !“

Но молчитѣ , какѣ очарованѣ ,
Рыцарѣ , глядя на рѣку ;
Лебедѣ тамѣ плывешѣ прикованѣ
Легкой цѣпью кѣ челноку .

Лебедѣ кѣ берегу . Рыцарѣ сѣ сыномѣ
Вѣ ладю войши сиѣшитѣ ,
Лора вѣ слѣдѣ за Паладиномѣ ,
Обомлѣла и дружитѣ .

И осанясѣ лебедѣ спашной ,
Легкой цѣпю повлекѣ
Вдоль по Рейну обратню
Очарованный челнокѣ .

Небо вѣ Рейнѣ дрожало ,
И луна изѣ дымныхѣ тучѣ
На ладю сквозь парусѣ алой
Проливала темной лучѣ ;

И плывутѣ они безмолвны ;
За кормой струя бѣжитѣ ;
Тихо плещутѣ вѣ лодку волны ;
Парусѣ вздулся и шумитѣ .

И на берегѣ молчаңе ,
И на мѣсяцѣ туманѣ —
Лора вѣ робкомѣ ожиданѣ ,
Вѣ тяжкой думѣ Адельшанѣ .

Вотъ ужъ ночи половина.

Вдругъ младенецъ спалъ кричашъ.
„Адельсманъ! отдай мнѣ сына!“
Возопила въ страхъ мать.

— Тише! онъ еще съ тобою!...

Скоро! ... ахъ! кто дастъ мнѣ силъ?...
Я ужасною цѣною
За блаженство заплашилъ!

— Спи, невинное шворенье!

Мучитъ душу голосъ швой!
Спи, дыша! еще мгновенье —
И на вѣкъ шебѣ покой! —

Лодка къ берегу! Рыцарь съ сыномъ
Выйти на берегъ спѣшитъ;
Лора въ слѣдъ за Паладиномъ;
Пуще маѣетъ и дрожитъ.

Страшенъ берегъ обнаженной!

Нѣтъ ни жила, ни дрезесъ;
Черенъ, дикъ, уединенной
Въ сторонѣ стоимъ утесъ.

И пещера подъ скалою!

Око въ ней не зрѣло дна!
И чернѣетъ предъ луною
Страшнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ,

Смотритъ робко на утесъ;
Звучно къ безднѣ восклицаетъ
Паладинъ: я дань принесъ.

Въ безднѣ звуки опразились,
Ошзывѣ грянулъ вдоль рѣки;
Вдругъ изъ бездны появились:
Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приближилъ рыцарь сына.
Цѣпенбующая мать,
Возопивъ, у Паладина
Жертву бросилась опннать,

И воскликнула: Спаситель!
Руку рыцаря схватя.
Нѣтъ спасенія! губитель
Въ бездну бросилъ ужь дитя.

И дитя, вѣсь, стѣнало
Въ грозныхъ сжатое когтяхъ . . .
Вдругъ все пусто, тихо спало
Въ глубинѣ и на скалахъ.

В. Ж.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

*Разсужденіе о математическихъ
наукахъ (*).*

Извлеченіе.

Не можно имѣть достовернаго свѣдѣ-
нїя ни о времени, ни о мѣстѣ рожденїя
наукъ математическихъ. Кажется, что
всякой народъ равно способенъ былъ произ-
вести ихъ, когда успѣхи въ общежитель-
номъ порядкѣ дозволили нѣкоторымъ лю-
дямъ наслаждаться выгодами продолжитель-
наго досуга. Во всѣхъ странахъ науки сіи
должны бытъ одинаковы, пошому что ис-
стина для всѣхъ людей есть одна и та же,
и что природа вездѣ подчинена однимъ и
тѣмъ же законамъ. Еще скажу, что на-
чало наукъ у всѣхъ народовъ предшество-
вало за нѣсколько вѣковъ искусству сочи-

(*) Сочиненное Кондорсетомъ. Оно читано бы-
ло въ 1736 году при началїи новаго курса
въ Лицеѣ; но непомѣщено въ творенїяхъ
сего ученаго мужа, и недавно только яви-
лось въ Энциклопедическомъ Магазиѣ. К.

нять исторію, озаренную свѣдомъ вѣрнаго лѣтосчисленія и очищенную отъ вымысловъ. Дабы почувствовать, сколь опдаленною быть должна сія послѣдняя эпоха отъ начала познаній человѣческихъ, надобно только представить себѣ въ умѣ всѣ тѣ предварительныя свѣдѣнія, которыя имѣть уже надлежало, чтобы опредѣлить годъ свѣтлошарю точностію и составить хотя несовершенную систему хронологіи.

Первымъ событіемъ въ исторіи математическихъ наукъ, исторіи весьма впрочемъ недостоверной, есть открытіе свойства извѣснаго *равносторонняго треугольника*, приписываемое Пифагору. Можетъ быть мудрецъ сей узналъ оъ немъ въ Индіи, или въ Египтѣ; но онъ чувствовалъ всю важность его лучше своихъ наславниковъ: сія истина вразумила его, что между величинами есть отношенія существенныя и строго опредѣленныя, которыхъ однакожъ неумѣли выразить ни цѣлымъ числомъ, ни раздробленнымъ, и онъ тогда вознесся къ сей мысли, что всѣ отношенія между веществами, всѣ законы природы могутъ быть извѣняемы числами по способу, до тѣхъ поръ вовсе неизвѣстному, и что истинная цѣль наукъ естественныхъ состоитъ въ опредѣленіи чиселъ и въ познаніи ихъ законовъ: мысль высо-

кая и обширная, сославляющая первое и единственное основаніе всей естественной философіи.

Такое-то должны мы имѣть понятіе о Пифагоровыхъ *числахъ* и объ его *гармоніи*, копорыя для невѣждъ, неразумѣющихъ наспоющаго смысла оныхъ, были поводомъ къ самымъ неслѣпымъ умспвоаніямъ. По несчастію, родъ человѣческій долго погруженъ былъ во мракъ невѣдѣнія, и свѣпильникъ возженный геніемъ, но спсавленный въ дальнемъ опѣ людей распоніи, не рѣдко сообщалъ имъ свѣспъ ложный, пупеводящій къ заблужденіямъ.

Пифагору также приписываютъ первую мысль объ истинной системѣ мѣра, по копорой солнце и звѣзды предполагаются неподвижными, и по копорой извясняющіяся видимыя ихъ движенія сушочнымъ обращеніемъ земли около своей оси и годовымъ вокругъ солнца.

Вѣроятно, что Пифагоръ угадалъ сію систему послѣ многочисленныхъ наблюденій, собранныхъ имъ во время пупешествій, и что соопечеспвенники его сначала опровергали ее, попомъ совсѣмъ о ней забыли, — можетъ быть попому что имъ неизвѣспны были подробности оныхъ наблю-

денѣй, или что въ областяхъ народомъ управляемыхъ всякая новая истина, противная мнѣніямъ общимъ, подвергается мудреца, проповѣдующаго ее, многимъ опасностямъ, или презрѣнію толпы народной, коей угождать должно.

Мы предпочитаемъ сѣ мнѣнія тому, будто бы Пизогоръ-систему сѣю нашею въ Индіи, или въ Египтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы изобрѣсти ее, надлежало вознестись выше чувственныхъ предметовъ, надлежало употребить глубокое соображеніе повнѣй; чего по всей вѣроятности не лзя приписывать народамъ, раболѣпно держащимся своихъ предрасудковъ. Жрецы ихъ, отличаясь малыми познаніями отъ прочихъ своихъ соотечественниковъ, никогда и ничего не доводили до совершенства, кромѣ только искусства содержать народъ въ постоянномъ невѣжествѣ и пользоваться его заблужденіями. Не справедливѣ ли приписать первые успѣхи наукъ, изобрѣшательнаго ума требующихъ, тому же самому Греческому народу, которому въ послѣдствіи времени всѣ науки обязаны были своими успѣхами, — тому единственному народу древности, у котораго находимъ сѣю изобрѣшательную способность, нынѣ распространившуюся по всей почти Европѣ.

Въ Греціи математическія науки оказали постоянные и быстрые успѣхи. Платонъ поставилъ надъ дверью своей школы сію славную надпись: *Сюда не входятъ незнающіе геометріи.* Изъ сего видно, что онъ преподавалъ не одну только шу философію, которая заключаешся въ его Разговорахъ. Онъ далъ первое почное рѣшеніе на задачу объ удвоеніи числа кубическаго. Спустя нѣсколько времени ученики его открыли коническія сѣченія, показали способъ употреблять ихъ при задачахъ, коихъ невозможно рѣшить прямою линіею и кругомъ. Сіи двѣ теоріи доведены до совершенства въ школѣ Александрійской.

Въ сей-то школѣ образовались; Аристархъ Самосскій, который прежде всѣхъ предложилъ довольно вѣрный способъ находить разстояніе солнца отъ земли, и покусался, хотя впрочемъ безъ успѣха, убѣдить Грековъ, чтобы приняли истинную систему міра; Ератосеенъ, который прежде всѣхъ измѣрялъ степени меридіана; Гиппархъ, одинъ изъ числа Греческихъ астрономовъ, показавшій наиболѣе смѣлости ума и въ то же время наблюдавшій самую строгую точность; наконецъ ученый и трудолюбивый Птоломей, коего шворенія, по счастью уцѣлѣвшія, составляютъ основаніе нынѣшней астрономіи.

Любопытно видѣть въ исторіи ума человѣческаго, сколько усилій должны были употребить Греки, дабы напослѣдокъ узнать разстояніе между солнцемъ и землею и опдѣлили предѣлы всемірнаго пространства, — начиная отъ Анаксагора, который долженъ былъ прибѣгнуть къ напряженію, дабы заключить, что солнце есть пылающее тѣло, гораздо большее Пелопонеса, даже до Гиппарха, который почти съ надлежащею точностію опредѣлилъ и опдаленность и величину онаго. Но о сихъ истинахъ открыто говорить можно было только при дворѣ Царей Египетскихъ. Жители Греческихъ городовъ, подущаемые жрецами, ненавидѣли и гнали Анаксимандра. Чернь Аѣинская вмѣнила бы себѣ въ поношеніе, когда бы заставили ее согласиться, что она не очень большое мѣсто занимаетъ во всемірномъ пространствѣ. Периклъ всю силую вліянія своего едва могъ спасти отъ казни Анаксагора, который выдавалъ мѣнія споль прошивныя гордости Аѣинянъ и понятіямъ внушаемымъ жрецами.

Въ самое цвѣтущее время школы Александрійской, явился въ Сициліи мужъ, которому равнаго не было въ древности — это Архимедъ. Онъ первой показалъ способъ находить квадраты въ неправильной площади и опредѣлять площадь порабоды;

открылъ отношеніе между поверхностями сферы и цилиндра; научилъ способу вѣрнѣйшаго приближенія, чтобы узнать плоскость и окружность круга; показалъ основательное начало гидростатики, и сими важными открытіями разширивъ предѣлы геометріи, открылъ въ тоже время новые пути своимъ послѣдователямъ и новое поприще, дополъ непроницаемое для ихъ усилій.

Удачныя примѣненія механики увеличили славу его и сдѣлали ее всеобщою — преимущество весьма рѣдкое для геометровъ; но къ счастью они умѣютъ и безъ него обойтись. Извѣстно, какъ онъ продлилъ время осады города Сиракузъ; всѣмъ извѣстно также, какъ онъ употребилъ множество гладкихъ зеркалъ, направивъ лучи ихъ на одно мѣсто, и какъ зажегъ ими флотъ Римской. Сей способъ описанъ Византійскими историками; но Іезуитъ Кирхеръ первый въ новѣйшія времена доказалъ возможность онаго.

Тотъ Архимедъ, которой показалъ людямъ, сколь разнообразной пользы могутъ они ожидать отъ математиковъ, и которой всѣхъ древнихъ геометровъ превзошелъ обиліемъ въ изобрѣненіяхъ, тотъ самый Архимедъ умѣлъ съ наилучшимъ

успѣхомъ сдѣлать изъ нихъ полезное употребленіе и тѣмъ заслужить сугубыя права на отличнѣйшее мѣсто между великими мужами.

Науки сохранились въ Александрійской школѣ даже и подъ владычествомъ Римлянъ. Удивительно, что народъ сей, въ стихотворствѣ, въ краснорѣчїи и въ исторїи сравнившійся съ Греками, не отличился никакими изобрѣшенїями въ машинствѣ. Но Римляне презирали такую науку, которой немогли они употребить ни для управленія народами, ни для приумноженія забавъ своихъ, ни для утѣшенія себя въ несчастїяхъ, навлекаемыхъ честолюбіемъ. Они не имѣли надобности въ великомъ умѣ какого-нибудь Архимеда, для того чтобъ поработать и грабить варварскіе народы. Цицеронъ не рѣшается сравнивать Архимеда съ такими, на примѣръ, мужамя, каковы Архитасъ и Платонъ, хотя несполь великими математиками, но славными по своимъ философическимъ умствованїямъ, которыя были тогда предметомъ удивленія. Сїи побѣдишели столь многихъ народовъ не въ состоянїи даже были установить для себя правильной годъ, такъ что Цезарь, по званію великаго Первосвященника, принужденъ былъ изъ Александрїи призвать астронома Сосигена, для

отвращенія поспыдныхъ безпорядковъ , умножившихся въ календарѣ Римскомъ. Преемники его почитали геометровъ за аспрологовъ , и боясь , чтобы сѣи не предсказали имъ скорой смерти (которую заслуживали своими злодѣйствами) , они часто выгоняли ихъ изъ города и изъ Италіи.

Последній изъ славныхъ математиковъ Александрійской школы былъ Діофантъ , изобрѣвшій алгебру , по естѣ науки , имѣющей въ предметѣ исчисленіе величинъ вообще или числъ отвлеченныхъ. Первыя замѣчанія на Діофанта писаны были прекрасно и несчастною Гинаціей , которую суевѣры растерзали въ Папріаршей церкви , и съ которою погасъ свѣщильникъ наукъ на востокѣ.

Однакожъ въ Константинополѣ иногда появлялись люди , которые по крайней мѣрѣ старались освѣдомляться объ открытіяхъ мудрецовъ древнихъ , берегашъ ихъ для потомства и даже употребляшъ ихъ въ свою пользу. Прокъ успѣлъ сожечь флотъ Византіановъ шочно шѣмъ же способомъ , каковой употребленъ былъ Архимедомъ противу галеръ Марцелловыхъ. Алгебра , астрономія , оптика , находясь въ рукахъ Аравіянъ , оказали нѣкоторыя слабыя успѣхи , каковыхъ только ожидать можно отъ

спрудовъ и времени, когда ходъ наукъ не-
ускоряется побужденіями генія, и когда сует-
вѣрныя понятія спремашся къ разрушенію
полезныхъ усилій.

Аравіянамъ обязаны мы за изобрѣ-
шеніе употребляемой нами ариѳметики;
она есть одна только наука, доставшаяся
намъ отъ восточныхъ народовъ, и кошо-
рая сокрыта была отъ творческаго ума
Грековъ.

Сей обильный запасъ древнихъ познаній,
сохранившійся въ переводахъ или выпи-
скахъ Арабскихъ и въ Греческихъ книгахъ,
которыя примесены были въ Италію из-
гнанными изъ Конспантинополя учеными
мужами, вдругъ возбудилъ тамъ склон-
ность къ наукамъ. Алгебра скоро обoga-
щилась рѣшеніями уравненій прешей сте-
пени и четвертой, и въ нѣсколько лѣтъ
два или три Европейца принесли болѣе
пользы математическимъ наукамъ, нежели
тысящелѣтніе пруды Аравіянъ и Гре-
ковъ Византійскихъ. Въ Италіи, бывшей
тогда раздѣленною, подобно древней Греціи,
на великое число малыхъ областей, слабые
владѣтели и начальники колеблющихся рес-
публикъ очень хорошо чувствовали цѣну
знаменистаго ученостію гражданина; по
счастію, они не предлагали ни жадно-

сти, ни честолюбію соблазнительныхъ богатствъ и почестей, могущихъ отвратить отъ упражненія въ наукахъ и уничтоживъ любовь къ ученой славі. Но скоро нашествія неприятельскія остановили ей первые успѣхи.

Посреди ужасныхъ браней, междоусобныхъ и внѣшнихъ, свирѣпствовавшихъ тогда почти во всей Европѣ, посреди кровопролитія и опустошеній господствовала спасительная перемена во мнѣніяхъ и нравахъ, послѣ столь долговременнаго невѣжества. Въ разныхъ странахъ Европы вдругъ появились люди, рожденные просвѣщать себя подобныхъ и даровать имъ новый разумъ. Коперникъ въ сѣверной Польшѣ воскресилъ Пифагорову систему и подкрѣпилъ ее новыми доказательствами. Недолго наслаждался онъ славою; ибо уже въ преклонныхъ лѣтахъ сдѣлалъ извѣстною свою систему; онъ избавился отъ гоненій суевѣрія, которое однакожъ старалось очернить память его по смерти. Кеплеръ открылъ чудесные законы движенія планетъ въ кругахъ эллиптическихъ; живучи въ бѣдности, онъ для пропитанія себя принужденъ былъ безславить творческій умъ свой сочиненіемъ астрологическихъ гаданій. Галилей, посредствомъ новыхъ усовершенствованныхъ имъ орудій,

открываетъ небо неизвѣстное мудрецамъ древности; основательныя и достоверныя наблюденія противопоставляетъ усиліямъ невѣстнаго суевѣрія, которое утверждаетъ, что тысячи небесныхъ свѣтилъ, носящихся въ неизмѣримомъ пространствѣ, сотворены единственно для малой обитаемой нами планеты. Онъ открываетъ пятна въ солнцѣ, и вопреки Аристотелю, или лучше сказать вопреки новымъ его послѣдователямъ, посредствомъ оныхъ пятенъ опредѣляетъ круговращеніе сего небснаго свѣтила; наконецъ онъ постигаетъ законы движенія планетъ, побуждаемыхъ силою послѣдственнаго шагошвія.

Въ сочиненіяхъ Галилея при великихъ его открытіяхъ блистаетъ философія истинная и твердая, и господствуетъ, спрогій порядокъ въ способѣ приобретать познанія наукъ естественныхъ; знаменитый Кеплеръ неимѣлъ сего преимущества. Но Галилей жилъ въ отечествѣ Макіавеля, Тасса, Фра-Паола; а Кеплеровы соопчичи тогда были только еще школьными говорунами. Обиды, гоненіе, унижительная необходимость отречься отъ своихъ открытій, дабы избѣжать казни — вотъ награды, полученныя Галилеемъ.

Декартъ съ умомъ обширнѣйшимъ и смѣлымъ явился въ міръ для довершенія

начатой перемены. Онъ распорѣ цѣпи, стѣснявшія умъ человѣческой, озарилъ всѣ предметы лучами смѣлой философіи, и отдалъ навсегда разуму права его и независимость. Онъ возвѣмѣлъ счастливую мысль примѣнить алгебру къ геометріи, усовершенствовать одну другую, и показать симъ великимъ примѣромъ, что все подлежащее правильнымъ законамъ можетъ подлежать и соединенному вычисленію какъ въ величинахъ вообще, такъ и въ отвлеченныхъ отношеніяхъ чиселъ — великая и богатая мысль, кою математическія науки обязаны всѣми своими успѣхами. Но Декартъ спасаясь своею бѣдѣю, чтобы избѣжать гоненій, удаляется въ Голландію; попомъ бѣдетъ искать преждевременной смерти въ странѣ холоднаго сѣвера, во дворцѣ Королевы Хриспины, единственномъ тогда убожищѣ для философіи.

Пылкое воображеніе Декарта вовлекло его въ бездну заблужденій; но чтобы оспорить многихъ его послѣдователей, надлежало употребить по самое оружіе, ко кое онъ далъ разуму, и люди поправлявшіе его ошибки, ему же одолжены были своимъ просвѣщеніемъ.

Онъ старался найти первый законъ ударенія шѣлъ; но ему удалось найти только

одинъ; въ прочихъ онъ ошибся. Гюйгеній, ученикъ его, открылъ всѣ; къ предложенной Галилеемъ теоріи движенія въ параболѣ онъ прибавилъ теорію движенія въ кругѣ, открылъ законы движенія маятника, показалъ, какимъ образомъ кривыя линіи могутъ быть почишаемы дугами круга, коихъ полуперечники подлежатъ одному извѣстному закону, и коихъ средоточія находятся на другой кривой же линіи, обрѣщаемой посредствомъ его насщавленія.

Невтонъ, соединивши сіи два изобрѣшенія, скоро вознесся до общей теоріи движенія въ кривыхъ линіяхъ, примѣнилъ ее къ законамъ Кеплеровымъ въ движеніи шблѣ небесныхъ, и всѣ сіи движенія извѣяснилъ шбмъ, что шбла, однажды брошенная въ пространствѣ, привлекаются взаимною силою, соотвѣтствующею ихъ плоскости.

Сей проспой законъ доставоченъ для извѣясненія движеній сложныхъ; имъ извѣясняются даже явленія, производимыя движеніемъ осей земли, и луны, равно какъ приливъ и отливъ моря. И такъ теперь только люди, и еще въ первой разѣ, могли гордиться шбмъ, что постигли одинъ изъ общихъ законовъ природы.

Въ одно и то же время Невтонъ и Лейбницъ изобрѣли вычисленіе безконечнаго, къ которому, кажется, привели ихъ опоры Декаршвы, и опъ котораго надлежало родиться новой геометріи. Уже примѣны были счастливыя слѣдствія опъ успѣховъ просвѣщенія между народами Европы; уже не было причины оплакивать гоненія на людей, творческимъ умомъ одаренныхъ: Невтонъ и Лейбницъ были уважаемы, и наслаждались выгодами спокойствія; среди учениковъ, которые удивлялись имъ, осыпанные почестями и благодарностями государей, они въ тишинѣ совершили долговременное шеченіе свое на славномъ поприщѣ. Достойные ревнишли сихъ мужей великихъ, два брата Бернулліи напрягли всѣ силы неутомимаго ума своего для обогащенія всѣхъ часпей математики новыми опорышьями и важными умозрѣніями.

Астрономія, находясь въ рукахъ Кассинія, Фламстида и Галлея, приобрѣла новое пространство и такую шочность, которой даже предвидѣшь было не можно; она обогатилась также вѣрными и просыными методами. Ромеръ измѣрилъ шоросшь лучей свѣта, а сіе опорышье привело Брэдлея до движенія звѣздъ неподвижныхъ.

Но еще оставалось открыть начала, по которымъ было бы можно исчислять движеніе тѣлъ подверженныхъ особливымъ законамъ, или соединенныхъ вмѣстѣ по разнымъ отношеніямъ, и общіе законы примѣнить къ умозрительной механикѣ, къ тѣламъ ограниченнымъ, къ тѣламъ гибкимъ и текучимъ.

Сія начала открыты Даламбертомъ. Попробно было новое вычисленіе, чтобы примѣнить ихъ къ задачамъ механическимъ, и оно не упало отъ пронцаптельнаго ума Даламбертова. Сими-то началами онъ первый рѣшилъ задачу о движеніи равноощныхъ пунктовъ, и тѣмъ довершилъ воздвигнутое Невтономъ зданіе. Тогда Франція опять могла сравниться съ другими просвѣщенными странами послѣ упадка своего, въ которомъ находилась во времени Декарта. Эйлеръ, соперникъ и современникъ Даламберта, въ неизмѣримыхъ трудахъ своихъ обнималъ всѣ части математики, и разширялъ предѣлы каждой. Онъ почувствовалъ, что алгебраическій анализъ былъ надежнѣйшимъ орудіемъ во всѣхъ наукахъ математическихъ, и умѣлъ ввести его во всеобщее употребленіе. Сія переменна, довершившая начатое Декартомъ и ускоренная открытіемъ новыхъ вычислений, доставила Эйлеру честь, дополъ не-

слыханную: *всѣ* геометры въ Европѣ были его учениками.

Прикладъ вычисленія къ задачамъ какъ умозрительной механики равно и къ тѣмъ, въ которыхъ тѣло принимается за существо опвлеченное, не удовлетворяетъ нуждъ нашихъ; надлежало прибавить къ нему еще примѣненіе теорій механическихъ къ физикѣ, то есть къ тѣламъ дѣйствительно существующимъ въ натурѣ. Сѣ примѣненіе, пребующее вмѣстѣ и опытовъ, и вычисленій, и умспованій, и доказательствъ, составляетъ, можно сказать, науку особенную, весьма обширную и полезную, — средину или связь между математикою и физикою. Оно пребуетъ величайшаго ума шворческаго, соединеннаго съ необычайною проницательностію и быстротою: такими способностями обладалъ Даниилъ Бернулли, долгое время не имѣвшій соперника.

Всѣ сїи знаменитые мужи имѣли достойныхъ послѣдователей, коихъ имена сохраняются въ потомствѣ.

Было бы тщетное желаніе собрать и предложить въ немногихъ урокахъ всѣ истины и мелоды, заключающіяся въ такой наукѣ, которая въ продолженіе споль многихъ вѣвовъ была обрабатываема веду-

Жизни — умами, — науки, которая оспана-
 вливалась на пупи своихъ успѣховъ, но ни-
 когда назадъ неподавалась, и въ которой
 изобрѣшеніе новой меподы каждой разв
 открываеиъ обширнѣйшее поле къ новымъ
 примѣненіямъ. Какимъ образомъ вмѣспишь
 въ шѣсное проспранство такую науку,
 опъ коей не укрылись ни движенія неизмѣ-
 римыхъ шѣлъ, вращающихся надъ нашими
 головами, — ни законы, по копорымъ во глу-
 бинѣ земли медленно соспавляются спни-
 жійныя вещества кристалловъ, — ни вычи-
 сленіе силъ, копорымъ океанъ и атмо-
 сфера повинуются въ необозримыхъ колеба-
 ніяхъ, — ни свойства сопрясеній спруны
 подъ перспомъ музыканша, — ни сїи неиз-
 мѣнныя и вѣчныя правила, копорымъ подле-
 жашъ всѣ движенія шѣлъ, — ни порядокъ въ
 опкрышїи правильного хода въ шавихъ явле-
 ніяхъ, въ копорыхъ видимая неправиль-
 ность какъ бы забавляется надъ неперпѣ-
 ливымъ нашимъ любопытствомъ, — ниже
 напослѣдокъ искусство самую даже случай-
 ность подчинять соображеніямъ вычисле-
 ній? Споль же шрудно было бы показанъ
 здѣсь начала всѣхъ частей математикн.
 Искусство сочинять книги, содержація въ
 себѣ начальное ученіе, конечно доведено те-
 перь до совершенства; мы видимъ людей
 съ рѣдкими познаніями и съ умомъ прямо
 философическимъ, людей, истинную славу

заслужившихъ, и при всемъ помѣ не вмѣняющихъ себѣ въ стыдъ ирудиться надъ сочиненіемъ первоначальныхъ учебныхъ книгъ о такихъ наукахъ, коихъ успѣхамъ они сами содѣйствовали; видимъ, какъ они къ лаврамъ своимъ присоединяютъ еще и гражданской вѣнецъ, — къ чести своихъ изобрѣженій еще и заслугу облегченія другимъ способовъ учиться.

Математическія науки имѣютъ ходъ, имѣющій только однѣмъ свойственной. При размашриваніи какова бы то ни было предмета, онѣ опредѣляютъ отъ него все чувствемья качества, оставая при немъ только отношеніе числа или величины: сіе отношеніе означается буквою, или черпою; тогда самой предметъ забытъ, и онѣ перестаютъ существовать для математика. Сіи знаки, по видимому произвольные, становящя единственнѣмъ предметомъ размышленій; ими продолжается все дѣйствіе до послѣ, пока не будетъ выведено послѣднее заключеніе; тогда математикъ возвращается къ своему началу, и примѣняетъ выведенное заключеніе къ существенному предмету, оставленному на нѣкоторое время въ забвеніи. Достоверныя истины, такимъ образомъ найденныя, съ перваго взгляду кажутся умозраительными, опвлеченными, истинами

непринадлежащими къ существеннымъ предметамъ ; но ещо была бы ощибка : ибо истины сїи почно существенны, ежели предметъ , къ которому вы примѣнили ихъ , дѣйствительно находишся въ натурѣ такимъ , какимъ вы его предположили.

Сїя метода , самая почная и вѣрная , единственно принадлежишъ наукамъ математическимъ и весьма далека отъ дѣйствїей разума человеческого во всѣхъ другихъ упражненїяхъ ; только навыкъ можешъ сдѣлать ее удобною , и освободишъ умъ , желающїй руководствоваться ею , отъ всѣхъ многотрудныхъ усилїй ; никакое искусственное средство , никакая природная способность не замѣнишъ сего навыка , и единственно отъ прилѣжнаго , долговременнаго упражненїя ожидашъ надобно прочныхъ успѣховъ. Ешого недовольно : извѣстно , что въ математикѣ есть особый языкъ , коего безцѣнное достоинство состоишъ въ томъ , что онъ не имѣетъ обоюдныхъ выраженїй , и что дѣйствїя ума подвергаетъ формамъ строгой и непремѣнной точности въ разсужденїяхъ. Захотѣвши перевести на обыкновенный языкъ сїи знаки и сїи умствованїя , надлежало бы половиною справки наполнить многїя страницы , и безъ напряженїя разума и памяти , почти превыщающаго силы человеческїя , не можно

было бы обнять длинной рядъ умствованій, копорыя человекъ, приобыкшій къ сему языку, весьма удобно ловитъ съ перваго взгляда.

Но и сія удобность приобретається долговременнымъ приаѣжаніемъ и навыкомъ. Загляните въ сочиненія математиковъ прошлаго вѣка; увидите, что люди съ величайшимъ умомъ часто принуждены были оспанавливаться въ ту самую минушу, когда приближались къ важному открытію; и отъ чего? Ихъ удерживала запруднишельность вычисленія, которое теперь не оспановило бы даже посредственнаго математика, приобыкшаго къ нынѣшнимъ способамъ, сдѣлавшимся для всѣхъ извѣстными.

И такъ при изученіи математическихъ наукъ, не столько нуженъ наставникъ, сколько пушеводитшель; не столько нужно перенимать у него самую науку, сколько способъ изученія. Не надобно, чтобы онъ отккрылъ вамъ истины, копорыя вы знаете желаете; но только чтобы показалъ вамъ дорогу, къ нимъ ведущую, и чтобы отдалилъ препятства, копорыя могли бы оспановить ходъ вашъ.

Случается весьма часто въ дѣлахъ общежитія и при учебныхъ занятіяхъ съ прискорбіемъ чувствовашь потребностъ

сихъ наукъ и основку при самыхъ простыхъ вычисленіяхъ. Мы знаемъ людей, прославившихся на поприщѣ гражданской службы, словесныхъ наукъ, философій, — людей, которые почувствовавъ сію потребность, или посреди другихъ занятій принимались учиться математикѣ, или жалбли, что не могли въ ней упражняться. Бываютъ случаи, когда нѣтъ возможности дать *собственному* мнѣнію о важномъ дѣлѣ, до своей личной или до общественной пользы касающемся, и единственно по незнанію нѣкоторыхъ простыхъ, зависящихъ отъ математики началъ, на которыхъ оное мнѣніе должно быть основано. Есть многія математическія умозрѣнія, на примѣрѣ о системѣ міра, о законахъ тѣлъ звонныхъ, о законахъ вычисленія вѣроятностей, — умозрѣнія любопытныя для всякаго ума просвѣщеннаго, и составляющія, можно сказать, часть всеобщей Философій.

Благомыслящіе Государи, чувствуя, сколь нужно освободить народъ отъ мучительнаго невѣжества, во многихъ городахъ Нѣмецкихъ учредили кафедры для преподаванія ремесленникамъ тѣхъ частей математики, которыя могутъ быть для нихъ полезными.

(Сочинитель предлагаетъ попомѣ начертаніе порядка въ намѣреваемомъ пре-

подаванїи математическаго курса, и заключаешъ свое Разсужденїе.) К.

~~~~~

О раздѣленїи дня у древнихъ Грековъ.

Изъясненїе 183 басни Гигиновой дало поводъ господину Кодрику, ученому Греку, исправить вкравшіяся ошибки по невѣжеству переписчиковъ или по прихотливости издашелей, и древнему шекспи возвращишь подлинный смыслъ его. Оставляя подробности, излишнія для многихъ читателей Вѣстника, постараемся выписать изъ напечатанной въ Энциклопедическомъ Магазиנѣ ученой статьи г-на Кодрика любопытное извѣстіе о раздѣленїи дня и о названїяхъ часовъ у древнихъ Грековъ.

Упомянутое мѣсто у Гигина очень ясно показываетъ, что Греки начинали день свой не отъ восхожденїя солнца, какъ вообще думающъ, но съ появленїя зари утренней или съ разсвѣта, и сей первой часъ назывался у нихъ *лѣнїемъ лѣлуха*. Въ это время каждой принимался за свою обыкновенную работу. Гезїодъ въ поемѣ своей *Работы и дни* (ст. 180) говоритъ: *иѣс ѹеисмѣνς, при появленїи зари, а схолиастъ*

его получаютъ : ἀρχαίης τῆς ἡμέρας , т. е. при началѣ дня. И въ другомъ мѣстѣ (ст. 580) : ἡὸς ἡτε φανῆτα πολίας ἐπέβησε κελύβε αὐχέτες , τοῖσι δ' ἐπὶ ζυγῷ βεγί τίθησι , т. е. при появленіи зари люди идутъ въ путь свой, и многіе быки стояшъ уже подъ ярмомъ. — И такъ очевидно, что ежедневныя упражненія начинались вмѣстѣ съ разсвѣтомъ.

Нынѣшніе Греки, по примѣру Турковъ, считаютъ продолженіе дня также отъ ранней зари до захода солнца, съ тою равностію, что они раздѣляютъ оное на двѣнадцать часовъ; а древніе вмѣсто того считали только *десять*.

Неподвержено сомнѣнію, что сей десятичный порядокъ былъ первоначально наблюдаемъ у Грековъ. Они раздѣляли день на десять часовъ, а мѣсяцъ на три декады или десятка. Однакожъ годъ ихъ заключалъ въ себѣ двѣнадцать мѣсяцовъ съ нѣсколькими днями приращочными. Не станемъ приводить разныхъ свидѣтельствъ древнихъ авторовъ, а вмѣсто ихъ дозволимъ себѣ выписать только одно двусмысленное. Оспроумный сочинитель (Лукіанъ, или можешъ быть другой кто-нибудь) въ слѣдующихъ двухъ стихахъ замысловаго показываетъ количество часовъ въ продолженіи дня отъ утра до вечера :

„Εξ ὧρα μόχθαις ἰκαλιόταται, αἱ δὲ μετ' αὐτῆς
 „Γράμματα δακτύλου ΖΗΘΙ λέγουσι βροταί.

Т. е. „Шести часовъ дня довольно для
 „работы; а прочіе, показываемые буквами,
 „гласящъ смертнымъ да здравствуйетъ.“
 Въ самомъ дѣлѣ буквы, сославляющія сло-
 во ΖΗΘΙ, будучи принимаемы за числа,
 означаютъ 7, 8, 9, 10.

Знаменитый Архіепискомъ Евгеній
 Булгаръ, изящностію ума своего, обшир-
 ностію познаній и разнообразіемъ швореній
 прославившій и словесность Греческую и
 свое опечесство между нынѣшними Греками,
 — сей пастырь, съ необъятною ученостію
 соединявшій здравый разумъ и сверхъ того
 отличавшійся превосходнѣйшимъ вкусомъ,
 въ Прологоменахъ Разсужденія своего о Ло-
 гикѣ предложилъ намъ два подобные стиха
 своего сочиненія, въ которыхъ говоритъ о
 двухъ часахъ дня, послѣ прибавленныхъ
 къ десяти прежнимъ. Надѣмся, что чи-
 татели дозволятъ сообщить здѣсь оныя:

„Νη δ' ἐπαγελαὶν αὖ καρμῶν ἄφη δατακῆζων
 „Καρκινωζαλέοντ' αὖθι λέγουσι ΒΙΑΙ.

Епо значитъ: „Но ежели вы принимае-
 шесь опять за ушомительные шруды свои,
 то буквы, поставленные на изворотѣ, го-
 рятъ вамъ *лщелтныя* усилия.“ И двѣ-

спивнательно въ словѣ *Βίαι*, чиная съ правой руки, находише буквы *α*, *β*, которыя въ числительномъ смыслѣ означаютъ 11 и 12.

Приспунимъ шеперь къ извясненію именъ, которыми Гигинъ называетъ часы по древнему раздѣленію дня у Грековъ.

Первый часъ Αδύη, заря или денница, разливающая свѣтъ солнечный по лицу земному. Епо часъ пробужденія.

Второй Анаΐλη, восхожденіе солнца, сего свѣшила, оживляющаго міръ и побуждающаго чловѣка къ работѣ.

Третій Μεσεία, часъ посвященный Музамъ, по еспь время ученія. Самое названіе показываешъ, что въ епотѣ часъ начиналось ученье въ лицахъ и въ публичныхъ школахъ.

Четвертый Γυμνασία, часъ шѣлесныхъ упражненій. Юноши занимались играми, которыя дѣлали шѣло гибкимъ и крѣпкимъ, и опѣ которыхъ чловѣкъ становился, упошреблю выраженіе Младшаго Анахарсиса, способенъ и къ военнымъ шрудамъ и къ мирнымъ досугамъ. Епотѣ часъ непосредственнo слѣдовалъ за временемъ ученія — порядокъ удивительный, по моему мнѣнію!

Пятый *Нимфы*, часъ посвященный **Наядамъ**, **Нимфамъ** ручьевъ и источниковъ; епо часъ омовенія.

Было введено въ обычай мыться послѣ гимнастическихъ упражненій. Во всѣхъ гимназіяхъ находились отдѣленные комнаты для омовеній, примыкающія къ зданію обществу.

Нѣтъ нужды приводить здѣсь всѣ свидетельства древнихъ стихотворцовъ, у которыхъ **Наяды** или божества источниковъ называются **Нимфами**. Довольно, если уважемъ на Гомера, который упоминаетъ о **Нимфахъ** (Od. N. 35), *называемыхъ Наядами*.

Аѳиней пишетъ (l. 12, p. 519); что **Вакхъ** названъ былъ *Лимнеемъ* (богомъ озеръ); а водные источники *Нимфами* и *кормилицами Вакха* съ тѣхъ поръ какъ люди начали пить вино, смѣшанное съ водою. „*Λιμναῖον κληθῆναι τοῦ Διόνυσου ὅτι μὲνεν τὸ γλεῦκος τῷ ὕδατι τοῖο προῖον ἐπίθει κεκραμένον. Διόπερ ὀνομασθῆναι τὰς πηγὰς, Νύμφας, καὶ τῆναι τῆ Διονύου.* Тотъ же писатель упоминаетъ (ibid.) о **Нимфахъ** *омывательницахъ* *Νύμφαι Λουσιῶν*. „Молодые всадники Сибаритскіе, говоря оны, лѣтѣмъ уходили въ пещеры *Нимфъ Лузіадъ* (омывательницъ) и тамъ проводили время

въ сладоспρασнѣйшихъ забавахъ. „Τὸ θεῖον
 „ ἰσχυρὸν αἰτῶν (τῶν Συβασιλῶν ἰππέων) εἰς
 „ τὰ τῶν Νυμφῶν αἶψα τῶν Λυσιστάων ἀποδημίῃς
 „ κέλαιον μετὰ πίστεως τρυφῆς.

И шавъ никакого сомнѣнiя неоспаешся, что часъ посвященный Нимфамъ Наядамъ есть по же, что *время омовенiя*, или *купанiя*.

Шестпой Мезиμβѣих, часъ полуденный. Сiе названiе, показывающее раздѣленiе дня на двѣ половины, не даетъ ли причины догадываться о превращенiи работы? Ссылаюсь на стихи, мною приведенные, гдѣ время работы опредѣляется шестью часами.

Я согласенъ, что земледѣльцы, ремесленники и поденщики должны были работать въ день болѣе шести часовъ. Жизнь земледѣльческая въ странѣ, какова Грецiя, по необходимости должна быть, и есть въ самомъ дѣлѣ, очень прудная: но упомянутое выше двуспищiе, а и того еще болѣе аллегорическiя названiя, воими означены часы послѣ полудня, и въ копорныхъ вовсе непримѣнно тяжелой работы, заспавляющъ меня думаю, что даже и проспозодимы переставали прудиться омоло полудня и предавались опдохновенiю. Такой обычай и нынѣ ведется во всей Грецiи. Городской житель и селянинъ, упражняющiйся въ наукахъ и ремесленникъ, съ полудня пере-

спаютъ работать и отдыхаютъ. Посмотримъ теперь, на что употреблены были часы послѣ полудня, и постараемся изъяснить ихъ названія.

Седьмой часъ дня, и первый послѣ полудня, *Ἐπομένη* — *часъ изліянiя*. Обрядъ изліянiя въ честь боговъ и приношенiя имъ молишвъ всенародныхъ и частныхъ, при началѣ и послѣ окончанiя всякаго дѣла, былъ строго наблюдаемъ у Грековъ. Скажу утвердительно, что всѣ восточные народы имѣли подобное устанавленiе. Гезіодъ говоритъ въ поемѣ своей Работы и дни, что „не умывши рукъ, отнюдь не должно приносить изліянiй Юпитеру.“ Пошомъ опять: „надобно умилоспивлять боговъ изліянiями и жертвами.“ Но слово сiе такъ извѣстно, что бесполезно было бы предлагать о немъ многія свидѣтельства.

Осмый 'Н *Λιτή* или 'Н *Λιτή*, *часъ молитвы*. — По толкованiю Суиды, *Λιτή* или *λίη* значить *λίτανεια* и *παράκλησις*. Гесихій точно также изъясняетъ слова сiи. У Гомера (И. I. 498) *λιταί* значить молитвы. Слова *λιτή*, *παράκλησις*, *λίτανεια* удержали древнее свое значенiе даже въ церковномъ языкѣ нынѣшнихъ Грековъ, у которыхъ нѣкоторыя богослужебныя пѣсни называются *λιτήями*. И такъ два часа послѣ-полуденные были посвящены дѣйстві-

ямъ набожности; ибо изліянїя у древнихъ всегда сопровождаемы были молитвою, равно какъ и всякая молитва предваряема была изліанїемъ.

Девятый часъ имѣлъ названїе сложное, изъ двухъ именъ соспоящее *ἄλιη ἢ ἄμεις*; очевидно, что онъ посвященъ былъ Церерѣ и Венерѣ. Слово *ἄλιη* значилъ *пшеница, мука, хлѣбъ*, и въ пространнѣйшемъ смыслѣ *лица, обѣдъ, лирическое слово*. Авторъ Путешествїя младшаго Анахарсиса передаетъ намъ свѣдѣнїе, что Г. еви почиали вечеръ самую лучшею порою для насыщенїя, и что особенно любили они звать къ себѣ гостей на вечернюю пиршеству; тогда же авторъ говоритъ, что Аелїяне бѣли по одному разу въ день только за обѣдомъ, которой у иныхъ былъ въ самой полдень, но у большей части *предъ закатомъ солнца* — время точно сошвѣтствующее сему девятому часу. Именемъ Киприды безъ всякаго сомнѣнїя означены удовольствїя, для которыхъ не бесполезно напередъ подкрѣплять себя пищею; ибо одинъ древнїй сказалъ, что никакія забавы неприятны тому, у кого шощій желудокъ: *Ἐν κενῆ γαστρὶ τῶν καλῶν ἔσται ἔστι. πένθος ἔχει ἢ Κύπρις πικρὰ*. И по словамъ Еврипида: Венера соуплещиваетъ вкуснымъ яствамъ, а не голоду. И шакъ очень по-

нашно, по какимъ причинамъ одна и та же часъ дня предоспавлена покровительству Цереры и Венеры.

Наконецъ *десятый* и послѣдній часъ дня *Дѣтъ*, *захожденіе солнца*. Слово сіе не пребуешъ полкованія. К.

О нынѣшнемъ состояніи Самаритянъ.

Въ *Льтописяхъ Географіи* напечатана пространная статья о *Самаритянахъ*, написанная Французскимъ ориенталистомъ Сильвестромъ. Въ ней содержится любопытное извѣстіе о семъ странномъ народѣ, которой, не бывши никогда чисельнымъ въ свѣтѣ, даже до сихъ поръ удерживалъ бытіе свое въ продолженіе двадцати осми столѣтій, и котораго исторія необходимо соединена съ исторіею Іудейскаго народа, христіанскаго закона и книгъ служащихъ ему основаніемъ. Самаритяне отличаются отъ всѣхъ прочихъ народовъ шѣмъ, что они никогда не имѣли политической самостоятельности. Находявшись подъ властію Ассиріянъ, Персовъ, Грековъ, Іудейскихъ государей, Римлянъ и всѣхъ Мусульманскихъ династій, обладавшихъ спраною ихъ со времени покоренія Сиріи

Омаромъ, они сохранили свою вѣру, свой языкъ, свои священныя книги и главное мѣсто своего богослуженія. Можешь бышь черезъ сто лѣтъ неоспанется въ мѣрѣ ни одного челоуѣка изъ Самаританскаго народа, состоящаго изъ семействъ весьма многихъ. По сей уже одной причинѣ заслуживаетъ онъ наше вниманіе, и мы не премѣнный имѣемъ долгу принять, такъ сказать, послѣдній вздохъ сего народа и сохранить по крайней мѣрѣ слѣды бышяго его въ мѣрѣ.

Самаритяне всегда имѣли и нынѣ имѣютъ законъ Моисеевъ на Еврейскомъ языкѣ. Но списокъ ихъ, во многомъ несходный съ обыкновеннымъ Еврейскимъ по причинѣ сдѣланныхъ въ немъ разныхъ перемѣнъ, пропусковъ и прибавленій, опличается отъ упомянушаго еще и буквами; можно полагать навѣрное, что письмо Самаритянъ есть то самое, которое было въ употребленіи у Іудеевъ до плѣненія Вавилонскаго. Кромѣ сихъ пяти книгъ Моисеевыхъ, есть у нихъ еще и переводъ оныхъ, писанный на особливомъ такъ называемомъ *Самаританскомъ нарѣчїи*, составленномъ изъ языковъ Еврейскаго, Халдейскаго и Сирійскаго.

Юлій Скалигеръ, кажепся, прежде всѣхъ возбудилъ въ ученыхъ людяхъ желаніе до-

спашь Мойсеевы книги на Самаритянскомъ языкѣ. Въ шестнадцатомъ столѣтїи они всячески спарались завести переписку съ жившими въ Наплузїи (древнемъ Сихемѣ) и въ Каирѣ Самаритянами, въ чаянїи получить отъ нихъ важныя свѣдѣнїя касательно исторїи народа Іудейскаго. Два письма отъ сихъ Самаритянъ на имя Скалигера доставлены въ Европу уже послѣ его смерти. Гунтингшонъ, священникъ при Англїйской Конпорѣ въ Алеппѣ, въ 1671 году предпринималъ путешествіе въ Іерусалимъ и посѣщалъ Самаритянъ въ Наплузїи. Онъ получилъ отъ нихъ одинъ экземпляръ книгъ Моисеевыхъ и письмо къ Лондонскимъ Евреямъ, которыхъ они почитали своими братьями. Такимъ образомъ нѣсколько времени продолжались сношенїя съ Самаритянами. По извѣстїямъ и письмамъ отъ нихъ получаемымъ составили въ Европѣ нѣкоторое систематическое начертанїе объ ихъ догматахъ, мнѣнїяхъ и обычаяхъ.

Наконецъ уже въ нынѣшнемъ столѣтїи Грегуаръ, Французскїй Сенаторъ, собирая свѣдѣнїя о разныхъ сектахъ христіанскихъ, Іудейскихъ и другихъ, послалъ на востокъ нѣсколько своихъ запросовъ касательно Самаритянъ, и получилъ на нихъ отвѣты отъ дипломатическихъ чи-

новниковъ, находившихся въ Сиріи. Обстоятельнѣйшее извѣстіе прислано въ 1803 году отъ Карансеа, Генеральнаго Консула въ Алеппъ, изъ кошораго извлеченіе напечатано было во Французскомъ Монитерѣ 1811 года. Вотъ главное содержаніе: Самаритяне обитаютъ въ одной только Наплузїи; ни въ какомъ другомъ городѣ болѣе нѣтъ ихъ. Весь народъ состоитъ изъ двѣнадцати, или пятнадцати семействъ, въ копорыхъ считается отъ 60 до 80 душъ. Въ Наплузїи живутъ они въ особой части города, называемой по ихъ имени. Въ ней не болѣе десяти или двѣнадцати домовъ, примыкающихъ одинъ къ другому. Въ одномъ среднемъ домѣ опредѣлено двѣ или три комнаты для синагоги, въ копорой на возвышенномъ мѣстѣ хранится Библия, ихъ единственная книга. У Самаритянъ есть великій Первосвященникъ (Хаканъ), отличающійся длинными своими волосами, между нѣмъ какъ всѣ другіе просполудимы ходятъ съ бришою головою. Турки небезпокоятъ Самаритянъ. Дезаръ хотѣлъ было пригнать ихъ, но они сказались Евреями. Самаритяне бѣдны и неуважаемы; они живутъ особо, не смѣшаясь съ другими народами.

На письмо г-на Карансеа полученъ имъ отвѣтъ писанный на Арабскомъ языкѣ

отъ имени *Саламега*, сына *Товина*, Жреца-Левита *Сихемскаго*, который имя свое и званіе пославилъ Самаританскими буквами и прибавилъ замѣчаніе, что онъ суть истинный образецъ письменъ Еврейскихъ. Отвѣтивъ сей переведенъ въ Германіи на Нѣмецкій языкъ г-мъ Шнурреромъ и напечатанъ.

Послѣ того Французскій ориенталистъ Сильвестръ сочинивъ еще нѣсколько вопросовъ отъ себя, отправилъ ихъ ко жрецу *Саламегу*, и получилъ въ 1811 году отвѣтивъ на испорченномъ Еврейскомъ языкѣ, писанный Самаританскими буквами, а при немъ и другое письмо на Арабскомъ. *Саламегъ* увѣдомляетъ между прочимъ, что теперь Самаритянъ нигдѣ уже нѣтъ болѣе, кромѣ какъ въ Наплузіи и Яффѣ. Въ Египтѣ, продолжаетъ жрецъ, они всемъ перевелись, назадъ тому лѣтъ около ста. Число всѣхъ Самаритянъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей простирается до двухъ сотъ, а семействъ до тридцати. Въ Наплузіи живутъ они въ *зеленой улицѣ*, въ которой будшо бы нѣкогда обиталъ Патріархъ *Іаковъ*. Они происходятъ отъ Израильянъ, именно отъ самаго *Іакова*, прозваннаго *Ізраилемъ*, и принадлежатъ къ *Іосифову* колѣну. Прежде находились Самаритяне въ Египтѣ, *Дамаскѣ* и *Газѣ*; передъ симъ за

600 лѣтъ Франці поселили - было ихъ въ Аскалонѣ и въ Цезарей. Самаритяне убѣрены, что въ Европѣ живеть многочисленное общество ихъ одновѣрцовъ, отъ которыхъ они, назадъ тому сто лѣтъ, получили письма. Т.

Отрывокъ изъ Герберштейнова путешествія (*).

Наконецъ послѣ весьма пруднаго и при томъ опаснаго путешествія, Апрѣля 26 числа приближились мы въ Москвѣ. Когда мы были еще на полмили отъ города, прибѣжалъ къ намъ на встрѣчу съ великою поспѣшностію и весь въ поту, пожилыхъ лѣтъ человекъ, бывшій прежде Посланникомъ въ Испаніи, и донесъ, что

(*). „Баронъ Сигизмундъ фонъ Герберштейнъ былъ въ Россію присланъ сперва въ 1516 году отъ Императора Максимилиана одинъ, и потомъ въ 1526 году отъ Елецгерцога Фердинанда вмѣстѣ съ Графомъ Леонардомъ Нугаролою“ — говоритъ г. Сочинитель *Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ*. Вторая Часть (I Отдѣленіе) сей любопытной книги вышла изъ печати въ Харьковѣ 1812 года. Герберштейново описаніе составляетъ весьма важную принадлежность Исторической Россійской Липшерапурѣ. Изд.

Государь его многихъ Боярѣ, кошорыхъ всѣхъ назвалъ онѣ по именамъ, опрядилъ для встрѣчи, что они ожидають насъ въ нѣкопоромъ извѣстномъ мѣстѣ, и что мы, какъ скоро шуда прибудемъ, должны сойти съ лошадей, дабы повелѣнія великаго Государя слушать споя. Когда же я спросилъ его, для чего онѣ тако спѣшилъ бѣжавши къ намъ? Тогда онѣ отвѣчалъ: Сигизмундѣ! мы своему Государю служимъ совсѣмъ иначе, нежели вы своему. Подѣзжая къ городу, увидѣли мы великое множество верьхами людей, кои, когда мы приближались къ нимъ, сошли съ лошадей, что также и мы сдѣлали. Одинъ изъ бывшихъ въ полѣ сей началъ говорить: Великій Государь Божією милоспїю Великій Князь и Государь всея Руси (здѣсь проговорилъ онѣ весь шишулъ), узнавъ, что вы прибыли, яко Послы брата его, Императора Карла и его брата Фердинанда, выслалъ насъ Боярѣ своихъ для встрѣщенія васъ, приказавъ узнать отъ васъ о здоровьѣ брата своего Императора и Короля Карла равно какъ и Ерцгерцога Фердинанда. Другой Графу Нугаролѣ говорилъ: Графъ Леонардѣ, Великій Государь (здѣсь опять повторилъ весь шишулъ Великаго Князя), повелѣлъ мнѣ встрѣтить тебя, препроводить въ назначенное жилище и удовольствовашъ всѣмъ пошребнымъ. Трешій шо

же самое говорилъ мнѣ. По окончаніи сего, что все дѣлано было съ обѣихъ спорнъ съ непокровенными главами, первый изъ нихъ началъ опять говорить: Великій Государь (и паки весь пишуль его) повелѣлъ узнать о своемъ здоровьѣ. То же самое сказано было и мнѣ; на что мы, по Рускому обычаю, отвѣтствовали: даруй Боже Великому Князю многолѣшное здравіе. Мы по милости Божіей и благоволенію Великаго Князя вѣхали доселѣ въ добромъ здоровьѣ. Тотъ же самый Бояринъ началъ въ претій разѣ: Графъ Леонардъ! Великій Государь (попомъ весь пишуль) прислалъ тебѣ съ своей конюшни верховую лошадь съ сѣдломъ и во всемъ уборѣ и сверьхъ того еще другую. То же самое сказано было и мнѣ; и когда мы за сіе отблагодарили, то Бояре, взявъ насъ за руки, спрашивали отъ себя, здорово ли мы доѣхали? Наконецъ прибавили они, что мы изъ почтенія къ ихъ Государю должны сѣсть на подаренныхъ намъ лошадей; что мы поспѣемъ и исполнили. Мы переѣхавъ черезъ рѣку Москву, между безчисленнымъ множествомъ народа, прибыли къ назначеннымъ для жилища нашего домамъ, споявшимъ одинъ противъ другаго. Въ домахъ сихъ не нашли мы ни хозяевъ, ниже какой мебели. Каждый изъ Московскихъ прищавовъ говорилъ Послу своему, что онъ

вмѣстѣ съ присавами, прибывшими съ нами изъ Смоленска; имѣетъ отъ Государя своего повелѣнїе доставлять намъ все для насъ попребное. Оба представили намъ по одному чиновнику, которымъ поручено было доставлять намъ ежедневно пищу и напитки. Они поспѣшъ просили насъ сказать имъ, не имѣемъ ли мы въ чемъ надобности. Попомъ каждый день приходили освѣдомляться, все ли нужно для насъ получаемъ?

Руской Дворъ имѣетъ свое особенное обыкновенїе, которому слѣдуетъ всегда въ содержанїи или угощенїи Нѣмецкихъ, Польскихъ и другихъ державъ Посланниковъ; а попомъ присавы или проводники ихъ подробно знаютъ, сколько каждому изъ нихъ давать надобно хлѣба, напитковъ, мяса, рыбы, сѣна и другихъ вещей; сколько дровъ для попленїя покоевъ и бань, сколько соли, перцу, масла, луку и иныхъ мѣлочей, смотря по качеству особы, они пребывать могутъ. Сему правилу слѣдуютъ также присавы, провожающїе Посланниковъ въ Москву или изъ Москвы къ границамъ (*). Наши при-

---

(*) Обыкновенїе содержать такимъ образомъ иностранныхъ Пословъ продолжалось у насъ неизмѣнно до начала прошедшаго столѣтїя. Для показанїя тогдашнихъ обычаевъ и дешевизны вещей приведемъ здѣсь одинъ при-

спавы хотя достапочно снабдѣвали насъ
рищею и напишками, но всегда почши вмѣ-
сто прѣбованнаго нами доставляли другое, о
чемъ мы имѣ и не напоминали. Напротивъ
того ежедневно подаваемо было намъ пять
родовъ напишковъ, а именно, двухъ сор-
шовъ пиво и трехъ соршовъ медъ. Однаж-

мѣрь. Когда въ 1601 году прибылъ въ Рос-
сію Посоль отъ Англійской Королевы Ели-
саветы, то опредѣлено было ему и быв-
шимъ при немъ людемъ давать :

Послу на день 2 калача.

— — — два хлѣба денежныхъ.

А Дворянамъ по калачу и по хлѣбу денеж-
ному на человѣка.

На два дни яловица, цѣна - - 60 коп.

— — — 4 барана, каждый - - 7 $\frac{1}{2}$ —

— — — 9 куриць - - 2 $\frac{1}{2}$ —

— — — полошь вешчины - - 12 —

— — — 200 яиць - - 10 —

— — — 5 фуншовъ масла, каждый по 1 $\frac{1}{2}$ —

На два дни вѣдро смешаны - - 5 —

— — — чешверть пуда соли - 2 $\frac{1}{2}$ —

— — — чешверикъ крупъ - - 4 —

— — — луку, чесноку и капусты на 6 —

Питья :

Послу на день пять чарокъ вина горячаго.

— — до Вологды по 2 кружки романи вмѣ-
сто краснаго меду, а отъ Вологды по круж-
кѣ романи.

— — чешверть вѣдра меду обарнаго.

— — полведра меду пашошнаго.

— — вѣдро меду Княжаго.

Росс. Истор. К. Щеръ. VII. I, 150 и 151.

ды приказалъ я между прочимъ купишь для себя на рынкѣ живой рыбы. На сіе сильно жаловались наши присавы, говоря, что пѣмъ оскорбляется Государь ихъ. Вскорѣ послѣ сего сказалъ я присаву своему, что находящимся въ свитѣ моей пѣпи Дворянамъ нужны постели. Онъ отвѣчалъ, что у нихъ нѣтъ такого обычая, чтобъ давать кому нибудь постель; на что я сказалъ ему, что я сего и не требую; я самъ куплю имъ постели; но говорю сіе на томъ концѣ, дабы ты не прогнѣвался, когда я сіе сдѣлаю. На другой день явился ко мнѣ опять присавъ мой и сказалъ: я докладывалъ Боярамъ Государя моего о томъ, о чемъ мы говорили вчерашній день. Они приказали мнѣ доложить тебѣ, чтобъ ты постелей не покупалъ, потому что они намѣрены съ Посланниками вашего Государя обойтись также, какъ обходящаяся съ Рускими Посланниками у васъ.

Когда мы чрезъ два дни по прибытіи нашемъ отдохнули, то спросили своихъ присавовъ, когда Великій Князь попребуешь или допустишь насъ на аудіенцію? Мы доложимъ о семъ, отвѣчали они, Боярамъ нашего Государя. Назначенъ былъ день; но послѣ аудіенція наша опложена до другого дня. На канунъ по утру явился къ намъ присавъ нашъ съ объявленіемъ

отъ Государя своего повелѣнїя, что завпрещнїй день должно будеть намъ предспасть предъ Великаго Князя. То же самое повелѣнїе и по же извѣстїе повпорилъ онъ попомъ и вечеромъ, и еще по утру въ день самой аудїенціи, и всякїй разъ, приходя къ намъ, имѣлъ при себѣ Велико-Княжескаго переводчика. Въ послѣднїй разъ бышноси его у насъ спуспя около часа, возвратился опяшь съ величайшею поспѣшностїю и сазалъ: сей часъ будуть къ вамъ Бояре и возмутъ васъ съ собою къ Государю; почему надобно, чпобъ вы изволили на сей разъ бышь въ одномъ домѣ. Сїи Бояре были Князь Ярославскїй, родственикъ Государя, и другой, одинъ изъ пѣхъ, кои отъ имени Великаго Князя поздравляли насъ съ приѣздомъ. Приспавы наши нѣсколько разъ напоминали намъ, дабы мы симъ Боярамъ оказали должную честь, встрѣпили бы ихъ и нѣкопорымъ образомъ дали бы Великому Князю преимущество предъ нашимъ Государемъ. Оспвѣтъ нашъ соспоялъ въ томъ, что мы сами знаемъ, что намъ должно дѣлать, и что мы по непременно и сдѣлаемъ. Бояре по прибытїи къ намъ сошли съ лошадей и въ Графской кварширѣ начали уже всходить на лѣстницу; но мы встрѣчатъ ихъ не спѣшили, съ намѣренїемъ, дабы они взош на половину лѣстницы. Попомъ мы просили

ихъ войши въ гостиную ; но Князь сказалъ : Великій Государь (здѣсь проговорилъ онъ весь шишулъ его) повелѣлъ вамъ явиться къ нему. Посему мы сѣвши на лошадей, отправились и близъ крѣпости нашли такое множество народа, что военные люди едва могли насъ провести. При Рускомъ Дворѣ существуетъ обыкновеніе, что всякой разъ, когда иностранные Послы представляемы бывающъ Великому Князю, то всѣ дѣши Боярскіе и другіе служивые люди изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ собираются, всѣ масперовые оспиваютъ свою работу и всѣ сколько возможно собираемы бывающъ купцы и другіе жители Московскіе. Сіе дѣлается съ тѣмъ, дабы иностранные Послы изъ великаго множества народа о силѣ В. Князя, а собранный народъ изъ великолѣпныхъ посольствъ могъ заключить объ уваженіи, какое къ Государю ихъ имѣющъ какъ сосѣдственныя, такъ и отдаленныя народы и Государя. По прибытіи въ крѣпость увидѣли въ оной людей различныхъ достоинствъ и степеней. У самыхъ воротъ стояли простые граждане, на площади военные люди, которые такъ поставлены были что намъ подѣхавъ къ крыльцу было не можно ; ибо сходить съ лошадей у самаго крыльца никому кромѣ В. Князя не позволяется. Какъ скоро взошли мы почти

на половину лѣспницы, встрѣтили насъ Великокняжескіе Бояре, копорые взявъ насъ за руки и подѣловавшись съ нами, повели далѣе. Когда вошли уже на лѣспницу, то опять встрѣтили Бояре высшей степени, копорые также дали руки и заступили мѣсто первыхъ. При входѣ во внутренніе покои привѣщивали насъ еще старшіе Бояре (*), копорые ввели попомъ въ пространную, наполненную первѣйшими чиновниками палату, а отсюда въ аудіенцъ-залу, предъ копорую стояли только шѣ, кои служашъ В. Князю ежедневно. Изъ всѣхъ, между копорыми мы проходили, никто не дѣлалъ намъ никакихъ знаковъ почтенія, ниже казался обращающимъ на насъ вниманіе. Даже когда мы кланялись, или заговаривали со знакомыми, тогда они на привѣщивія наши ставъ сухо отвѣчали, что какъ будто бы насъ никогда не видали. Но какъ скоро вошли мы въ аудіенцъ-залу, то всѣ находившіеся въ оной Бояре всѣли, чего Велико-Княжескіе братья, когда присушствуютъ при аудіенціяхъ, не дѣлающъ, хотя сидяшъ и съ непокровенными главами. Одинъ изъ первыхъ Бояръ самъ собою безъ всякой съ нашей стороны

(*) Это называлось: первая, вторая и третья встрѣчи. Министрамъ второкласныхъ державъ дѣлали только по двѣ встрѣчи. У.

просьбы, слѣдуя Русскому обыкновенію, говорилъ Великому Князю: Великій Государь! Графъ Леонардъ челомъ бьетъ; и попомъ опять: Великій Государь! Графъ Леонардъ челомъ бьетъ за великую милость, которую ты ему оказываешь (*). Также и Сигизмундъ. Государь сидѣлъ въ то время на возвышенномъ престолѣ съ открытою головою. Надъ нимъ на стѣнѣ блисталъ образъ какого-то Святаго. По правую сторону его стояла скамья, на коей лежала его шапка, а по лѣвую на другой скамьѣ посохъ, крестъ, умывальница и двѣ кружки съ полотенцомъ. Говорятъ въ Россіи, что когда Государь Посланнику Римско-Каплическаго исповѣданія даетъ свою руку, то чрезъ прикосновеніе его считаетъ себя оскверненнымъ, а пошому тотчасъ по изшествіи Посланника умываетъ себѣ руки. Прямо противъ В. Князя стояла для Посланниковъ скамья, на коей мы сѣдѣлавъ привѣтствіе, по его приказанію сбли. Привѣтствіе наше переводчикъ толковалъ опѣ слова до слова. Государь, слыша произносимыя имена Карла и Фердинанда, вставалъ со своего престола, и по окончаніи привѣтствія спрашивалъ: здоровъ ли братъ

(*) *Magne domine, Leonhardus Comes frontem percutit, et rursus: magne domine, Leonhardus Comes frontem percutit de tua magna gratia etc. Pag. 126.*

мой, избранный Императоръ Римскій и великій Король? Между тѣмъ, когда Графъ оповѣщивалъ, что Императоръ здоровъ, Великій Князь восходилъ опять на свой престолъ и садился по прежнему. Подобнымъ же образомъ спрашивалъ онъ и о здоровьѣ Ерцгерцога Фердинанда; потомъ подзвавъ обоихъ насъ къ себѣ, сказалъ: дай мнѣ свою руку. По семъ спрашивалъ каждого изъ насъ, благополучно ли мы ѣхали? На что мы отвѣчали: дай Богъ тебѣ многолѣшное здравіе! я по милости Божіей и по твоему благоволенію здоровъ. Потомъ сего приказалъ онъ намъ сѣсть. Прежде нежели мы сіе исполнили, благодарили сперва Государю и потомъ Князьямъ и Боярамъ, которые для почести нашей тогда стояли, низкими на всѣ стороны поклонились. Другихъ державъ Посланники, а особливо Польскіе, Лифляндскіе и Шведскіе, во время даваемыхъ аудіенцій, обыкновенно подносятъ В. Князю отъ имени своихъ Государей, отъ себя и своей свиты подарки. Сіе происходить, какъ мы слышали, слѣдующимъ образомъ: какъ скоро Посланникъ исполнилъ свое препорученіе, то введшій его Бояринъ громогласно говоритъ: Великій Государь! Посланникъ челомъ бьетъ и подноситъ подарковъ. То же самое повторяетъ онъ о второй, третьей и прочихъ особахъ посольства. Потомъ Боярина спо-

итѣ Дьявѣ, который поимяннѣ со всею подробностію записываетъ подарки наждаго. Подарки сіи называются у Рускихъ *ломинками*. Они спрашивали также и насъ о подаркахъ; но мы отвѣчали, что у насъ ихъ не бываетъ (*). Послѣ того

(*) Кромѣ Польскихъ, Лифляндскихъ и Шведскихъ Посланниковъ, подносили Россійскимъ Государямъ подарки сіи, или, какъ тогда называли, поминки, и Послы Англійскіе и другихъ народовъ. Но въ чемъ они состояли, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: I) Прибывшіе въ 1603 году Послы отъ вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ Любека, Бремена, Ростока, Стральзунда, Гданска, Гамбурга, Люнебурга и другихъ къ Царю Борису Θεодоровичу, поднесли ему большого серебрянаго позолоченаго орла, серебряныхъ позолоченыхъ строуса, пеликана, грифа, льва, единорога; Царевичу Θεодору Борисовичу ими же поднесено, серебряныя позолоченныя: орелъ со скипетромъ, Фортуна, Венера, павлинъ, лошадь, а сверхъ того большой такой же кубокъ, на которомъ изображены были имена и гербы всѣхъ оныхъ городовъ. II) Тому же Государю Англійскаго Короля Іакова Посолъ Шмидъ въ 1604 году представилъ: карету, обитую бархатомъ, двѣ сулеи серебряныя вызолоченныя, сосудъ хрустальный, обдѣланный золотомъ, лохань и рукомойники серебряныя позолоченныя, два такихъ же стола; самъ Посолъ отъ себя поднесъ Царевичу Θεодору Борисовичу цѣпь жемчужную, нѣсколько суконъ, два самѣна.

какъ мы нѣсколько времени посидѣли, Великій Князь пригласилъ насъ къ столу своему сими словами: вы сего для со мною ошобѣдайте. Во время перваго посоль-

---

ла коронкихъ, обдѣланныхъ золотомъ; отъ Королевы Царевнѣ Ксеніи: кубокъ серебряный золоченый и два шаковыежъ сосуда; Впрочемъ сіе обыкновеніе при Россійскомъ Дворѣ еще при семъ же Государѣ начинало уже выводиться (*). Россійскіе Государи, отправляя своихъ Пословъ къ другимъ дворамъ, посылали также съ ними и подарки, кой состояли наипаче въ мягкой рухляди. Но дабы видѣть, какъ велико было ея при шаковыхъ случаяхъ употребленіе, помѣстимъ здѣсь извѣстіе, сколько съ Россійскими Послами въ 1595 году опущено было къ Цезарю и въ запасъ и на приказный расходъ и на раздачу, съ означеніемъ тогдашней цѣны: 1 е) соболей 1,000 сороковъ, цѣною на 28,097 руб. а въ головныхъ былъ сорокъ въ 400 руб.; 2 е) куницъ 519 сороковъ, цѣною на 5,190 руб.; 3 е) лисицъ черныхъ и чернобурыхъ 120, цѣною на 565 руб.; 4 е) 337,235 бѣлокъ, по 20 руб. тысяча, всего на 6,749 руб. съ полщиною; 5 е) бобровъ черныхъ 3,000; на 1,708 руб., 18 алтынѣ, двѣ деньги; 6 е.) волковъ 2000 на 530 руб.; 7 е) съ двора опущено 75 кожъ лосиныхъ, по 1 руб. каждая: и того всей мягкой рухляди съ Послами опущено на 44,720 руб. и 8 денегъ. *Древ. Росс. Вивлиоѳ. XV. 127 и 128. У.*

(*) Росс. Истор. Кн. Щербат. VII. I. 142, 183, 194.

ства моего въ Россію онъ приглашалъ меня къ столу своему, по Рускому обыкновенію, слѣдующими словами: Сигизмундъ, ты побѣдишь нынѣ со мною хлѣба - соли. Вскорѣ послѣ приглашенія сего Государь, призвавъ къ себѣ нашихъ приспавовъ, говорилъ имъ что-то на ухо. Сѣи объявили о томъ переводчикамъ, копорые сказали: пожалуйше въ другую комнапу! Между тѣмъ; пока мы разговаривали съ Великокняжескими Боярами о своихъ дѣлахъ, въ споловой накрывали столы. Когда мы вошли въ оную, то В. Князь, его братья и Бояре уже сидѣли. Послѣдніе всѣ при входѣ нашемъ встали. Мы осплагодаривъ ихъ, поклонясь на всѣ стороны, сѣли на тѣхъ мѣстахъ, копорыя мановеніемъ показалъ намъ В. Князь. Столы во всемъ залѣ накрывшы были кругомъ. По срединѣ онаго стоялъ высокой поставецъ, наполненный золошою и серебряною споловою посудою. На томъ столѣ, за копорымъ сидѣлъ Государь, по обѣ его стороны было порожняго мѣста сполько, какъ можно достать ему руками. Ежели оба братья не въ сплучкѣ, то старшій изъ нихъ садился по правую, а младшій по лѣвую руку. Въ нѣкопоромъ большемъ нѣсколько разспояннѣ, нежели въ какомъ отъ В. Князя бывають братья его, сидѣли отъ первыхъ спаршіе Князь и Бояре, каждый

по своему чину и уваженію, въ какомъ онъ находился у В. Князя. Мы сидѣли за особымъ столомъ противъ В. Князя; въ нѣкоторомъ же разстояніи отъ насъ люди, принадлежавшіе къ нашему посольству и противъ сихъ шѣ придворные, которые изъ нашей квартиры сопровождали насъ ко Двору. За обоими самыми крайними; одинъ противъ другаго стоявшими столами, находились придворные люди и другіе чиновники, кои отъ Государя поимянно приглашены были. На всѣхъ столахъ находились сосуды одинъ съ солью, другой съ перцомъ и третій съ уксусомъ. Они по длинѣ стола такъ поставлены были, что предъ каждымъ четырьмя особами стояло по три сихъ сосуда. Между шѣмъ, пока всѣ собирались и данъ былъ знакъ подавать кушанья, опредѣленные къ тому придворные служители стали всѣ противъ Государя, не сдѣлавъ предъ нимъ никакого знака своего къ нему благоговѣнія. Незадолго предъ начатіемъ стола Государь позвавъ къ себѣ одного изъ Боярѣ, далъ ему два продолговатыхъ хлѣба, сказавъ: подай его Графу Леонарду, а ешошъ Сигизмунду. Вояринъ вмѣстѣ съ переводчикомъ подошелъ къ намъ, одному послѣ другаго говорилъ: Графъ Леонардъ и пр. В. К. Василій Ивановичъ, Государь всея Руси и пр. удословляя тебя въ своей милости; по-

сылаешъ шебъ хлббъ сей со своего стола. Когда переводчикъ громгласно повпорялъ сїи слова, мы для приняшїя знака милоспи вставали. То же дѣлали и другїе, кромѣ Великокняжескихъ брашьевъ. За сїю милоспь В. Князя неспребуешся иной благодарности, какъ полько, принявъ хлббъ и положи его на столъ, поклонись сперва Государю, а потомъ Боярамъ. Чрезъ подаванїе хлба Государь являешъ свою милоспь, а солю показываетъ любовь свою, и по сей-то причинѣ при Рускомъ Дворѣ нельзя получить никакой чеспи больше, какъ когда Государь присылаешъ кому со стола своего соль. Предъ самымъ начашїемъ стола Спольники, не сдѣлавъ впрочемъ предъ Государемъ никакого знака своего благоговѣнїя, выщли изъ споловой, принесли сперва водну, копорую Рускіе обыкновенно предъ кушаньемъ пьюшъ, и потомъ жареныхъ павлиновъ, всегда почти соспавляющихъ первое кушанье изъ мясныхъ, предлагаемыхъ гостямъ. Три шаковыхъ павлина спспавлены были предъ В. Княземъ. Государь, маленькимъ ножичкомъ попробовавъ, копорый изъ нихъ лучше, велѣлъ потомъ снѣшъ ихъ со стола. Спольники такимъ же порядкомъ, какимъ приносили, понесли ихъ вонъ; потомъ разрѣзавъ, спспавили опять на столъ въ малыхъ мисахъ, въ каждой по чешыре ку-

ска. Тотъ же самый Бояринъ, который подаешъ гостямъ хлѣбъ и другія кушанья именемъ Государя, споймъ всегда подлѣ него для подаванія ему пишья. В. Князь опъ каждаго блюда даешъ напередъ откушывашъ Спольшнику. Послѣ сего опрѣзываетъ шо въ шомъ, то въ другомъ мѣстѣ часть, кушаетъ самъ, и шо блюдо, съ котораго уже кушалъ, опсылаешъ или одному изъ братьевъ своихъ, или которому нибудь изъ находящихся при шомъ Посланиковъ; или Боярамъ. Блюда сѣи какъ подаются, такъ и принимаются съ такими же обрядами, съ такими и хлѣбъ, какъ сказано выше,

Коль скоро начали мы ѣсть жареныхъ павлиновъ, шо подали намъ уксушъ, соль и перецъ, кои Рускіе при жарномъ употребляютъ вмѣсто соуса или подливки. Равномѣрно во все время продолженія стола находились на ономъ для шога же употребленія кислое молоко, соленые огурцы и сливы. Съ прочими кушаньями поступаемо было такимъ же образомъ, какъ и съ жаркимъ, кромѣ шога что ихъ опять со стола не снимали.

Подаваемые напитки состояли въ Малвазіи, другихъ Греческихъ винахъ и различныхъ медахъ. Государь приказываетъ

себѣ подавать обыкновенно, однажды или дважды кубокъ, и когда хочешь пить изъ него, то призвавъ къ себѣ Посланниковъ, говоришь сими или подобными симъ словами: Ты Леонардъ и ты Сигизмундъ отъ великаго Государя прибыли къ другому великому Государю, Ты совершилъ дальній путь. Воспользовавшись Нашею милостию и узрѣвъ пресвѣтлыя очи наши, будешь здоровъ. Пей и бѣшь пока будешь сытъ, потомъ отдохни, дабы ты въ соспоянїи былъ возврашиться къ своему Государю.

Вся посуда, въ которой подаваны были кушанья, напитки, соль, перецъ, уксусъ и проч. были, какъ увѣряющъ, изъ чистаго золота. Справедливосць догадки сей доказывающъ между прочимъ и самая тяжесць посуды (*). Съ чепырехъ сю-

---

(*) Подобно сему и въ послѣдствїи времени бывшіе въ Россїи иностранцы всю столовую посуду Царскую почитали за золотую; но Кн. Щербашовъ объ истинѣ сего сомнѣвается, говоря: взирая на тогдашнїя обстоятельства, что Россїя неимѣла своихъ рудниковъ, торгующая ея хотя и была довольно прибыльна съ Азїйскими народами, но со всѣмъ тѣмъ, если разсмотримъ, какой вѣсъ должны были имѣть сіи двѣсти блюдъ и другїе сосуды (въ коихъ подавано было кушанье и напитки бывшему въ 1602 году въ Москвѣ Датскому Принцу Іоанну), какъ

ронъ поставца, или по нынѣшнему буфета, стояли чешыре Мундшенка (крайчѣе), изъ коихъ каждый держалъ въ рукѣ по кубку для употребленія В. Князю. Въ продолженіе сполна Государь часто разговариваетъ съ Посланниками, спрашиваетъ ихъ, подѣуетъ и вообще обходится весьма милосливо и снисходительно. За споломъ сидятъ иногда часа по три, или по чешыре. Во время перваго посольства моего просидѣли мы до перваго часа ночи. Рускіе, подобно какъ разсуждая о какихъ нибудь важныхъ дѣлахъ, нерѣдко по цѣлому дню оспаютъ въ собраніи и онаго неоснавляютъ прежде, пока начатаго дѣла не окон-

безъ сомнѣнія не составляли еще всѣхъ Царскихъ сокровищъ, то конечно повѣствованіе сіе покажется невѣроятнымъ. Правда, продолжаетъ онъ, что въ бывшихъ послѣ смерти Царя Бориса возмущеніяхъ Государева казна претерпѣла великій ущербъ; при всемъ томъ многія драгоценныя вещи, какъ-то: цѣпи златыя, многіе серебряные сосуды, дары присланные изъ разныхъ Государствъ въ мастерской и оружейной Палатѣ находятся и нынѣ, а потому возможно ли, чтобъ изъ столькаго числа великихъ золотыхъ блюдъ ни одного не оспалось? Изъ сего явствуетъ, что вся сія посуда была серебряная позолоченая, каковой дѣйствительно великое множество находится; но иностранцами пошлена она за золотую. *Рос. Истор. VII. I. 29. 173. У.*

чатъ; равнобрно въ состоянїи они также праздничные или торжественные дни проводятъ въ пированїяхъ. По окончанїи стола Государь ничбмъ важнымъ не занимается. Иностранныхъ Пословъ опускаетъ онъ, сказавъ: теперь вы можете идти домой. Тѣ же самые придворные чиновники, которые препровождаютъ Пословъ ко Двору, сопутствуютъ имъ и въ ихъ жилища, гдѣ обвиваютъ, что имъ привазано оставашься для препровожденїя съ ними въ удовольствїи времени. Въ слѣдъ за симъ приносятъ серебряные съ напишками сосуды и шаковые же кубки, и всебрно спаряются Посланниковъ сколько можно употребить. Въ семъ искусствѣ Рускіе весьма сведущи. Ежели не имбютъ они способа заставишь кого нибудь выпить, то начинаютъ пить за здоровье Императора, или брата его, или за здоровье Князя и другихъ знаменитыхъ особъ. Они думаютъ, что ошговаривашься и не пить за чье нибудь здоровье не должно или не можно. За здоровье пьютъ такимъ образомъ: шотъ, что предлагаешъ пить, спазовишя посреди горницы и учливо произносишь имя, за чье здоровье онъ пешъ, и что желаетъ ему всякаго благополучїя. Выпивши переворачиваетъ кубокъ на голову, дабы показашъ, что онъ его опорожнилъ и излилъ желанїе совершеннаго благополучїя шому,

нѣ имя предъ шѣмъ произнесѣ. Потомѣ подходивъ къ первому мѣсту, приказываешь наполнить многіе кубки, подносишь ихъ каждому, и произносишь имя того, за чье здоровье пить надлежитъ. Послѣ сего всѣ должны выходить на средину покоя, и выпивъ кубокъ, опять садиться на свои мѣста. Кто не захочетъ допьяна напишья, тотъ долженъ или представиться пьянымъ, или спящимъ, или перепить Русскихъ, или наконецъ рѣшишельно объявить, что онъ больше пить не въ состояніи. Рускіе наилучшимъ угощеніемъ почитаютъ, ежели кого уподчуютъ допьяна, или до безчувствія. Когда я во время перваго посольства моего приглащенъ былъ ко Двору въ послѣдній разъ обѣдать (ибо Посланниковъ приглашали тогда къ столу какъ по приѣздѣ ихъ, такъ и при отпускѣ), то В. Князь, вспавши и приказавъ подать себѣ кубокъ, сказалъ мнѣ: Сигизмудъ, сей кубокъ пью въ знакъ моей любви, уваженія и за здоровье избраннаго Императора Римскаго Максимилиана. То же самое сдѣлаешь ты и всѣ, кто здѣсь ни есть, для показанія тебѣ любви моей къ брату моему Максимилиану, дабы ты по возвращеніи своемъ могъ донести ему, что ты здѣсь видѣлъ. Послѣ сего подалъ мнѣ кубокъ, сказавъ: выпей сей кубокъ за здоровье моего брата Императора Максими-

ліана и пр. Такимъ же образомъ и съ тѣми же словами подавалъ онъ кубокъ и каждому изъ бывшихъ при томъ. Всякой изъ насъ принявъ его, ощуція нѣсколько назадъ, вышивалъ, низко поклонясь напередъ Государю. Поднесши всѣмъ, поздравилъ меня въ себѣ, и взявъ за руку, сказалъ: теперь можете вы отправиться въ свой плушь.

Когда Посланники порученныя имъ дѣла совсѣмъ или хопя часпю окончашъ, то Государь обыкновенно приглашаетъ ихъ съ собою на охоту. Близъ Москвы есть лѣсъ, въ которомъ водятся превеликое множество зайцовъ, коихъ неполько ловить запрещено подъ строгимъ наказаніемъ, но даже рубить въ немъ деревья. Какъ скоро В. Князь вознамбрился въхашъ на охоту, то приносяшъ шуда зайцовъ и изъ другихъ звѣринцовъ, коихъ у него немало; ибо Государь шѣмъ большее ошъ охоты получаешъ удовольствіе, чѣмъ большее число поймаетъ ихъ. Выѣхавъ въ поле, посылаетъ одного изъ бояръ или придворныхъ своихъ за Посланниками. Коль скоро они приближаются на нѣкоторое ошъ него разстояніе, то слѣзши съ лошадей, подходятъ къ нему пѣшкомъ. Такимъ же образомъ приведены были и мы. Государь сидѣлъ на богатоубранномъ конѣ въ пребога-

шомъ одѣянїи. Глава его была покровенна. Онъ снявъ рукавицу и подавая намъ руку, приказалъ переводчику сказать; мы вознамѣрились повеселимся охотою и васъ сдѣлать участниками сего удовольствїя. Сядьте же опять на лошадей и спускайте за мною. Головной уборъ его состоялъ изъ шапъ называемаго колпака, украшеннаго сзади и спереди золотыми листьями, кои возвыщаяся на подобїе салпановъ, по взадъ, по впередъ изгибалися. Одѣянїе его было изъ золотой парчи; къ поясу привѣщены были по Рускому обыкновенїю два длинные ножа и длинный также кинжалъ. Сзади за поясомъ зашпнутъ былъ кисмень, украшенный золотомъ. По правую сторону его бѣжалъ изгнанный изъ Казани Царь Шихъ-Алей, по лѣвую же два молодые Князья. Казанскїй Царь имѣлъ при себѣ двойной волчанъ; въ одномъ изъ нихъ находился лукъ, а въ другомъ стрѣлы. По прибытїи нашемъ въ поле мы нацли тамъ до шрехъ сотъ всадниковъ. На самомъ мѣстѣ охоты находилось нѣсколько сотъ охотниковъ, изъ коихъ одна часть была въ черномъ, а другая въ желтомъ плашѣ. Ловля продолжалась нѣсколько часовъ и зашрвлено до шрехъ сотъ зайцовъ. По окончанїи охоты В. Князь побѣжалъ къ одной деревянной башнѣ, отстоящей отъ Москвы на нѣсколько тысячъ шаговъ, и около кошорѣй раз-

бишо было множество палашокъ. Одна са-
 мая высокая и пространныя для Государя,
 другая для Царя Казанскаго, шрешїя для
 насъ, многїя для чиновниковъ и другихъ
 надобностей. Какъ скоро каждый вошелъ
 въ назначенную для него палашку, шо Го-
 сударь немедленно приказалъ позвать насъ
 въ свою. В. Князь сидѣлъ на скамейкѣ изъ
 словоѣ косши; по правую его сторону Царь
 Казанскїй, а по лѣвую молодые Князья,
 бывшіе у него въ особой милости. Про-
 шивъ него въ сторону мы Посланники и
 многїе Бояре. Когда мы сѣли, шо подава-
 ли намъ сперва сушеные плоды и конфек-
 ты, потомъ разные напитки, при чемъ
 Государь, подобно какъ и во время пиршествъ,
 присылкою тѣхъ и другихъ являлъ шакже
 особенную милость свою. Во время перваго
 посольства моего онъ на помъ же мѣстѣ да-
 валъ споль. Иногда приглашаетъ онъ По-
 сланниковъ и на медвѣжьѣю правлю. За
 нѣсколько дней до нашего отбѣзда мы
 шакъ же какъ и по прибышїи приглашены
 были въ Великокняжескому сполу. Каж-
 дый изъ насъ обоихъ Посланниковъ полу-
 чилъ шогда въ знакъ почшенїя по собольей
 шубѣ, кошорыя мы и должны были на-
 дѣшь. Послѣ шого, когда пришлїи мы въ
 аудїенцъ-залу, шо одинъ чиновникъ отъ
 имени обоихъ насъ провозгласилъ: Вели-
 кїй Государь! Леонардъ и Сигизмундъ за

швою великую милоспшь челомъ бьютъ. Кромъ плашья сего В. Князь подарилъ намъ еще сорокъ два собольихъ мѣха, приспа горноспаевъ и 1500 бѣлокъ. Во время перваго моего посольства я кромъ всего получилъ еще съ прекрасною лошадыю сани, при копорыхъ было изъ кожи бѣлаго медвѣдя покрывало. Равнымъ образомъ снабдилъ онъ меня на дорогу множеспвомъ сбѣспныхъ припасовъ, состоявшихъ въ замороженныхъ сперлядахъ, бѣлугахъ и другихъ вкусныхъ рыбахъ. У.

III. К Р И Т И К А.

Письма о Крымѣ, объ Одессѣ и Азовскомъ морѣ (*).

Мы предпринимаемъ сказать нѣсколь-
ко словъ о такихъ *Письмахъ*, которыя,
по увѣренію господина Издашеля ихъ (пред-
увѣд. стр. II), *понравятся всѣмъ чи-
тателямъ*. Именно сіе достоинство ихъ

(*) Въ Москвѣ, у книгопродавца Бува, въ ши-
пографіи И. С. Всеволожскаго 1810.

можешъ послужишь для насъ извиненіемъ, что старою книгою — ибо уже при года какъ она напечатана — хошимъ занять вниманіе нашихъ читателей.

Въ 1808 году Сочинитель ъздилъ на короткое время изъ Одессы въ Молдавію, откуда возвратившись, отправился въ Крымъ; потомъ окружилъ Азовское море, и опять приѣхалъ въ Одессу. Письма его на Французскомъ языкѣ напечатаны были въ *Британской библіотекѣ* — шакъ называется одинъ журналъ; издаваемой въ Женевѣ. Сеншменшальныхъ путешествій теперь уже болѣе не пишутъ, по крайней мѣрѣ на Французскомъ языкѣ; того ради нашъ наблюдатель вознамѣрился смотрѣть на вещи глазами спашистика и географа, не забывая впрочемъ, для пріятнаго разнообразія, записывать, гдѣ и какъ случилось ему бѣдѣть; пишъ кофе и проч. Онъ прилѣжно замѣчаетъ успѣхи просвѣщенія, по ешь гдѣ и какъ говорятъ пофранцузски; на примѣрѣ въ деревнѣ одного Молдавскаго помѣщика бесѣдовалъ онъ съ его женою, которая (спран. 11) *говорила пофранцузски, хотя съ трудностію*, а мужъ ея не говорилъ ни пофранцузски, ни порусски; у сей госпожи на столѣиъ лежалъ дурной Французской романъ (спран. 15), и мужъ ея гордился тѣмъ, что его дра-

жайшая супруга упражняешь въ чтеніи Французскихъ авторовъ. И такъ Молдавія начинаетъ просвѣщаться! Уже оказываются и слѣдствія столь хорошаго начала: въ Яссахъ (спран. 21) *все* женщины говорятъ пофранцузски; но за то изъ словъ же самаго Сочинителя Писемъ видно, что женщины сіи представляють изъ себя смѣшныхъ обезьянъ, желая казаться искусными въ свѣтскомъ обращеніи; онѣ переспали уважать мужей своихъ; Русскіе офицеры шутятъ надъ первыми и дурачатъ послѣднихъ; самъ Сочинитель, слыша разговоры и видя пошупки Молдавановъ, не могъ не почувствовать *чрезвычайнаго удивленія, съ отвращеніемъ смѣшаннаго*. Напрошивъ того обѣдавши въ Ахмечешу у дворянскаго Предводителя, родомъ Грека, онъ замѣтилъ, что супруга его *неговоришь пофранцузски* (спран. 59). Иной путешественникъ могъ бы умолчать о рыболовѣ, о копоромъ онъ только слышалъ, будучи мимо; Сочинитель Писемъ, какъ Французъ, упоминаешь о своемъ землякѣ съ подобающимъ уваженіемъ и даешь приятной случай своимъ чипашелямъ принести дань похвалы сему неизвѣстному рыбарю (спран. 151): „Близъ Темрука, на берегахъ Азовскаго моря, живешь одинъ Французъ, копорой *„подаетъ примѣръ рачительности и*

„*бодрости*; онъ производилъ рыбную ловлю, соля рыбу. . . .“ Но за то уже господину Сочинителю Писемъ въ Екашеринадаръ показалось нѣсколько спраннымъ, что офицеры Черноморскаго войска, говоря съ Ашаманомъ своимъ, извѣявляющъ ему глубокое почтеніе, и что за каждымъ словомъ величаютъ его пишущимъ Превосходительства (спран. 181). На Дону равнымъ образомъ не понравилось путешественнику, что отправлявшій Ашаманскую должность Генералъ принялъ его со всею своею важною, за обѣдомъ прежде самъ бралъ кушанье, и неговорилъ ни слова (спран. 227). А какой предорогой былъ случай насладиться Французскою бесѣдою! Слѣдующія и нѣкоторыя подобныя спатписиическія замѣчанія покажутся новыми для многихъ: спран. 44. „*Въ каждой Россійской губерніи находится Гражданской Губернаторъ подначальный Военному Губернатору;*“ или: спран. 128. „*Возвратившись въ маленькое селеніе, мы показали свой паспортъ мѣстному *Городничему,**“ (Татарину) „*которой обязанъ смотрѣть за устройствомъ своего селенія. . . Проводникъ нашъ (уншерб-офицеръ) . . . ударилъ его (Городничаго), говоря: мы хотимъ пошчасъ вѣсть. Татаринъ безъ всякихъ околичностей приговорилъ намъ скоро обѣдъ,*“ и проч.

До сихъ поръ чипашели ничего еще не видали. Важность замѣчаній нашихъ шеперь только начинается. Мы не сказали, что сїи Письма напечатаны вмѣстѣ, въ одной книгѣ, съ Французскимъ подлинникомъ. Онѣ изданы на обоихъ языкахъ для того, какъ объявляется въ Русскомъ предувѣдомленіи, что ежели переводъ ихъ будетъ *несовершенъ для разборчивости* нѣкошорыхъ чипашелей, то по крайней мѣрѣ самой подлинникъ доснавивъ можешъ пользу и заняшіе многимъ.“ И въ самомъ дѣлѣ Издашель поспуилъ очень благоразумно; въ прошивномъ случаѣ другому чипашелю пришлось бы выписать изъ Женевы Брипанскую библиошеку. Впрочемъ надобно опдашь полную справедливосшь господицу Переводчику, кошорой съ своей спороны не ұпустилъ ничего, чшобы Письма о Крымѣ сдѣлашь сколько можно *люболылиѣ*. Рѣзвое перо его иногда споль же удивисельно играешъ надъ мыслями авшора, сколько кисть маляра Ефрема при списываніи лицъ играла надъ смершными, изображая, по словамъ спихошворца, Архипа Сидоромъ, а Кузьму Лукою.

Рѣчь идешъ о Молдавїи. Спран. 26. „Солнце шамъ имбешъ благошворное влїяніе; . . .“ въ подлинникѣ: „Le sol y est

de la meilleure qualité . . . “ Земля, пошва являешся здѣсь въ видѣ солнца единствен- но по наружному сходству между Фран- цузскими словами sol и soleil.

Спран. 36. „Степные жителы ловящъ „ихъ (степныхъ крыс), наливая воды въ „норы, въ коихъ онѣ живушъ, *питаюся* „*своимъ мясомъ*.“ Въ подлинникѣ: Les gens du pays le prennent en mettant de l'eau dans les trous qu'il habite, et se nourissent de sa chair. Кажется, по смыслу под- линника, жителы ѣдятъ мясо степныхъ крысъ, копорыя въ переводѣ, можетъ быть для возбужденія ужаса еѣ читапелѣ, пи- таюшся своимъ собственнымъ мясомъ, по- ешь пожираюшъ другъ друга!

Путешественникъ добхалъ благополу- чно до *Переяслава* (надобно бы сказаши до Берислава); надлежало переправляшся черезъ Днѣпръ. Спран. 46. „Въ полную „воду рѣка имѣетъ *въ окружности* двѣ „мили ширины.“ Въ подлинникѣ: Le fleuve dans la saison des hautes eaux, a environ deux lieues de large. Сказаши, что рѣка имѣетъ мили двѣ, или около двухъ миль ширины, было бы очень просто; гораздо красивѣе всю *окружность* рѣки Днѣпра, отъ истока ея до устья, вмѣстѣ въ пространствѣ двухъ миль Французскихъ.

Стран. 54. „Въ Перекопѣ также есть удивительные магазины соляные; соль *опправляютъ изъ горъ*, продавая отъ *короны* всегда на многія тысячи рублей. „Эту соль вынимаютъ изъ соляныхъ озеръ, близъ Перекопа находящихся . . .“ Соль *опправляютъ изъ горъ*, потомъ вынимаютъ изъ озеръ! это настоящая поэзія въ прозѣ. Въ подлинникѣ весьма не спихопорно: Il y a à Perekor de prodigieux magasins de sel; on en voit des montagnes. Другой перевелъ бы это: въ Перекопѣ находятся превеликіе запасы соли; тамъ насыпаны ею цѣлыя горы, тамъ видны цѣлыя горы соли — или какъ нибудь иначе.

Стран. 56. „Въ осьми миляхъ отъ *Ахмечешя* находилась столица *Крыма*; тамъ сцена совсѣмъ перемѣняется.“ A environ huit lieux d'Ach-metchet, la capitale actuelle de la Crimée, la scene change. И тутъ переводчикъ искусно умѣлъ скрыть настоящую мысль автора, которой хотѣлъ сказать, что сцена перемѣняется въ осьми миляхъ отъ Ахмечешя, *нынѣшняго главнаго города*.

Перекинувши нѣсколько листовъ, находимъ (стран. 72): „Ташары, какъ и другіе мусульмане имѣютъ столько у себя *женъ*, что не могутъ во всякой дати

„отчета.“ Вотъ у инаго робкаго чипашеля пошчасъ родился въ голозѣ мысль: какъ неприятно бѣднымъ Ташарамъ Крымскимъ, а особливо женолюбивымъ, давашь опчешъ во всякой женѣ! и комужѣ? Можешъ бышь какимъ нибудь шалунамъ и насмѣшникамъ, копорые умышленно предлагають самые спранные яопросы. Но въ подлинникѣ сказано такимъ образомъ: les Tartares, ainsi que les autres musulmans, ont autant de femmes qu'ils en peuvent entretenir. Это опяшь можно было бы перевести нѣсколько иначе; на примѣрѣ: Ташары, подобно другимъ мусульманамъ, имѣють по спольку женѣ, по сколько содержатъ ихъ въ соспо-янїи. Но далѣе! allons! courage!

Оспановимся на минушу на вершинѣ достопамятной горы Чатпырдага. Спр. 104. „Имя Шепирдага значимъ гора *Телкина*; „въ самомъ дѣлѣ она походитъ на *Телку*.“ Ежели правда, что въ Швейцарїи одна Алпїйская гора походитъ чѣмъ-то на дѣвущку, опѣ чего и названїе свое имѣетъ, то конечно не мудрено и Крымской горѣ походить на шешку; но иной чипашель, не бывшїй никогда въ Крыму и не повѣрившїй Писемъ сихъ съ Французскимъ подлинникомъ, спанецъ спрашивашъ, на чью именно шешку походитъ эта чудная гора: на шешку ли Баширѣ-Агя, у копорого путешествен-

никъ обѣдалъ; или на шепку сына его Мустафы Мурзы, кошорой много денегъ спомѣ опцу своему; или наконецъ на одну чью-либо шепку, съ кошорою и свѣрять нельзя споль необычайнаго сходства, по неизвѣстности оригинала. Швейцарская гора, походя на дѣвушку, вѣрно уже непоходитъ въ чемъ нибудь на вдову или на замужнюю женщину; всякой можетъ вообразать себѣ дѣву по своему идеалу; но какъ, по какому идеалу, и подѣ какими чертами общими всѣмъ шепкамъ вообразить себѣ одну шепку, какъ подѣ именемъ человека иногда разумѣемъ мы весь родъ человеческій? Ета спашья останешся для многихъ загадкою, хотя во Французскомъ подлинникѣ и сказано: *son nom signifie la montagne de la tente*, parceque elle a éffectivement la forme d'une tente; и хотя нѣкоторые гоповы думашь, будшо слово *tente* значить здѣсь не *тентку*, но *шатерьъ, палатку*.

Мы не спанемъ болѣе выписывать. Довольно повпорить вообще, что господинъ Издашель весьма хорошо поступилъ, напечатавши *Письма о Крымѣ* въ такомъ видѣ и на обоихъ языкахъ вмѣстѣ: отъ того книжка сдѣлалась вдвое толще; бумаги, сажы, масла вышло вдвое; рабочимъ людямъ въ шипографіи заплачено вдвое же: вошѣ сколько добра доспавляешъ

ремесле писателей и переводчиков! Они одни въ состоянїи обогатить Государство, а особливо еслибъ запрещено было грубой кристикъ мѣшаться въ ихъ благонамѣренныя предпріяшїя; ибо кристика клеветами своими иногда опгоняетъ покупателей опъ книгъ весьма занимательныхъ. И какая нужда ей до нармановъ благосклонныхъ чинашелей? Пускай бы себѣ покупали! *Т.*

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

Прокламація отъ Его Величества Короля Прусскаго.

Къ моему народу,

Нѣтъ нужды ни для моего народа, ни для Нѣмцовъ предсавлять причины о войнѣ, шеперь начинающейсѣ. Онѣ предъ глазами неослѣпленной Европы.

Мы пали подъ бременемъ превосмогающей силы Франціи. Миръ, похипившїй у меня половину подданныхъ, не даровалъ намъ своихъ благодѣяній; онѣ, еще болѣе

самой войны, нанесъ намъ глубокія раны. Пишательный шувъ земли нашей высосанъ; крѣпости остались во власти непріятели; земледѣліе ослабѣло, равно какъ и промышленность городовъ, доведенная до высокой степени. Свободное опправление торговли прекратилось, а съ нимъ вмѣстѣ изсякли источники приобрѣтенія и благосостоянія. Государство обнищало.

Точнымъ исполненіемъ условій надѣялся я доставить народу своему облегченіе и убѣдиль маговецъ Французскаго Императора, что для собственнй его пользы Пруссія должна оставаться независимою. Но чистѣйшія намѣренія мои уничтожены гордынею и вѣроломствомъ, и мы ясно увидѣли, что договоры его, еще вѣрнѣе нежели самая война, медленно доведутъ насъ до гибели. Настала минута, въ которую всѣ оболъстительныя мечшы о нашемъ состояніи исчезаютъ.

Жители Брандебургіи, Пруссіи, Силезіи, Помераніи и Липвы! вамъ извѣстно, что вы претерпѣли въ истекшее семилѣтнее время; вы знаете, какой бѣдственный жребій доставился вамъ, если мы начинающейсѣ нынѣ брани не окончимъ славно. Вспомните о временахъ минувшихъ, о великихъ Курфиршахъ, о Великомъ Фридрихѣ. Вспом-

нише о благахъ, съ пролишѣемъ крови предънами нашими приобрѣщенныхъ: о свободѣ совѣсти, о чести, о независимости, о торговлѣ, о промышленности, о наукахъ. Имѣйте въ памяти великѣй примѣръ Россіянъ, сильныхъ союзниковъ нашихъ; помните объ Испанцахъ и Португальцахъ. Слабѣйшіе народы выступали на брань противъ сильнѣйшихъ и одерживали надъ ними побѣды. Вспомните о храбрыхъ Швейцарахъ и Нидерландахъ.

Великія жертвы попребудуся отъ всѣхъ сословій; ибо предприятіе наше велико, а число и способы враговъ нашихъ не малозначительны. Вы лучше принесете всякія жертвы для опечесства, для природнаго Короля своего, нежели для чуждаго властелина, копорой, какъ показали уже многіе примѣры, обречетъ сыновъ вашихъ и послѣднія силы ваши намѣрежіямъ своимъ, для васъ совершенно чуждымъ. Упованіе на Бога, терпѣніе, мужество и сильная помощь нашихъ союзниковъ увѣнчающъ наградами побѣдъ законныя наши усилія. Но сколь бы ни великія жертвы могли бытъ попребованы отъ каждаго, онѣ малы въ сравненіи съ шѣмъ священнымъ благомъ, за которое принесемъ ихъ, за которое должны мы сражаться и побѣдиль, если же хопимъ переспалъ бытъ Прусаками и Нѣмцами.

Намъ предстоитъ послѣдняя рѣшительная война за бытїе наше, за нашу независимость и благосостоянїе; намъ остается одно — или честный миръ, или славная гибель. И на сїю послѣднюю вы не робко успремилесь бы для спасенїя чести своей, безъ которой Прусавъ и Немецъ жить немогутъ; но мы твердо уповаемъ: Богъ и рѣшительная воля наша дадутъ справедливому нашему дѣлу побѣду, а съ нею прочный и славный миръ, и возвращающъ намъ времена счастья.

Бреславъ, 17 Марта.

Отъ Его Величества Короля Прусскаго къ войскамъ.

Къ моему воинству.

Многократно извѣяли вы желанїе свободу и независимость отечества возвращить силою оружія. Настала вождѣнная минута! Нѣтъ ни единого члена въ народѣ, которой бы не былъ въ шомъ внутренно удостовѣренъ. Юноши и мужи со всѣхъ сторонъ добровольно успремляются къ оружію. Къ чему побуждаетъ ихъ свободная воля, къ шому обязываетъ васъ должность ваша; ибо вы составляете постоянное войско. Ошъ васъ, посвященныхъ оборонѣ

отечества, отъ васъ отечество имѣетъ право претребовать того, на что они добровольно выходяются. Смотрише, сколь многие оставая все, что ни есть для нихъ любезнѣйшаго, несутъ жизнь свою вмѣстѣ съ вами положиши за дѣло отечества. И пакъ, сугубо да возчувствуете священный долгъ свой! да сохраните его въ памяти своей въ день битвы, равно какъ и при всякой нуждѣ, при перенесеніи трудовъ и при наблюденіи внутренняго порядка! Да исчезнетъ личное славолубіе въ каждомъ, отъ перваго до послѣдняго въ войскѣ! Кто дышетъ отечествомъ, тотъ о себѣ не помышляетъ. Презрѣніе да постигнетъ славомбца, когда дѣло идетъ о благѣ общемъ, передъ которымъ все должно безмолвствовать. Побѣда низпосылается отъ Бога. Явите себя достойными высокаго Его покровя послушаніемъ вашимъ и исполненіемъ должности. Мужество, терпѣніе, вѣрность и строгій порядокъ да будутъ славою вашею. Слѣдуйте примѣру вашихъ предковъ; будьте достойными ихъ и помышляйте о потомствѣ.

Вѣрную получитъ награду, кто отличился; снѣдъ и строгое наказаніе постигнетъ забывающаго свою должность.

Король вашъ всегда будетъ съ вами; при немъ наследный Принцъ и другіе

Призцы его Дома. Они вмѣстѣ съ вами будутъ сражаться — они и весь народъ будутъ сражаться вмѣстѣ съ вами; при насъ находящійся будетъ пришедшій на помощь намъ и Германіи храбрый народъ, который стяжалъ себѣ независимость великими и знаменитыми подвигами. Онъ имѣлъ довѣренность къ своему Государю, къ своимъ предводителямъ, уповалъ на справедливость своего дѣла, и Богъ пребылъ съ нимъ. Будете и вы ему подобны; ибо и мы начинаемъ великую брань за независимость опечесива.

Улованіе на Бога, мужество, терпѣніе да будутъ военнымъ нашимъ словомъ.

Фридрихъ Вильгельмъ.

*Письмо отъ Адмирала Вильнева
къ Наполеону.*

Извѣстно, что Адмиралъ Вильневъ, проигравши Трафальгарское сраженіе и плавши въ плѣнъ къ Англичанамъ, получилъ-было отъ Британскаго правительсва дозволеніе на честное слово возвратиться въ Францію, и что самъ Наполеонъ запретилъ ему въ Парижъ прибхать. Бывъ чрезвычайно огорченъ тѣмъ, и неимѣя никакого способа оправдаться противъ обвиненій, не-

чапаемыхъ въ Монистерѣ, онѣ раз-
возможилъ себѣ голову; но прежде оспа-
вилъ письмо, котораго содержаніе бы-
ло сокрыто отъ публики. Издатель
Рижскаго *Зрителя*, получивъ отъ ко-
го-то переводъ онаго письма на Нѣ-
мецкомъ языкѣ, напечаталъ его въ ли-
сткахъ своихъ, дабы сдѣлать извѣст-
ными послѣднія слова опчаянія храб-
раго мужа, служащаго къ его оправда-
нію, и дабы представилъ доказатель-
ство, что по крайней мѣрѣ не всѣ Фран-
цузы заражены шѣмъ слабоумнымъ и
посыднымъ расположеніемъ, съ како-
вымъ нація ихъ нѣсколько уже сряду
лѣтъ дозволяетъ управлять собою вла-
стоплюбивому чужестранцу.

Вы должны вспомнить, что когда Ла-
пушъ умеръ, я начальствовалъ въ Рош-
форѣ, и что я тогда же уклонялся отъ
почести быть его преемникомъ. Я твердо
былъ увѣренъ, что всякой, кому бы ни до-
счалось управлять или распорядить спра-
вною и худо успроенною экспедиціею соеди-
неннаго Французско-Испанскаго флота,
всякой былъ бы со спыдомъ побитъ, хотя
бы по несчастію и удалось ему спасти
жизнь свою отъ неизбежнаго пораженія въ
битвѣ съ такимъ неприятелемъ, которой
покрывалъ все моря своими кораблями. Точ-
но сіи слова говорилъ я тогда вамъ и Ми-

министру морскихъ силъ. Послѣ того про-
 шивъ воли своей принужденнымъ бывъ оп-
 пышь въ Барселонѣ и Кадиксу, и тамъ
 очевидными опытами убѣдившись, какими
 людьми наполненъ былъ флотъ Испанской
 и съ какимъ искусствомъ дѣлалъ онъ свои
 движенія, при первомъ случаѣ послалъ я
 мою просьбу объ отсѣлѣ; попомъ опять
 неоднократно повторилъ я свои докуи объ
 увольненіи отъ службы, находясь въ Мар-
 шиниѣ, передъ Ферролемъ и Кадиксомъ.
 Когда получилъ я повелѣніе отъ 24 Сен-
 тября возвратиться съ соединеннымъ фло-
 томъ въ Тулонъ, хотя бы надлежало про-
 биться сквозь флотъ Ангійской, то я
 отвѣчалъ, что исполню повелѣніе; но въ
 то же время напомнилъ Министру о пре-
 жней моей просьбѣ объ отсѣлѣ, объ опа-
 сеніяхъ моихъ вразсужденіи успѣха морской
 битвы, и о твердомъ намѣреніи моемъ,
 одержу ли побѣду, или проиграю сраженіе,
 навсегда отъказаться отъ опаснаго своего
 мѣста, для котораго я былъ неспособенъ,
 по причинѣ собственныхъ моихъ правилъ, а
 еще болѣе отъ свирѣпаго и яростнаго вашего
 нрава. Несчастія при Трафальгарѣ не долж-
 но приписывать ни оплошности, ни недо-
 статку въ мужествѣ; епо весьма обстоя-
 тельно доказано мною въ подробномъ донесе-
 ніи о сей морской битвѣ. Для чегожъ ему
 не даю мѣста въ Монистерѣ, между шѣмъ

какъ обвиненія и порицанія опъ враговъ моихъ всегда въ немъ печатающіяся? Получивши мое донесеніе, вы сказали съ обыкновенною наглостію и съ обыкновеннымъ свирѣпствомъ: „вижу, что надобно непременно и во Франціи ввести примѣрную казнь, чтобы флоты мои сдѣлать побѣдоносными.“ Тысячи голосовъ повторили сіе безчувственное выраженіе, сей смертный приговоръ бѣснующагося чужестраннаго хищника противу природнаго, любящаго свое отечество Французскаго Адмирала, и никто не удостоилъ замѣнить мое донесеніе; бысть можетъ его даже и совсѣмъ не читали. Я однакожъ предложилъ въ немъ нѣсколько горькѣя истины, коими доказывалъ, что ваше высокобріе, бывшее причиною испребленія Французскаго флота при Абукирѣ, равнобріе и при Трафальгарѣ, послужило причиною къ такому же несчастію. Во время вашего управленія, въ нѣсколько лѣтъ опечество мое и союзники его потеряли уже болѣе военныхъ кораблей, нежели сколько было ихъ всего на все въ Королевскихъ флотахъ при Лудовикѣ XIV и Лудовикѣ XV, и ежели мое опечество еще нѣсколько времени будетъ оспаваться подъ гнѣвомъ Божіимъ, то естъ подъ желѣзнымъ скипетромъ вашимъ; по морская сила его придетъ въ такое же дурное состояніе, въ какомъ находится его

морская торговля, и въ гаваняхъ его скорѣннѣе не будетъ видно, кромѣ морскихъ разбойниковъ и купцовъ разорившихся.

Какую пользу имѣло опечесство мое до сихъ поръ отъ славы всѣхъ вашихъ счастливыхъ походовъ? Свободнѣ ли оно теперь годъ вашимъ господствомъ, нежели было прежде? Обремененные налогами, ужасно угнетаемые безчувственными военными деспотами сограждане мои оплакиваютъ приближеніе неминуемой гибели, даже не смѣя и вздохнуть о томъ громко. Только вы, родственники и швари ваши пользуетесь выгодами побѣдъ, приобретаемыхъ кровью и стяжаніями Франціи. Что прибыли Французамъ кровожаднѣйшаго прайдоху имѣть своимъ Императоромъ, - - - - - его - - - - - братьевъ и шурьевъ Королями и Принцами, племянницъ Королеями и Принцессами, участниковъ злодѣаній его Дюками, Маршалами и Кавалерами? — Хотя вы оковали шѣла Французевъ, однакожъ не могли оковать ихъ разума. Увидѣвши во Французскомъ павну до 20,000 Австрійцевъ или Русскихъ, о чемъ другомъ они могутъ помышлять, какъ не о томъ, что въ Англіи находится еще болѣе земляковъ ихъ, отправленныхъ туда вашею дерзостію и честолюбіемъ.

По шову, кошорымъ я говорю съ вамъ въ ешомъ посланїи, вы легко догадаешесь, что бѣшеное мщенїе ваше до меня уже недоспанешъ. Повелѣнїе вашего Министра о шомъ, чшобы я не приближался къ столицѣ вашей, неполучивъ предварительнаго опѣ васъ дозволенїя, опдалило минушю вашей казни и освобожденїя рода чловѣческаго. Въ прошивномъ случаѣ я, кошорый швердо рѣшился неперезишь погибели Французской морской силы, прежде испребилъ бы васъ, а попомъ уже наказалъ бы себя самага, за шо что нарушивъ уваженїе къ чести своей, къ должности, къ породѣ и къ своему званїю, дозволилъ я упопрелять себя орудїемъ вашего ширанства. Вы еще находишесь между живыми; ешо самое служивъ доказательствомъ, что враждебная судьба по недовѣдомымъ причинамъ желаетъ еще вашему варварскому господству продолженїя. Но будъше увѣрены — и ужаснѣйшїя преступленїя ваши послуживъ для васъ очевиднымъ доказательствомъ въ сей истинѣ — будъше увѣрены, что *поелику вы жили какъ величайшїй тиранъ и злодѣй, то и конецъ вашъ долженъ быть несчастенъ и ужасенъ.* Убїйца или палачъ прекративъ исполненную мерзостей жизнь вашу, ко спыду чловѣчества до сего времени продолжающуюся; а чшобы добродѣтельное пошом-

спво, которое можешъ бытъ спало бы по-
рицашъ какія нибудь дѣянїя публичной мо-
ей жизни, не оспавалось въ невѣдѣнїи обв-
искреннемъ моемъ раскаянїи и папрїоши-
ческихъ расположенїяхъ, наполняющихъ
душу мою въ послѣднїя минушы жизни,
по я опправилъ списки сего посланїя къ
офицерамъ, находящимся во Французскихъ
гаваняхъ. Подлые ваши льстецы могушъ
говорить, что хопяшъ; но еслибъ я умерш-
вилъ васъ, то наспоящее столбпїе и даже
всѣ градущїе въки благословляли бы память
мою, и почиали бы меня героемъ.

Трепещи тиранъ! ты живешъ въ об-
щемъ омерзѣнїи; ты умрешъ опягченный
общимъ проклятїемъ, которое и въ моги-
лу послѣдуешъ за тобою.

Вильневъ.

Оффиціальный отвѣтъ на клевету Монитера.

Публика чипала, и конечно съ изум-
ленїемъ, рапортъ Министра внѣшнихъ
дѣлъ, Дюва Бассано отъ 9 Января, напеча-
танный въ No 12 *Всемирнаго Монитера*
(*Moniteur Universel*). Хотя во всякое вре-
мя сочиненїя сего рода казались недоспой-

ными никакого вниманія; однакожь не излишнимъ почтается оффиціальною спашею отвѣчать на упомянутое донесеніе, при самомъ началѣ коего клевета истощила уже всѣ свои стрѣлы. Тамъ сказано, что „Россія, нарушивъ свои договоры, и опрѣкшись отъ союза со Франціею, дабы принять систему Англїи, объявила войну Императору Наполеону“ и проч. Современники и потомство освободятъ Россію отъ сего несправедливаго обвиненія. Одни уже увѣрены, а другое узнаетъ конечно, не смотря на всѣ упопреляемые Франціею предоспорожности, что безъ всякаго объявленія войны сдѣлано нападеніе на Россійскую Имперію; что это случилось въ то самое время когда продолжались переговоры о томъ, чтобы не оспавалось ниже малѣйшаго повода къ будущимъ несогласіямъ, и въ то самое время когда предложенія Императора Наполеона приемлемы были искренно и съ довѣренностію. Извѣстно также, что тридцать уже миль земли были заняты неприятелемъ, въ слѣдствіе сдѣланнаго имъ нападенія, осуждаемаго всѣми законами и ничѣмъ неоправдываемаго, прежде нежели начались сношенія между Россіею и Англїею, и что долго спустя послѣ нашего шествія неприятельскаго всѣ Россійскія пристани оставались зашворенными для кораблей Англійскихъ. — Столь ешрочая

беспечность въ исполненіи договоровъ уничтожаетъ всѣ обвиненія, вводимыя нынѣ Франціею. Есть дѣла, которыя теряютъ силу свою и важность отъ подробнаго изслѣдованія, и опроверженіе очевидной неправды могло бы почтено быть оскорбленіемъ общественнаго мнѣнія. Сколько ложныя показанія происходятъ, по всей вѣроятности, отъ невыгоднаго положенія дѣлъ между правительствомъ и народомъ, положенія, до котораго доведены онѣ безпримѣрными уштрашами.

(*Le Conserv. Impart.*)

V. С М Ъ С Ъ

Слабости великаго человека, или анекдоты о Лихтенбергѣ.

Лихтенбергъ, за четырнадцать лѣтъ передъ симъ умершій, извѣстенъ не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Можетъ быть онъ могъ бы одинъ доказать прошивное пому мнѣнію (котораго справедливости не хочу шеперь разсмапривать),

Будто Нѣмецкая земля богата ученостію и наукою, но бѣдна немного умомъ. Лихтенбергъ имѣлъ остроуміе блестящее, тонкое и даже игривое. Его *Изыясненія Гогарта*, и его *Геллингенскій календарь* служашъ тому доказательствомъ. Но я предославляю велерѣчивымъ секретарямъ всѣхъ ученыхъ обществъ, которыхъ Членомъ былъ знаменитый покойникъ, трудъ и славу хвалишь въ немъ писателя. А я буду только говорить о человѣкѣ. Новая черпа, къ дополненію исторіи бѣднаго рода человѣческаго, не опнесется конечно ни къ злословію, ни къ мизантропіи.

Есть ли безславіе для Езопа, для Попа, которыхъ жизнь перевелъ Лихтенбергъ, и для другихъ извѣстныхъ мужей, когда мы говоримъ объ ихъ шѣлесныхъ порокахъ? Гораций написалъ сатирическіе стихи на свое толстое брюхо, и коршное шуловище. Одинъ Русскій стихопворецъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ сему примѣру; и другій Русскій Поетъ, и Поетъ великій, опмспилъ свенравной природѣ за самый легкій ея недостатокъ стихами, немногимъ извѣстными. Езопъ шушилъ надъ своею уродливостію. Лихтенбергъ былъ не красивѣе Езопа, но имѣлъ слабость того спыдаться. Онъ боялся показаться на глаза;

боялся насмѣшекъ глупцовъ, шѣхъ избалованныхъ дѣшей, которыхъ не рѣдко природа надѣляетъ спашной осанкой и румянымъ лицомъ. Сія поскливая забота самолюбія, котората великій умъ побѣдитъ немумѣль, доводила его до такой робости, что присутствіе людей его устращало. Онъ бѣгалъ отъ нихъ; являлся только передъ своими учениками въ часы лекцій (*). Но пугался и учениковъ; говорилъ скоро и нескладно, говоря о вещахъ очень важныхъ и умныхъ. Я видѣлъ, свидѣтельствуешь авторъ, изъ котораго выписалъ я мои замѣчанія, я видѣлъ, какъ онъ мучился во время одной лекціи, чтобы написать мѣломъ нѣкоторыя фигуры на доскѣ, за нимъ стоящей: не оборачиваясь, писалъ, шянулся, чтобы достать до доски и крушилъ свою руку; но за то уродливостъ его скрывалась назадъ. О! ничтожность человѣческая!...

Онъ спрацился равномерно крипики на свои сочиненія. Близкіе къ нему друзья скрывали отъ него всякую чершу, которая могла оскорбить его. Отъ одной эпиграммы онъ блѣднѣлъ, ошчаявался, и здоровье его разспроивалось. Онъ былъ въ семъ случаѣ младенецъ, подобно Вольшеру. А между шѣмъ самъ шушилъ остроумно.

(*) Онъ занималъ мѣсто въ Гейштингенскомъ Университетѣ. В. К.

Лихтенбергъ любилъ женщинъ, по-
 еспь, ему хотѣлось имъ нравиться въ
 свою очередь. Нѣтъ такого плохого зна-
 шка сердца человѣческаго, который не уви-
 дѣлъ бы поспасъ, что сѣи два предло-
 женія совершенно одинакія. Зная, что жен-
 щины любящъ наружную приятность, ко-
 торой природа его лишила, онъ вздумалъ
 привязать къ себѣ одну изъ нихъ силою
 благодарности, и — женился на своей слу-
 жанкѣ. Не одинъ Руссо имѣлъ сей жребій;
 были пому примѣры въ жизни государей, и
 другихъ философовъ; и если бы учтивые
 Галлы нашего вѣка не сожгли у меня слав-
 наго поэта вѣка Августава, то я наиме-
 новалъ бы вамъ того знашнаго человѣка, ко-
 торому Горацій написалъ прекрасные спи-
 хи на случай подобной женидѣбы. Но какое
 до того дѣло? Лихтенбергъ не имѣлъ при-
 чины раскаяваться въ своемъ выборѣ. Госпо-
 жа Совѣшница Лихтенбергъ, съ которою, на
 канунѣ ея брака, люди обходились въ вух-
 нѣ съ брашскимъ равенствомъ, умѣла на
 другой день быть госпожею, и повѣдѣвать
 домомъ. Она берегла и покоила мужа до его
 смерти, какъ служанка, какъ сестра, съ
 нѣжною заботливостію, и послѣ его кон-
 чины была неуспѣшна — какъ говорящъ по
 крайней мѣрѣ.

Послѣднее его сочиненіе было письмо
 къ Профессору *Зайферу* о пшпахъ, види-

мыхъ на солнцѣ. Любимая мысль Лихтенбергова соспояла въ помѣ, что измѣненія нашей атмосферы зависяшъ отъ измѣненій свѣта, слѣдственно отъ пятенъ, отъ ихъ явленія и сокрытія на лицѣ солнца; и г. Лихтенбергъ такъ заключаетъ письмо свое: „разсматривая и наблюдая солнце, астрономы могутъ предсказывать воздушныя перемѣны, на подобіе того какъ можно предсказать, по лицу хозяйки дома, будетъ ли ведро или ненастье въ ея домашнемъ управленіи. Химическая *кухня* (*) земная очевиднымъ образомъ находится въ солнцѣ.“

Лихтенбергъ написалъ много нелицеприятней: можетъ быть и наше замѣчаніе покажется достойнымъ того же имени. Но, для насъ, обыкновенныхъ людей, есть польза обращать свое вниманіе на слабости мужей превосходныхъ. Епо или просвѣщаетъ, или утѣшаетъ насъ.

Впрочемъ честь его имени и миръ его праху!

В. И.

(*) Слово *кухня* немного низко для нашего языка, а не для Нѣмецкаго. В. И.

Внутреннія извѣстія.

Публика была извѣщаема въ свое время о вѣдствіяхъ достопамятнаго путешествія вокругъ свѣта въ 1803, 1804, 1805 и 1806 годахъ, прославившаго флагъ Россійскій подъ начальствомъ Капитана Крузенштерна. Описание онаго издано самымъ Начальникомъ экспедиціи въ трехъ Частяхъ на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Въ двухъ первыхъ Частяхъ содержится историческое повѣствованіе, сочиненное имъ же; третья состоитъ изъ записокъ ученыхъ его спутниковъ — Тилезіуса, Горнера и Еспенберга. Атласъ окончанъ: семьдесятъ рисунковъ выгравировано въ Академіи художествъ подъ смотрѣніемъ славнаго Клаубера, и болѣе 30 картъ отдѣлано въ Адмиралтействѣ. Объявлено уже, что готова и четвертая Часть, въ которой изяснены рисунки г-мъ Тилезіусомъ, а карты г-мъ Крузенштерномъ.

Въ чужихъ краяхъ отдали совершенную справедливость сему важному произведенію Россійской литтературы: въ началъ прошлаго года Англичане издали на своемъ языкѣ переводъ Крузенштернава путешествія вокругъ свѣта; явились также переводы на Шведскомъ и Голландскомъ языкахъ, и скоро будетъ напечатанъ одинъ на Французскомъ. Въ Германіи вышло, съ согласія г-на Крузенштерна, изданіе меньшаго формата, съ тѣмъ чтобы уменьшить цѣну для большаго числа покупателей. Сверхъ того г. Лангсдорфъ, одинъ изъ ученыхъ спутниковъ г-на Крузенштерна, издалъ въ Германіи свои *Прижѣчанія* въ двухъ Томахъ; избѣгая слишкомъ затруднительныхъ,

единовременно до учености касающихся подробностей, онъ имѣлъ въ виду почти то же намереніе, съ какимъ напечатано упомянутое выше второе изданіе Путешествія. Такимъ образомъ предложена къ свѣдѣнію публики одна Часть экспедиціи г-на Крузенштерна, какъ непосредственнаго начальника на фрегатѣ *Надеждѣ*, на которомъ онъ приставалъ къ берегамъ Японіи, Ёдзо, Сашелина и острововъ Курильскихъ.

Другому фрегату *Несъ*, состоявшему подъ начальствомъ г-на Лисянскаго, назначено было посѣтить Россійскія заведенія на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки и на островѣ Иткаяхъ. Г. Лисянскій съ равнымъ успѣхомъ совершилъ свое предорученіе, свѣдѣніемъ ко-его было открытіе неизвѣстнаго острова, на западной сторонѣ отъ Сандвичевыхъ острововъ лежащаго. Сочиненіе г-на Лисянскаго вышло изъ печати въ С. Петербургѣ прошлаго Февраля мѣсяца. Оно содержится въ двухъ Томахъ и при нихъ равнымъ образомъ находятся географическія карты. Книга сія доставитъ полезное и приятное занятіе любителямъ основательныхъ свѣдѣній, и безъ сомнѣнія переведена будетъ на разные Европейскіе языки. Между тѣмъ извѣстно, что Г. Лисянскій самъ перевелъ уже свое сочиненіе на Англійскій языкъ, и скоро приступитъ къ печатанію. Онъ вознамѣрился присесть къ своему переводу метеорологическихъ и астрономическихъ таблицы, копорыхъ нѣтъ при Россійскомъ подлинникѣ.

Сіи сочиненія можно назвать прекраснѣйшимъ памятникомъ, копорой народомъ Рос-

сійскимъ воздвигнутъ мореходству и наукамъ. Попомство успокоится при немъ, послѣ мучительныхъ воспоминаній о происшествіяхъ, обезславившихъ время нашего вѣка. Оно замѣнитъ, какъ отличительный признакъ сего славнаго путешествія вокругъ свѣта на корабляхъ Россійскихъ, что по благоразумнымъ и человеколюбивымъ распоряженіямъ во всѣ три года фрегатъ *Надежда* не лишился ни одного человѣка, и что на другомъ фрегатѣ умерло не болѣе двухъ. Попомство конечно удивится попечительности о сбереженіи здоровья и сохраненіи жизни въ такое время, когда большая часть замысловъ и расчетовъ по видимому клонится къ истребленію рода человѣческаго. Тѣмъ болѣе чести и славы Правительству, предназначавшему планъ сего путешествія и достойнымъ исполнителямъ снаго!

— Нѣкоторые сочинители Французскихъ и Нѣмецкихъ журналовъ удостоили вниманіемъ своимъ Русскія бороды и національную одежду Русскую. Они со всею важностію дѣлаютъ весьма невыгодныя замѣчанія о сихъ вибщнихъ отличіяхъ народа, которой заставилъ шрепешать люшыхъ враговъ своихъ, истребивши ихъ полчища. Чужестранные мудрецы безъ всякихъ околичностей называютъ *варварскимъ* все то, что не походитъ на ихъ обычаи. Какъ будто въ покрое Французскаго кафшана заключается глубокое паинство просвѣщенія и гражданскаго порядка! Если бы слова ихъ и мнѣнія заслуживали какое-нибудь вниманіе, то можно бы гордиться и даже ушѣшаться названіемъ *варваровъ*, приписываемымъ отъ сихъ *просвѣщенныхъ* дѣншелей. Отвратшелей для нихъ видѣ

Русскаго народа, потому что народъ сей не-
 хочеть быть порабощенъ чуждымъ пришель-
 цамъ! Римляне, завоевавши міра, пренебрегли
 при одномъ взглядѣ на Германцовъ, когда сіи
варвары со сверкающими взорами и откры-
 тою грудью появлялись передъ кровожадными
 своими пришельцами. Народъ, любящій
 свои отечественные обычаи, и вновь почув-
 ствовавшій всю ихъ цѣну, не опшлупаетъ
 отъ истиннаго просвѣщенія, но ближе къ
 нему подходитъ. Высочайшая степень сего
 просвѣщенія состоитъ въ свѣдѣніи о своемъ
 достоинствѣ, въ умѣннѣ гордиться имъ. При-
 вязанность къ обычаямъ составляетъ силу
 народовъ. Неумѣннѣ цѣнятъ, или упратив-
 шіе ихъ, создѣвались рабами чуждымъ пришель-
 цамъ. Русскіе спасли себя любовью къ родинѣ.
 Они имѣютъ теперь весьма справедливую при-
 чину гордиться народными своими отличіями,
 и носятъ *свою собственную* одежду, въ ко-
 торой видѣль ихъ непришель и подъ Моск-
 вою и на равнинахъ Двинскихъ. Ополченія и
 новыя войска прославяшъ себя новыми подви-
 гами въ сей удобной, мужественной и гроз-
 ной одеждѣ. Даже конные воины съ радостию
 удерживающъ при себѣ ту одежду, въ кото-
 рой они уподобяшъ хотятъ храбрымъ коза-
 камъ. Извѣстно, что во многихъ домахъ съ
 нѣкотораго времени одѣваютъ дѣтей въ Рус-
 ское платье. Никакое другое неприлично бо-
 лѣ нѣжному ихъ возрасту и неудобно болѣ
 для гибкихъ членовъ ихъ, которымъ нужно
 росши и укрѣпляться на свободѣ; но всего
 важнѣе, что дѣтя въ національной одеждѣ
 будешъ возрастать и укрѣпляться въ духѣ
 привязанности къ отечеству. Счастлирое
 время, когда народъ самъ къ себѣ возвращаетъ

ва, когда чувство любви къ родинѣ распростра-
няется между людьми всякаго возраста
и оставляетъ сѣмяна свои въ дѣтяхъ! Сии
дѣти возмужаютъ; они будутъ Русскими. Да
будутъ же они Русскими во всемъ, и да воз-
гордятся шбмъ, когда чужеземцы назовутъ
ихъ *варварами*! Для блага человѣчества
надлежало бытъ и другимъ такими варварами,
какими нынѣ явили себя Россіяне (*)!

Не должно удивляться, если скажемъ,
что сии прекрасныя и справедливыя мысли
написаны на Французскомъ языкѣ и можетъ
спастись перомъ чужестранца. Издатель *Бес-*
пристрастнаго блюстителя (Le Conserva-
teur impartial), изъ котораго онъ заимствованы,
достойнъ бытъ усыновленнымъ гражданиномъ
Россіи; изъ статей его газеты видно, что
онъ желаетъ добра нашему Отечеству, и не-
навидитъ Корсиканца.

— Возьмемъ изъ той же газеты мнѣніе,
которое должно бытъ приятно для всѣхъ на-
шихъ читателей, хотя бы нѣкоторые и не
одобрили онаго. Если медаль, выбитая по
повелѣнію безсмертной Екашеріны въ па-
мять сраженія при Чесмѣ. Надъ пылающимъ
флотомъ неприятельскимъ, вмѣсто всякой

(*) Французы называютъ Русскихъ варварами
за бороды, за платье и за ихъ любовь къ
отечеству; Русскіе называютъ варварами
Французовъ за наглость, за безчистоту,
за скотскіе поступки, за звѣрскія жесто-
кости, за грабежи, за убійства и за жи-
вотельства, за святотатство и безбожіе.
Кто правъ? кто виноватъ?

надписи, поставлено одно только слово: *быль*.
Если еще не назначена надпись для Московскаго Памятника, которой будетъ сооруженъ изъ отбитыхъ Французскихъ пушекъ, единственныхъ остатковъ Большой Арміи, державшей ступишь на Русскую землю; то ничего не можетъ быть возвышеніе и справедливѣе для надписи одного слѣдующаго слова: *быль*.

— Въ то время, когда имя Графа Витгенштейна, имя любезное Россамъ, спрашное Французамъ и утѣшительное для освобожденныхъ Германцевъ, раздавалось въ стѣнахъ Берлина и Гамбурга, любители музыки имѣли удовольствіе наслаждаться хвалебными кликами Герою въ защищенной имъ Сплицѣ. 22 Марта, въ С. Петербургскомъ Филармоническомъ обществѣ Придворнымъ актеромъ Московскаго Театра Зловымъ пѣта была слѣдующая *Венникя Пѣснь*, въ коей слова г-на Кобякова, музыка г-на Кашина:

Защитника Петрова Града
Велишь намъ слазить правды гласъ:
Его былъ Витгенштейнъ ограда —
И врагъ не смѣлъ идти на насъ.

Х о р ь.

Хвала, хвала тебѣ Герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!

Орлинымъ ты своимъ полетомъ
Врагу путь къ граду преградилъ,
И доказалъ предъ цѣлымъ свѣтомъ,
Что честію ты дорожилъ.

Х о р ь.

Хвала, хвала тебѣ Герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!

Лавровыя вѣнцы ужь व्यюпся
На храбрыхъ войнахъ твоихъ,
Въ народѣ плески раздаются:
Вездѣ гремятъ победы ихъ!

Х о р ь.

Хвала, хвала тебѣ Герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!

Геройскихъ дѣлъ твоихъ рядъ славныхъ
Россія вѣчноши предастъ,
Включитъ въ число сыновъ избранныхъ,
Царь почести тебѣ воздастъ.

Х о р ь.

Хвала, хвала тебѣ Герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!

Издатель получилъ письмо изъ *Кіева* отъ
22 Марта слѣдующаго содержания :

„Уже нѣсколько разъ оказывали вы мнѣ
спизхожденіе, помѣщая въ издаваемомъ вами
Журналѣ (*) извѣщеніе моей благодарности къ
рѣдкому Благотворителю, скрывающему имя
свое подъ знакомъ $\frac{3}{4}$. Сія великая душа, при-
нявъ единожды участіе въ положеніи моемъ,
и при всеобщемъ поспрясеніи не перемѣнилась!
и сквозь тысячи жалобныхъ воплей внимаешь
тихому вздоху уединенной матери семейства!
Грустно мнѣ не знать даже имени моего Благо-
творителя; — я вижу руку, пипающую пшён-
цовъ моихъ, и безмолвно благоговѣю предъ
существомъ невидимымъ. — Когда при распро-

(*) Вѣспн. Евр. 1811 г. No 18 стран. 159 и
No 23 стран. 247.

спранившемся разореніи въ нашемъ Отечествѣ сердце мое говорило мнѣ, что есть люди несчастнѣе меня, что сіи спрадальцы болѣе меня имѣютъ права на благотворительность душъ благородныхъ: однимъ словомъ, когда я мысленно уже отказалась отъ опредѣленнаго мнѣ вышеупомянушою особою ежегоднаго вспоможенія, — въ это время получаю чрезъ почтеннаго Протоіерея (Стефана Григорьевича Семьновскаго) двѣсти рублей, присланные отъ великодушнаго Благотворителя $\frac{27}{41}$. И къ большому моему изумленію читаю въ письмѣ его: , вечаынная перемена въ жизни причиною замедленія, копорте, какъ смѣю надѣяться, вы извините “ Мнѣ извинять сію великую душу! — Научите меня, милостивый государь, какъ изъяснить мнѣ чувства сердца моего; — или лучше изъясните ихъ сами. Изъясните, что чувствуетъ мать, видя дѣшей своихъ мольщиковъ о томъ, кто даетъ имъ воспитаніе и кого называть они не умѣютъ. Почтеннѣйшая особа сія изъяснила желаніе, чшобы я всякой разѣ извѣщала ее чрезъ *Вѣстникъ Ея* о полученіи присылаемаго мнѣ отъ нее ежегоднаго вспоможенія. Смѣю надѣяться, что вы, не смотря на несходство можешъ быть сей матеріи съ шепершимъ содержаніемъ Журнала вашего, не откажетесь (*) сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе, напечатавъ въ ономъ хотя нѣсколько строкъ изъ сего письма, дабы о полученіи мною на 1813 годѣ означенной

(*) Напротивъ того считаю извѣщенія о благодѣянїяхъ и чувствахъ признательности наилучшимъ украшеніемъ своего Журнала, а особливо въ нынѣшнее время великихъ податковъ челоувколюбїя. *Изд.*

суммы довести до свѣдѣнія иѣжно заблудившаго Благотворителя. Другаго на по средствѣ я не имѣю. — Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и проч. Г*. С*.”

— Къ Издателью Вѣстника Европы доставлена изъ Кіева отъ неизвѣстнаго Благотворителя, чрезъ посредство отца Протоіерея Льва Леванды, сумма ежегоднаго вспоможенія 150 рублей для врученія вдовѣ Пасторшѣ, г-жѣ Блаушицѣ (*), которая симъ приглашается извѣстить Издателя о своемъ мѣстопробываніи, и также дать знать о себѣ здѣшней старой Лютеранской церкви Пастору г-ну Рейнбоу, имѣющему вручить ей письмо, написанное на ея имя.

✱

Въ Митавѣ одинъ токарь, вмѣсто обыкновенныхъ лошадокъ или палочекъ, на которыхъ развѣзжаютъ дѣти, продаетъ деревянныхъ орловъ Французскихъ.

Заграничныя извѣстія.

Берлинскія газеты, бывши въ пискахъ Французскихъ, часто издавали фальшивые поны, очень странные и нестерпимые для свободнаго уха; на примѣръ 13 Февраля было напечатано, что 300 студентовъ тамошняго Университета записались въ новоучреждаемой егерской корпусъ, единственно *по движению патріотической ревности отразитъ*

(*) Вѣстн. Евр. 1811. No 5 стран. 82.

Русскихъ. Въ тѣхъ же газетахъ помѣщено было краткое извѣстіе о кончинѣ Виланда и въ концѣ сказано, что *Наполеонъ въ проѣздѣ своей черезъ Веймаръ 15 числа прошлаго Декабря отъивался о покойникѣ съ уваженіемъ.* Такимъ образомъ испорчено однимъ почеркомъ пера все то, что было предположено сказать выгоднаго въ честь знаменитаго стихотворца; симъ прибавленіемъ нарушено спокойствіе его праха.

Такъ точно и *Журналъ депар. Устій Эльбскихъ*, до вступленія Русскихъ въ Гамбургъ — бывший нѣсколько времени офранцузеннымъ въ слѣдствіе *великой мѣры grande mesure* Наполеоновою — долженъ былъ возвѣщать всякую всячину по сердцу великаго мужа. Теперь онъ опять выходитъ подъ прежнимъ, для всѣхъ приятнымъ названіемъ *Гамбургскаго безпристрастнаго корреспондента.* Въ послѣдній разъ прокричалъ онъ нѣсколько ругательныхъ опзывовъ о поступкѣ Генерала Йорка и выпустилъ нѣсколько извѣстій о *добровольныхъ* приношеніяхъ отъ городовъ Нѣмецкихъ на составленіе новой конницы. Ежели въришь покойному *Журналу деп. Устій Эльбскихъ*, то жители Олденбурга въ посланіи своемъ къ Наполеону объявляютъ, что они услышали объ измѣнѣ Генерала Йорка и о бѣдствіяхъ арміи *какъ подобаетъ истиннымъ Французамъ*; что они проклинаятъ какъ ужасную измѣну Генерала Йорка, такъ и пагубной союзъ между варварскимъ народомъ и климатомъ еще болѣе варварскимъ; наконецъ, что они оплакиваютъ невозможность свою за дальнимъ разстояніемъ представить Наполеону всѣхъ своихъ согражданъ, и что по-

сылаютъ къ нему только пять всадниковъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ. Жители города Миндена въ дозвѣсїи своемъ, послѣ обыкновеннаго предисловія о Генералѣ Іоркѣ, равнымъ образомъ увѣряютъ клятвою, что всѣ они гордятся Французскимъ названіемъ, и въ доказательство представляютъ челоуѣкъ пять всадниковъ.

*

Пишутъ изъ Кенигсберга, что тамъ не терпѣливо ожидаютъ договора, заключеннаго между нашимъ Всемилосердїишїимъ ГОСУДАРЕМЪ и Королемъ Прусскимъ. Тамъ извѣстно, что Баронъ Шпейнъ, прежній Министръ, удостоенный ордѣнъ обоихъ Монарховъ довѣренности, которую заслужилъ онъ своими дарованіями, и душевными качествами, содѣйствовалъ заключенію упомянутаго договора. Жизнь сего почтеннаго мужа, безцѣннаго при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, находилась въ опасности отъ поднявшейся вверхъ подагры; къ счастью однакожъ послѣднія извѣстія о его здоровьи подають утѣшительную надежду. Король прислалъ къ нему славнаго врача Гуффеланда, которой всѣ пособія своей науки употребляетъ для спасенія жизни его. Упрямство сего государственнаго мужа была бы не только для одной Пруссїи обѣдственною, но даже для всего челоуѣчества, которое теперь только отдыхаетъ начинаеть.

— Въ Прусскомъ Королевствѣ формируются 100 новыхъ баталіоновъ и 30 батарей артиллерійскихъ. Крѣпость Глогау обложена.

*

Графъ Ошто, Французскій посолъ въ Вѣнѣ, 10 Февраля давалъ великолѣпный празд-

никъ, на которомъ присутствовали многія значительнѣйшія особы и члены Дипломатическаго корпуса. Князь Ник. Естергази скоро отправится въ Парижъ. Извѣстіе о занятіи Австрійскими войсками Фиума и Триеста въ нѣкоторыхъ листкахъ, частными людьми издаваемыхъ, объявлено пребывающимъ подтвержденія. — Въ окружномъ письмѣ перваго Канцлера Графа Угарта къ начальникамъ Нѣмецкихъ провинцій Австрійской Монархіи, касательно распоряженій при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сказано между прочимъ слѣдующее: „Первая потребность для всѣхъ государствъ Европы есть миръ. Миръ, утвержденный на взаимныхъ выгодахъ и въ основаніи своемъ содержащій поручительство за свою прочность, составляетъ цѣль постояннѣйшихъ усилій Его Импер. и Кор. Величества. Но для достиженія сей цѣли надобно, чтобы Австрія приняла военное положеніе, соотвѣтствующее обстоятельствамъ. Если бы сіи усилія остались тщетными; то будетъ употреблено ея могущество для отдаленія театра войны самымъ дѣйствительнѣйшимъ образомъ отъ предѣловъ Монархіи.“ Сіи слова подали Венскимъ охотникамъ до политическихъ новостей причину къ разнымъ догадкамъ и сужденіямъ.

Но по новѣйшимъ извѣстіямъ, кажется, никакого нѣтъ сомнѣнія, что Его Величество Императоръ Австрійскій рѣшился принять справедливую сторону.

✱

Получаемыя въ Лондонѣ извѣстія одно за другимъ подтвердительно удостовѣряютъ, что Французская армія опустошаетъ въ Испаніи на всѣхъ пунктахъ; вообще тамъ дума-

юшѣ, что Бонапартѣ вознамѣрился вывести опшуда войска свои во Францію. Несомншельными предвѣстниками сего происшествія служашѣ опустошенія и грабежи, производимыя по всѣмѣ правиламѣ Французской тактики. Маршалѣ Сульшѣ хлопоталѣ въ Толедѣ объ испребленіи разныхѣ зданій, о похищеніи у жителей разныхѣ вещей и припасовѣ, и о скорѣйшемѣ сборѣ съ городовѣ военной консприбуціи. Валенція подвержена была той же участи. Въ Январѣ мѣсяцѣ прошелѣ черезѣ Сарагоссу большой караванѣ военныхѣ и гражданскихѣ чиновниковѣ Іосифа Бонапарта, опправляющійся во Францію. Равнымѣ образомѣ нѣсколько другихѣ каравановѣ съ украденными и награбленными вещами изѣ юго-восточныхѣ провинцій пошло черезѣ Мадридѣ къ границамѣ Бискаи. Февраля 8го Сульшѣ все еще однакожѣ находился въ Толедѣ, а Іосифѣ Бонапартѣ въ Мадридѣ. Между тѣмѣ храбрые Испанцы неушомимо продолжаютѣ войну, столь пагубную для ихѣ тирановѣ. Главная квартира Лорда Веллингтона 22 Января находилась въ Абрантесѣ, но скоро ожидали ее въ Фрейнадѣ. По извѣстіямѣ изѣ Кадикса, тамѣ происходили великія приготовленія къ отккрытію кампаніи, отѣ которой надобно ожидать весьма важныхѣ успѣховѣ. Лордѣ Веллингтонѣ сдѣлалѣ распоряженія новыя и необыкновенныя.

— Его Высочество Принцѣ Регентѣ 5го Февраля давалѣ великолѣпный праздникѣ въ день рожденія Королевы. На ономѣ присутствовали Ея Величество, всѣ Принцы и Принцессы Королевскаго Дома; тамѣ же находились и Французскіе Принцы, Дюкѣ Берри, Принцѣ и Принцесса Конде и особы сославляющія свиту

Французской Королевской фамилии. Ея Высочество Принцесса Шарлотта изволила танцовать съ Дюкомъ Берри. Сполъ накрытъ былъ на бо кувершавъ. Занимъ сидѣли, кромѣ особъ Королевской фамилии, Французскіе Принцы, первѣйшіе чиновники и послы чужестранные. Ея Величество Королева оставалась до самаго окончанія бала, и оказывала особенное вниманіе къ супругъ Россійскаго Посла, Графинѣ Дивенъ, которую она посадила подлѣ себя и съ которою изволила долго разговаривать во время бала.

✽

Всѣ нынѣшнія дѣйствія Французскаго правительства клонятся къ двумъ военнымъ кампаніямъ, а именно, или къ той, которая уже окончилась, или ко вновь предполагаемой. Надобно ослабить впечатлѣніе, произведенное первою, и возбудить уничтоженную довѣренность къ послѣдней. Для того употреблены слѣдующіе способы:

Посланіемъ 8го Февраля отъ Наполеона въ Сенатъ торжественно объявляется, что замокъ Ривольскій возведенъ въ достоинство Княжества Московскаго, и пожалованъ Маршалу Дюку Ельхингенскому въ вѣчное и потомственное владѣніе. Впрочемъ нѣкоторые политическіе писатели и многіе другіе люди сказываютъ тихонько одинъ другому, яко бы Маршалъ Ней черезъ нѣсколько времени долженъ будетъ сложить съ себя новое сіе званіе, и яко бы догадка сія принадлежишь къ числу не только сбыточныхъ, но и достоверныхъ. Это *первой* способъ.

Второй способъ состоишь въ искусно приговоренномъ отчетѣ о состояніи Импе-

рии, представленномъ законодательному сословию. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ рѣчи своей, читанной два часа битыхъ, изобразилъ прелестную картину всѣхъ приращеній, которыми осчастливлена Имперія въ истекшіе два года, и которыя очевидно оказались въ числѣ жителей въ промыслахъ, въ обработаніи земли, во всѣхъ частяхъ земледѣлія, въ мануфактурахъ и въ искусствахъ. Министръ доказалъ неоспоримо отчасу увеличивающееся превосходство какъ въ богатствахъ Имперіи, такъ и въ количествѣ вывозимыхъ продуктовъ. Потомъ дошло дѣло до цифръ, шутъ господинъ Министръ блеснулъ искусствомъ своимъ считать миллионы и размножать нули по благоусмотрѣнію. Франція, сказалъ онъ, въ 1789 году имѣла только 25 или 26 миллионѣвъ жителей; теперь считается въ ней 42,700,000 жителей, а въ прежнихъ границахъ 28,700,000. Изъ этого видно, что ничѣмъ такъ неможно содѣйствовать успѣхамъ въ народонаселеніи, какъ частыми повелѣніями высылать здоровыхъ мужчинъ на убой въ отдаленныя государства, а остающіяся семейства давить налогами и повергать въ опчаяніе. Хлѣба, вина, лошадей, быковъ, пелятъ и свиней, по свидѣтельству господина Министра, находится во Франціи удивительное количество; и здѣсь по истощилъ онъ едва ли не весь запасъ нулей, которыми наполнена была премудрая голова его. Публика незнаетъ чему вѣрить: нулямъ ли Министерскимъ, или двадцатилѣтнимъ опытамъ конскрипціи, прошлагодняго голода и выдачи Румфордова супа, выдѣлыванія сахара изъ винограда за непродажно винъ, частныхъ поборовъ лошадьми всякой доброты и наконецъ

истребленія старинныхъ породъ скотины. Но
 Министру нѣтъ нужды до мнѣнія публики ;
 онъ продолжаетъ тѣлѣствовать , и доказы-
 ваетъ , что Имперія получаетъ чрезвычайные
 барыши отъ вывоза товаровъ , что все сообще-
 нія безопасны и удобны , что свободная
 торговля повсюду процѣптаетъ , и что изъ
 Испаніи въ Голландію и въ Гамбургъ , а изъ
 Рима въ Брестъ безпрепятственно вѣзутъ
 большія повозки. Слушатели повѣрили бы все-
 му этому , еслибъ не знали за подлинно , что
 давно уже нѣтъ никакихъ вывозовъ , что въ
 таможенныхъ спорого досматриваютъ военные
 служители , и что изъ Испаніи въ Гамбургъ
 большія повозки вовсе не вѣзутъ. Послѣ сихъ
 Кишайскихъ пѣней показаны другія. Дошло
 дѣло до финансовъ , и Министръ обнадежилъ
 благосклонныхъ слушателей , что Фран-
 ція по состоянію своихъ доходовъ можетъ
 безпрепятственно продолжать вдругъ при
 войны , то есть одну на моряхъ и двѣ на
 швердой землѣ , довольствуя служащихъ подъ
 ружьемъ 500,000 солдатъ и 100,000 матросовъ ,
 держа 100 линейныхъ кораблей и столько же
 фрегатовъ , и наконецъ издерживая ежегодно
 по 120 или по 150 милліоновъ на публичныя
 работы. Потомъ очередь дошла до милліоновъ
 уже издержанныхъ или къ будущимъ издерж-
 камъ предназначаемыхъ на разныя постройки
 во дворцахъ Луврскомъ и Тюльерійскомъ , на
 сооруженіе чертоговъ для Короля Римскаго ,
 на поправки дворцовыхъ зданій въ Версали ,
 въ Сенклу , въ Трианонъ , въ Рамбулье , въ
 Спупини , въ Стразбургъ и въ Римъ ; говорено
 о драгоцѣнныхъ камняхъ прежнихъ и вновь
 приобретенныхъ , о 30 милліонахъ заплачен-
 ныхъ за разныя ушвари и о другихъ 30 же

милліонахъ употребленныхъ на покупку картинъ, спатуй, всякихъ художественныхъ произведеній и проч. и проч. Всѣ сіи хвастливыя показанія можно бы почестъ за оскорбительныя насмѣшки надъ бѣдствіями народа; не смотря на то благосклонные слушатели осыпали оратора громкими рукоплесканіями. Президентъ сословія, по обычаю, отблагодарилъ Министра краснорѣчивымъ отвѣтомъ, а великодушные слушатели неоставили паки наградить его изъявленіемъ своей чувствительнѣйшей благодарности.

Но шутъ еще не все: при столь счастливыхъ обстоятельствахъ, каковы нынѣшнія, порядокъ требовалъ, чтобы слова подкрѣплены были дѣломъ. И вотъ *третій* способъ, употребленный для прикрытія событій минувшихъ и настоящихъ, и случаевъ будущихъ — это празднество. Во время карнавала данъ былъ роскошнѣйшій пиръ во дворцѣ Тюльерійскомъ. Чадолубивый повелитель Французовъ оставилъ на волю гостямъ прибѣгать въ маскарадъ въ платьяхъ всякаго цвѣта, недозволилъ только, по опеческой заботливости своей, являться въ черныхъ доминахъ, чтобы не испугать чувствительныхъ своихъ подданныхъ.

Еще оставалось представить внимательной Франціи рядъ будущихъ происшествій, счастливыхъ и чудесныхъ; и для того объявлено въ вѣдомостяхъ, что Императоръ немедленно отправится въ Антверпенъ для обозрѣнія своей эскадры; потомъ удостоитъ присутствіемъ своимъ городъ Амстердамъ; оттуда пойдетъ въ Тексель, въ Гронингенъ,

въ Минстерѣ, въ Оснабрикѣ, въ Бременѣ и въ Гамбургѣ, а изъ Гамбурга уже переведетъ главную свою кварширу въ Магдебургѣ. Въ газетной статьѣ о семъ путешествии Наполеона неупоминается, будетъ ли онъ принятъ повсюду съ подобающимъ восторгомъ, или въ нѣкоторые города и совѣмъ его не впускаютъ; но шѣмъ неменѣе достоверно, что сей четвертый способъ подкрѣпитъ и ободритъ унывающихъ, и никто уже не дерзнетъ сомнѣваться, что Франція была, есть и будетъ счастливѣйшею спраною въ мирѣ — на бумагѣ.

— Французы, какъ союзники Прусскаго Короля, занявши крѣпость Шпандау своимъ гарнизономъ, теперь выжгли предмѣстїя и окрестности. Хорошо бы и нужно вразумленіи воровски опянутыхъ крѣпостей установить законъ военный, въ слѣдствіе котораго Французской гарнизонъ, обличенный въ зажигательствѣ, по взятїи крѣпости, долженъ быть переколотъ безъ всякаго помилованїя, или по крайней мѣрѣ Коммандантъ разстрѣлянъ, какъ зажигатель.

✱

Въ Константинополѣ и Салоникѣ подтвердилось въ нынѣшнемъ году мнѣніе, что коровья оспа предохраняетъ отъ моровой заразы. Изъ числа 6000 человекъ, которымъ прививка была оспа, ни одинъ не умеръ отъ заразы, и даже грудные младенцы, питаемые недужными кормилицами, остались невредимы.

✱

Передъ Данцигомъ стоитъ Англійская эскадра изъ 13 фрегатовъ. По частнымъ извѣстіямъ, Данцигскій Коммандантъ Генералъ

Рацѣ два раза уже предлагалъ условія. Въ крѣпости еженедѣльно умираетъ отъ 800 до 1000 человекъ; мертвыхъ бросающъ за городскія стѣны, по невозможности погребать ихъ. — Между тѣмъ Наполеонъ въ Парижѣ вѣдистъ каждой день въ театрѣ и на охоту!

*

Новая Испанская Конституція состоитъ изъ 10 главъ и 384 статей. Главное ея основаніе содержится въ слѣдующихъ постановленіяхъ; Испанскій народъ есть свободной и независимой; онъ не можетъ быть собственностію одного лица или одной династіи. Верховная власть принадлежитъ націи. Правленіе есть Монархическое, ограниченное, наследственное. Кортесы вмѣстѣ съ Королемъ имѣющъ право издавать законы. Исполненіе по онымъ зависитъ отъ Короля.

— Въ Лиссабонскихъ вѣдомостяхъ объявляется отъ 19го Января изъ Аликанта, что Лордъ Беншинкъ побилъ Генерала Сюещаша и ошрѣзалъ его со стороны Каталоніи.

*

По дозволенію Россійскаго Генерала Графа Воронцова, въ Познани 5 Марта, въ день тезоименитства Короля Саксонскаго, пѣта было *Тебе Бога хвалили*; послѣ чего Префектъ воскликнулъ: Да здравствуетъ Его Величество, Фридрихъ Августъ, Король Саксонскій и Герцогъ Варшавскій!

— Изъ Калиша выступилъ одинъ Россійскій корпусъ въ Ченстоковъ, гдѣ находящія еще нѣкоторыя остатки войскъ неприятельскихъ.

— Саксонское войско, уцѣлѣвшее отъ пиранскаго насильства Наполеонова, по есть не бывшее съ нимъ въ походѣ, стоитъ теперь все въ Нижней Лузаци: къ нему идетъ малой остатокъ, возвращающійся изъ Варшавы. И такъ Саксонская сила на одномъ мѣстѣ и въ одно время будетъ принуждена принять справедливую сторону, или — погибнетъ.

✱

Вестфальскія войска идутъ скорыми маршами изъ Испаніи въ Германію, гдѣ они конечно приступятъ къ благороднѣйшему дѣлу, — къ освобожденію отечества отъ погони, копорымъ заставляли ихъ обременять Испанцевъ.

✱

Наполеонъ гуляя въ Булонскомъ лѣсу — конечно съ многочисленною свитою — повсрѣчался съ командою конскриптовъ, и произнесъ къ нимъ сильное орапорское слово. Въ Монитерѣ напечатана сенсимапальная статья о сей отеческой бесѣдѣ. Истинный смыслъ ея, прикрытый нѣжными фразами, есть слѣдующій: „вы Французы; ваши отцы по безсовѣстной глупости своей подчинили себя и васъ моему бѣшеному властолюбію; ступайте проливать за меня кровь свою!“

✱

Замѣчаютъ, что въ Берлинѣ, въ семь главномъ городѣ сѣверной Германіи, должность Президента полиціи опправляетъ г. Леккъ (Mr. Lesock), а начальника Гражданской гвардіи г. Жорданъ (Mr. Jordan). Оба они уроженцы изъ Французскихъ колоній, поселенныхъ въ Прусской Монархіи. Французскія имена сихъ Господъ, опправляющихъ такія должности и въ нынѣшнее время, когда дѣла

идеть объ освобожденіи Германіи, есть нѣчто удивительное. Можно бы сказать на замѣчаніе Рижскаго *Зрителя* по сему предмету, что Французское имя непомѣшаетъ честному гражданину желать добра своему отечеству, ежели онъ съ раннихъ лѣтъ неиспорченъ чужеземнымъ воспитаніемъ; но къ сожалѣнію, одно обстоятельство засмущиваетъ и съ основаніемъ впрямь до времени. Когда, по вступленіи Русскихъ въ Берлинъ, газеты сего рода взяли понѣ патриотическій; но Президентъ полиціи Лекковъ объявилъ публикѣ, что статьи политическія печатаются не по его одобренію.

— Россійскій Подполковникъ Прендель, проходя Шлезію, у встрѣчающихся съ нимъ Баршавскихъ солдатъ отбиралъ оружіе и отправлялъ ихъ съ паспортами въ ихъ жилища. Въ числѣ возвращающихся воиновъ есть много и такъ называемыхъ *Польскихъ козаковъ*; изъ чего видно, что Наполеонъ не ко всѣмъ козакамъ питаетъ отвращеніе: онъ не жалуется только нашихъ Донскихъ Героевъ.

— Въ Магдебургскихъ вѣдомостяхъ подъ статьею изъ Касселя отъ 9го Марта сказано, что Королева приглашается въ Парижъ на нѣкоторое время — вѣроятно по тѣмъ же причинамъ, которыя убѣдили Французовъ оставить Шведскую Померанію, Мекленбургское Герцогство, Гамбургъ и Любекъ. Оба послѣдніе города ушрашили пожалованное имъ отъ Наполеона высокое преимущество именоваться *добрыми* (de bonnes villes). Невозвратная пошерь!

Сказывающъ, что одинъ садовникъ, у котораго Наполеонъ потребовалъ для себя цѣссовъ, отвѣчалъ сему великому завоевателю: „*Helas! les grenadiers sont gelés; les lauriers flétris; il ne nous reste que des soucis et de mauvaises pensées.*“ То есть: „увы! *гранаты* (гренадеры) померзли; *лавры* завяли; у насъ остаются только *ноготки* (хлопоты), да *непакучія фіалки* (безпокойныя мысли).“

— Іоакимъ Мюратъ по прибытіи въ свое Королевство, остановился въ замкѣ Санто - Люціо, и черезъ нѣсколько дней потомъ имѣлъ въздѣ въ сходичной свой городъ. Не надобно думать, будто бы вѣщество великаго Монарха въ Неаполь опложено по причинѣ сочиненія церемоніала и пригеденія въ надлежащій порядокъ профеевъ, которые долженствовали быть несены въ триумфъ. Нѣтъ! онъ въѣхалъ очень просто, и вмѣсто всякой пышной встрѣчи только дозволилъ городскому Синдику поднести себѣ *вѣнокъ лавровой*, и это сдѣлалъ единственно потому что во все время пребыванія въ Россіи нигдѣ не удавалось ему находить лавровъ, до которыхъ онъ снрастной охотникъ.

10 Апрѣля.

КОНЕЦЪ LXVII ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Рѣчь о необходимости въ наступающихъ обстоятельствахъ усилить домовод- ство. - - - - -	3
Людорѣ и Софья. - - - - -	36
Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ ме- жду Меркуріемъ и Модною Дамсю.	169
Агностидъ и Катонъ Утическій. - -	175
Завѣщаніе холост-го старика. - -	185
Предсказаніе отъ алфавитныхъ ли- теръ къ Арабскимъ цифрамъ. - -	202

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Свѣтлана. - - - - -	67
Пѣсня въ веселой часѣ. - - - - -	76
Пѣсня. - - - - -	77
Ениграмма. - - - - -	78
Узникъ къ мышькѣ, влѣтѣвшему въ его темницу. - - - - -	209
Адельстанъ. - - - - -	212

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Фенелоново замѣчаніе о древнихъ ис- точникахъ. - - - - -	79
Любопытное и неизвѣстное путеше- ствіе во внутренность Африки. - -	85
Разсужденіе о математическихъ нау- кахъ. - - - - -	219
О раздѣленіи дня у древнихъ Грековъ.	241
О нынѣшнемъ состояніи Самаритянъ.	249
Отрывскъ изъ Герберштейнова путе- ш-ствія. - - - - -	254

III. КРИТИКА.

Письма о Крымѣ, объ Одессѣ и Азовскомъ морѣ.	-	-	-	278

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

О пребываніи въ Москвѣ Французовъ.				90
Витѣйство Наполеоново въ Законодательномъ собраніи.	-	-	-	102
Объявленіе отъ Короля Саксонскаго.				113
Отъ Германскихъ Патриотовъ.	-	-	-	123
Мысли о нарушеніи трактатовъ.	-	-	-	126
Прокламація отъ Его Величества Короля Прусскаго.	-	-	-	287
Отъ Его Величества Короля Прусскаго къ войскамъ.	-	-	-	299
Письмо отъ Адмирала Вильнева къ Наполеону.	-	-	-	292
Официальной отвѣтъ на клевету Монитера.	-	-	-	295

V. С М Ъ С Ъ.

Сельское заведеніе въ Гофвилѣ.	-			150
Французская пѣсня о Бонапартѣ.	-			147
Примѣчаніе Кремлевскаго жилица.	-			149
Слабости великаго человѣка, или анекдоты о Лихтенбергѣ.	-	-	-	299
Внутреннія извѣстія.	-			151 и 305
Заграничныя извѣстія	-			159 и 313

О Ш И Б К И

въ 1 и 2 NNо Вѣстника Европы

Напечатано : Чиллий :

Стран. Стр.

29	25	малѣйшей	-	-	малѣйшей
165	11	просительницу			вручи пельницу
167	18	къ соображеніямъ			къ умозрѣніямъ

